

Карлос КАСТАНЕДА

КНИГА 8. СИЛА БЕЗМОЛВИЯ.

ПРОЛОГ

Мои книги представляют собой достоверный отчет о методе обучения, который дон Хуан Матус, маг и мексиканский индеец, использовал, помогая мне понять мир магов. В этом смысле мои книги являются отчетом о процессе образа жизни, который со временем становится для меня все более ясным

Требуются годы подготовки, чтобы научить нас разумно обходиться с миром повседневной жизни. Наше обучение в школе — как в прямом, так и в переносном смысле — было очень строгим из-за сложности знания, которым нас пытались наделить. Тот же критерий применим и к миру магов: их обучение основанное на устных инструкциях и манипуляции сознанием, хотя и отличается от нашего, но сурово не в меньшей мере, поскольку их знание также а вероятно даже и в большей степени, труднопонимаемо.

ВВЕДЕНИЕ

В разное время дон Хуан пробовал обозначить свое знание для моего лучшего понимания. Он считал наиболее подходящим название «нагвализм», но этот термин слишком непонятен. Назвать его просто «знанием», значило бы внести излишнюю неопределенность, а термин «колдовство» принижает значение. «Мастерство намерения» очень абстрактно, а «поиски полной свободы» — фраза длинная и метафоричная. В конце концов, не найдя более уместного названия, он окрестил его «магией», хотя и признавал, что в действительности не был точен в этом вопросе.

В течении многих лет он давал мне различные определения магии, но всегда утверждал, что определения изменяются, поскольку увеличиваются знания. Под конец своего обучения я почувствовал, что могу оценить более уточнен ное определение, поэтому попросил его об этом еще раз.

— Оттуда, где находится средний человек, — сказал дон Хуан, — магия кажется чепухой или зловещей тайной вне пределов его досягаемости. И он прав — не оттого, что это абсолютный факт, но потому, что средний человек теряет энергию, сталкиваясь с магией.

Он остановился на миг, а затем продолжал. — Люди рождаются с ограниченным количеством энергии, — сказал дон Хуан, — энергии, которая систематическ разматывается, начиная с самого момента рождения, для того, чтобы она более выгодно использовалась модальностью времени.

— Что ты подразумеваешь под модальностью времени? — спросил я.

— Модальностью времени является определенный пучок уже осознанных энергетических полей, — ответил он. — Я верю, что восприятие человека меняется с возрастом. Настоящее время определяет образ, время решает, какому определенному пучку энергетических полей из неисчислимого множества быть использованным. И управление модальностью времени — теми несколькими энергетическими выделенными полями — отнимают всю нашу наличную энергию, не оставляя ничего, что могло бы помочь нам использовать какие-нибудь другие энергетические поля.

Мягким движением бровей он подгонял меня схватывать все это быстрее.

— Вот что я подразумевал, говоря, что средний человек теряет энергию, сталкиваясь по необходимости с магией. Если он использует только ту энергию, которой обладает, он не постигнет миров магов. Чтобы осознавать их, магам необходимо использовать пучок энергетических полей, который обычно не применяется. Естественно, если средний человек воспринимает эти миры и понимает восприятие магов, он должен пользоваться тем же пучком, который используют и они. А это невозможно, так как вся его энергия уже развернута.

Он сделал паузу, как бы подыскивая подходящие слова для дальнейшего объяснения.

— Порассуждаем об этом, — продолжал он. — все это время ты обучался не магии, а скорее тому, как экономить энергию. И эта энергия может дать тебе возможность обращаться с некоторыми энергетическими полями, которые не употребляются в познании обычного мира известного нам. Магия — это состояние сознания. Магией является способность осознавать нечто такое, что обычному восприятию не подлжит.

— Все, с чем я тебя свел, — продолжал дон Хуан, — каждая вещь, показанная мной, была лишь способом убедить тебя, что здесь существует нечто боль шее, чем встречает глаз. Нам не нужен тот, кто обучал бы нас магии, потому что здесь действительно нечего изучать. В чем мы нуждаемся, так только в учителе, который убедит нас, что даже на наших кончиках пальце есть несметные силы. Что за странный парадокс! Каждый воин на пути знания думает и раз, и другой, что его обучают магии, но все, что он делает — это позволяет убедиться в силах, скрытых в его существе, и в том, что он может дотянуться до них.

— И то, что ты делаешь, дон Хуан, является убеждением меня?

— Конечно. Я пытаюсь убедить тебя, что ты можешь достичь этих сил. Я прошел через то же самое. И меня было также трудно убедить в этом, как и тебя.

— А когда мы дотягиваемся до них, что с ними следует делать, дон Хуан?

— Ничего. Когда мы дотягиваемся до них, они сами по себе позволяют нам энергетические поля, которые имеются в нашем распоряжении, но пока недоступны нам. А это как я уже говорил и является магией. Мы начинаем видеть — то есть воспринимать что — то еще, не как нечто воображаемое, а как реальное и конкретное. Потом мы начинаем знать без того, чтобы использовать слова.

И то что каждый из нас делает с этим возросшим восприятием, с этим безмолвным знанием, зависит от нашего собственного темперамента.

В следующий раз он дал мне другое объяснение. Мы обсуждали совершенно не связанный с этим вопрос, когда он резко сменил тему и начал рассказывать мне смешной случай. Он засмеялся и очень мягко ударил меня по спине между лопатками, будто стал вдруг застенчивым и стеснялся касаться меня. Он тихо хохотнул над моей нервной реакцией.

— А ты пуглив, — сказал он с усмешкой, и с огромной силой нанес мне шлепок по спине.

В ушах у меня загудело. На миг я потерял дыхание. Было такое чувство, что он повредил мне легкие. Каждый вдох давался с большим неудобством. Но после того, как я прокашлялся и сделал несколько глотков, мои носовые проходы открылись, и я нашел, что делаю глубокие, успокаивающие вздохи. У меня было такое чувство благополучия, что я даже не обиделся на его удар, который был не только сильным, но и неожиданным.

Потом дон Хуан начал весьма замечательное объяснение. Ясно и сжато он дал мне другое и более точное определение магии.

Я вошел в удивительное состояние сознания! У меня была такая ясность ума, что я мог понять и усвоить все, о чем говорил дон Хуан. Он сказал, что во вселенной существует неизмеримая, неопиcуемая сила, которую маги называют намерением, и что абсолютно все, существующее в чистом космосе, прикреплено к намерению связующим звеном. Маги или воины, как он называл их, занимаются обсуждением, пониманием и использованием этого связующего звена. И особенно они заняты тем, что очищают его от оцепенелых следствий, привнесенных обычными делами их повседневных жизней. Магия на этом уровне определяется как процедура очищения звена, связующего воина с намерением. Дон Хуан подчеркнул, что эту «процедуру очищения» крайне трудно понять или научиться выполнять. Поэтому маги делят свои инструкции на две категории. Первая-это инструкция для состояния сознания повседневной жизни, в которой процесс очищения представлен скрытым образом. Вторая — инструкция для состояния повышенного сознания, одно из которых я сейчас переживал и в которых маги получали знание прямо из намерения без отвлекающего вмешательства разговорной речи.

Дон Хуан объяснил, что пронося повышенное сознание через тысячелетия упорных усилий, маги добились определенного понимания намерения, и что они передавали эти самородки прямого знания из поколения в поколение до настоящего времени. Он сказал, что задача магии состоит в том, чтобы взять эти непостижимое на вид знание и сделать его понятным по стандартам сознания повседневной жизни.

Затем он объяснил роль руководителя в жизни мага. Он сказал, что руководителя называют «нагвалем», и что нагваль — это мужчина или женщина с экстраординарной энергией, это учитель, имеющий трезвость, терпение и стабильность, видящим он видится как светящаяся сфера с четырьмя отделениями

— Как бы четыре светящихся шара, сжатые вместе. Благодаря своей экстраординарной энергии, нагвали являются посредниками. Их энергия позволяет им канализировать мир, гармонию, смех и знание прямо из источника, из намерения, и передавать все это своим спутникам. Нагвали отвечают за предоставление того, что маги называют «минимальным шансом»: связи сознания кого либо с намерением.

Я сказал ему, что мой ум уловил все рассказанное им, но что есть часть объяснения непонятная мне, — зачем нужны два ряда учений. Я легко понимал все, что он рассказывал о своем мире, а он почему — то описывал процесс понимания как очень трудный.

— Тебе потребуется часть жизни, чтобы вспомнить те проникновения, которые ты имел сегодня, — сказал он, — потому что большая часть их была безмолвным знанием. Через несколько мгновений ты забудешь их. Это одна из непостижимых тайн сознания.

После этого дон Хуан переменял мой уровень сознания, ударив по моей левой стороне, по краю грудной клетки.

Я тут же потерял свою необычную ясность ума и никак не мог вспомнить, что было до этого.

Дон Хуан сам поставил передо мной задачу описания предпосылок магии. Однажды, очень непринужденно, на самом раннем этапе моего обучения, он предложил написать мне книгу для того, чтобы реализовать те записи, которые я всегда делал. У меня скопилось огромное количество заметок, и я не никогда не думал о том, что мне с ними делать.

Я возразил, что такое предложение нелепо, поскольку я не писатель.

— Конечно, ты не писатель, — сказал он, — ты будешь просто использовать магию. Сначала тебе придется визуализировать свои переживания, как бы рельефно выделяя их, а затем ты должен увидеть текст в своем сновидении. Для тебя описание будет представлять не литературную работу, а скорее упражнение в магии.

Я начал описывать предпосылки магии так, как их объяснял мне дон Хуан в контексте его учения.

В его схеме обучения, которая была развита магами древних времен, существовали две категории инструкции. Первая называлась «учением для правой стороны» и давалась в обычном состоянии сознания. Другую называли «учением для левой стороны» и практиковали исключительно в состояниях повышенного сознания.

Эти две категории позволяли учителям обучать своих учеников трем пространствам знания: мастерству сознания, искусству выслеживания и мастерству намерения.

Эти три пространства знания являются тремя загадками, с которыми маги сталкиваются в своих поисках знания.

Мастерство сознания — это загадка для ума, маги испытывают смущение, признавая изумительную тайну и размах сознания и восприятия.

Искусство выслеживания — загадка для сердца, маги приходят в замешательство, осознав две вещи: первое, что мир кажется нам неизменно предметным и фактическим из-за странностей нашего сознания и восприятия, и второе, что если в игру вступают различные странности восприятия, многие вещи мира, казавшегося нам таким неизменно предметным и фактическим, начинают меняться.

Мастерство намерения — загадка для духа или парадокс абстрактного — мысли и действия магов выходят за наши человеческие рамки.

Инструкции дон Хуана относительно искусства выслеживания и мастерства намерения полагались на инструкции по мастерству сознания, которое было краеугольным камнем его учения и которое включало в себя следующие базовые предпосылки:

1. Вселенная является безграничным скоплением энергетических полей, похожих на нити света.

2. Эти энергетические поля, называемые эманациями орла, распространяются из источника невероятных пропорций, метафорически называемого орлом.

3. Человеческие существа также состоят из неисчислимого количества тех же нитеобразных энергетических полей. Эти эманации орла образуют полностью закрытое скопление, которое проявляет себя как шар света размером с человеческое тело с руками, вытянутыми в стороны — нечто похожее на светящееся гигантское яйцо.

4. Только очень небольшая группа энергетических полей внутри светящегося шара освещена точкой интенсивной яркости, расположенной на поверхности шара.

5. Восприятие имеет место, если энергетические поля в этой маленькой группе, в непосредственном окружении точки яркости, простирают свой свет освещая идентичные энергетические поля снаружи шара. Поскольку воспринимаются только те энергетические поля, которые освещаются точкой яркости то эта точка названа «точкой где собирается восприятие» или просто точкой сборки.

6. Точку сборки можно передвигать с ее обычного местоположения на поверхности светящегося шара в другое место на поверхности или внутри шара так как блеск точки сборки освещает любое энергетическое поле, вошедшее с ней в контакт, то при ее передвижении в новое место проявляются новые энергетические поля, которые становятся познаваемыми. Это восприятие известно как видение.

Когда точка сборки сдвинута, становится возможным восприятие совершенно другого мира-такого же предметного и фактического, как и тот, который мы обычно замечаем. Маги идут в этот другой мир за энергией, силой, решением общих и частных проблем или на встречу с невообразимым.

8. Намерение-это всеобъемлющая сила, которая заставляет нас воспринимать. Мы воспринимаем не потому, что становимся осведомленнее, наше восприятие является скорее результатом давления и вторжения намерения.

9. Цель магов заключена в достижении состояния полного сознания для того, чтобы испытать все возможности восприятия, доступные человеку. Это состояние сознания предполагается как прямо противоположное смерти.

Уровень практического знания включается как часть учения мастерства сознания. На этом практическом уровне дон Хуан обучал процедурам, необходимым для сдвига точки сборки. Этому служили две великие системы, изобретенные видящими-агами древних времен: сновидение — контроль и использование снов, и выслеживание — контроль поведения.

Перемещение точки сборки было существенным маневром, которому обучался каждый маг. Некоторые из них, нагвали, учились выполнять его для других. Они были способны выбивать точку сборки с ее привычной позиции, нанося сильный шлепок по точке сборки. Этот удар, который воспринимался как удар ладонью по правой лопатке — хотя тела и не касались — переводил в состояние повышенного сознания.

В соответствии с традицией, исключительно в этих состояниях повышенного сознания, дон Хуаном выдавалась наиболее важная и драматичная часть его учения: инструкции для левой стороны. Из-за экстраординарного качества этих состояний дон Хуан требовал, чтобы я не обсуждал их с другими, пока мы не закончим все, что входило в схему обучения магов. Это требование я принял без затруднений. В подобных уникальных состояниях сознания мои способности понимания инструкций невероятно увеличивались, но в то же самое время мои способности описания или даже воспоминания их ухудшались. Я действовал в этих состояниях уверенно и умело, но не мог ничего вспомнить, перейдя в свое нормальное сознание.

Потребовались годы для создания критического превращения моего увеличенного сознания в открытую память. Мой рассудок и здравый смысл замедляли этот темп, сталкиваясь лоб в лоб с нелепой, неправдоподобной реальностью повышенного сознания и прямого знания. С годами, проистекающее из этого познавательное расстройство вынудило меня избегать данную проблему, не думая о ней.

Что бы я ни писал о своем обучении вплоть до сего времени, рассказывает о том, как дон Хуан обучал меня мастерству сознания. Я не описывал ни искусства выслеживания, ни мастерства намерения.

Дон Хуан учил меня их принципам и приложениям с помощью двух своих спутников: магов Висенте Медрано и Сильвио Мануэля, но чему бы я ни учился у них, все оставалось покрытым мраком в том, что дон Хуан называл сложностями повышенного сознания. До сих пор для меня было невозможно ни писать, ни даже думать связанно об искусстве выслеживания и мастерстве намерения. Моей ошибкой было то, что я считал их объектом нормальной памяти и воспоминания, они были, и в то же время их не было. Чтобы решить это противоречие, я не следовал им прямо — что фактически невозможно — а обходился с ними косвенным путем посредством заключительной темы инструкции дон Хуана: историй магов прошлого.

Он рассказывал эти истории, раскрывая мне то, что называл абстрактными ядрами своих наставлений. Но я был неспособен уловить природу абстрактных ядер несмотря на его исчерпывающие объяснения, которые, как я теперь знаю, предназначались больше для того, чтобы расширить мой кругозор, чем для объяснения чего бы то ни было рациональным способом. Его манера изложения заставила меня многие годы верить в то, что объяснения абстрактных ядер были похожи на ученые отчеты, и все, что я мог делать при таких обстоятельствах, так это принимать их как данное. Они стали частью моего молчаливого одобрения его учения, но без полной оценки моего участия, которое было существенно для их понимания.

Дон Хуан представил три серии по шесть абстрактных ядер в каждой, которые располагались по степени возрастающей сложности. Здесь я описываю первую серию, которая состоит из манифестаций духа, стука духа, надувательства духа, нашествия духа, требований намерения, и управления намерением.

1. МАНИФЕСТАЦИИ ДУХА. ПЕРВОЕ АБСТРАКТНОЕ ЯДРО

Дон Хуан всякий раз, когда это было уместно, рассказывал мне короткие истории о магах своей линии, и особенно о своем учителе, нагвале Хулиане на самом деле это были не истории, а скорее описание способов поведения этих магов и аспектов их индивидуальностей. Каждый из этих рассказов был предназначен для того, чтобы пролить свет на определенный предмет в моем обучении.

Я слышал те же истории и от других пятнадцати членов группы магов дон Хуана, но ни один из этих рассказов не давал мне ясного образа людей, которых они описывали. Так как

я не мог убедить дон Хуана дать мне побольше подробностей об этих магах, я покорился мысли о том, что никогда не узнаю их сколь-либо глубже.

Как-то после полудня, в горах южной Мексики, дон Хуан, объяснив мне кое-что о сложностях мастерства сознания, сделал заявление, которое поставило меня в тупик.

— я думаю, наступило время поговорить о магах нашего прошлого, — сказал он.

Дон Хуан объяснил, что это необходимо для того, чтобы я начал составление выводов, основанных на систематическом обзоре прошлого — выводов как о мире ежедневных дел, так и о мире магов.

— Маги жизненно заинтересованы в своем прошлом, — сказал он.

— Я не имею в виду их личного прошлого. Для магов их прошлым является то, что делалось другими магами в давно прошедшие дни. И то, чем мы сейчас займемся, будет исследованием этого прошлого.

— Средний человек тоже пересматривает прошлое, но пересматривает главным образом свое личное прошлое и делает это ради своего собственного оправдания. Маги заняты противоположным — они советуются с прошлым, чтобы получить ориентир.

Но разве это не делает каждый? Смотреть на прошлое, чтобы получить ориентир.

— Нет! — настойчиво возразил он. — Средний человек измеряет себя по отношению к прошлому, к личному прошлому или прошлому знанию его времени, пытается найти оправдание своему настоящему или будущему поведению, либо создать для себя образец. А маги искренне ищут в своем прошлом только ориентир.

— Дон Хуан, а может быть вопрос прояснится для меня, если ты расскажешь, что для мага является ориентиром?

— Для магов установление ориентиров означает получение шанса исследовать намерение, — ответил он. — Это является точной целью нашей финальной цели инструкций. И ничто не дает магам лучшего взгляда на намерение, чем исследование историй других магов, сражавшихся за понимание той же силы.

Он объяснил, что исследуя свое прошлое, маги его линии тщательно отмечали основной абстрактный порядок своего знания.

— В магии существует двадцать одно абстрактное ядро, — продолжал дон Хуан — далее имеется множество историй, основанных на этих абстрактных ядрах, историй о нагвалях нашей линии, сражавшихся за понимание духа. Пришло время раскрыть тебе абстрактные ядра и магические истории.

Я ждал, что дон Хуан начнет рассказывать мне истории, но он сменил тему и вновь вернулся к объяснению сознания.

— Подожди минутку, — запротестовал я. — а как же с магическими историями. Ты расскажешь мне их?

— Конечно расскажу, — ответил он. — Но это не те истории, которые можно рассказывать как сказки. Тебе предстоит продумать через них свой путь, а затем переосмыслить их — прожить их заново, так сказать.

Наступило долгое молчание. Я стал очень осторожным и боялся, что если вновь начну настаивать на том, чтобы он рассказал мне истории, мне придется взять на себя ответственность за то, о чем я позже буду сожалеть. Но любопытство оказалось большим, чем здравый смысл.

— Ну что же, продолжим эту тему, — проквашал я.

Дон Хуан, явно уловив суть моих мыслей, злобно усмехнулся.

Он встал и дал мне знак следовать за ним. До этого мы сидели среди каких-то сыпучих скал на дне оврага. Было около пяти часов вечера. Небо потемнело и стало облачным. Низкие, почти черные дождевые облака неслись чуть выше вершин на восток. В сравнении с ними облака в вышине создавали впечатление, что небо к югу проясняется. Немного раньше шел ливень, а теперь казалось, что дождь отступил в свое убежище, оставив вместо себя только угрозу.

По идее я должен был замерзнуть до костей-было очень холодно. Но мне было тепло. Когда я вцепился в камень, который дон Хуан дал мне подержать я понял, что ощущение тепла в почти ледяной мороз было знакомо мне, хотя и удивляло меня каждый раз. Как только я начинал замерзать, дон Хуан давал мне подержать ветку или камень, либо засовывал под мою рубашку на верхнюю часть грудной кости горсть листьев, и это было достаточно, чтобы повысить температуру моего тела.

Я безуспешно пытался самостоятельно восстановить эффект его помощи. Как-то он сказал мне, что это не помощь, а его внутреннее молчание, которое делает меня теплым, причем ветви, камни и листья использовались как прием ловли моего внимания и поддержания его в фокусе.

Быстро передвигаясь, мы влезли на крутой западный склон горы и почти у самой вершины достигли скалистого уступа. Мы находились в предгорье высокого горного хребта.

Со скалистого уступа я увидел, что туман начал смещаться к южному концу долины, которая расстилалась под нами. Низкие, тонкие облака, казалось, наступали на нас, срываясь с черно-зеленых высоких горных вершин и соскальзывая на запад. После дождя, под темным облачным небом, долина и горы к востоку и югу казались покрытыми мантией темно-зеленого безмолвия.

— Вот идеальное место для беседы, — сказал дон Хуан, усаживаясь на каменный пол небольшой потаенной пещеры.

Пещера идеально подходила для того, чтобы мы могли сидеть бок о бок. Наши головы почти касались свода, а спины удобно прилегали к изогнутой поверхности скалистой стены. Казалось, что пещеру специально выдолбили для того, чтобы в ней могли разместиться два человека нашей комплекции.

Я заметил и другую странную особенность пещеры: стоя на выступе, я видел всю долину и горные цепи к востоку и югу, но сидя здесь я был ограничен скалами. В то же время выступ находился на уровне пола пещеры и был плоским.

Я хотел поделиться с дон Хуаном своими наблюдениями, но он предвосхитил меня.

— Эта пещера создана людьми, — сказал он. — выступ имеет уклон, но глаза не замечают его.

— Кто сделал эту пещеру, дон Хуан?

— Древние маги. Может быть тысячи лет тому назад. Одной особенностью это пещеры является то, что животные, насекомые и даже люди не приходят. Сюда древние, маги кажется, наделили ее зловещим зарядом, который заставляет каждое живое существо чувствовать себя здесь неловко.

Странно, но в этот миг я чувствовал необъяснимое счастье и надежную защиту. Все мое тело звенело от ощущения физической удовлетворенности. Фактически я чувствовал очень приятное, очень сладостное ощущение в животе, словно что-то щекотало мои нервы.

— Я себя неловко не чувствую, — прокомментировал я.

— Со мной то же самое, — сказал он. — но это значит только то, что ты и я не отличаемся сильно по темпераменту от старых магов прошлого, настолько чтобы как-то беспокоиться об этом.

Я боялся развивать эту тему как-либо дальше, потому что ждал от него рассказа.

— Первая магическая история, которую я расскажу тебе, называется «манифестация духа», — начал дон Хуан, — но не позволяй названию мистифицировать тебя. Манифестация духа — это только первое абстрактное ядро, вокруг которого выстроена первая магическая история.

— Это первое абстрактное ядро само по себе является историей, — продолжал он. — Рассказ гласит, что когда-то жил человек, средний человек, без всяких особых атрибутов. Он служил, как и любой другой вместилищем для духа. И в силу этого, он как и любой другой человек, был частью духа, частью абстрактного. Правда он не знал этого. Мир делал его таким занятым, что у него не было ни времени, ни желания действительно исследовать этот вопрос.

— Дух пытался, конечно, без толку, обнаружить свою связь, используя внутренний голос, дух раскрывал свои секреты, но человек не мог понять этих откровений. Конечно, он слышал внутренний голос, но был уверен, что он чувствует своими собственными чувствами и думает своими собственными мыслями.

— Дух, пытаясь вывести его из дремоты, дал ему три знамения, три следующие одна за другой манифестации. Дух физически пересек путь человека наиболее очевидным способом. Но человек забывал все, кроме своих забот.

Дон Хуан остановил рассказ и посмотрел на меня, как делал это всегда, когда ждал моих замечаний и вопросов. Я ничего не сказал, так как не понимал того, что он хотел мне доказать.

— Я просто рассказываю тебе о первом абстрактном ядре, — продолжал он. — Единственной вещью, которую я хочу добавить, является то, что только благодаря абсолютному нежеланию человека понимать что-либо, дух был вынужден использовать надувательство, и эта уловка стала сущностью пути магов. Но это другая история.

Дон Хуан объяснил, что маги понимали это абстрактное ядро как проект событий или повторяющийся шаблон, который является каждый раз, когда намерение указывает на что-то многозначительное. Поэтому абстрактное ядро представляет собой заметки на полную цепь событий.

Он заверил меня, что оставаясь вне понимания, каждая деталь любого абстрактного ядра попадает в вихрь и вихрь с приходом каждого нового нагваля. Дальше он уверял меня, что помог намерению вовлечь меня во все эти абстрактные ядра магии, причем в той же манере, в какой вовлекали своих учеников его бенефактор, нагваль Хулиан, и все нагвали до него.

Процесс, посредством которого каждый новый нагваль сталкивался с абстрактными ядрами, создавал серии рассказов, сотканных вокруг абстрактных ядер, которые регистрировали обстоятельства и частные подробности каждой индивидуальности ученика.

Он сказал, например, что я имел мою собственную историю о манифестациях духа, он имел свою, его бенефакторскую собственную, как и нагваль который предшествовал ему и так далее и тому подобное.

— А какова моя история манифестации духа? — спросил я несколько озабоченно.

Если какой-то воин осознал свои истории, осознаешь и ты, — ответил он. — В конце концов, с годами ты напишешь о них. Хотя и не заметишь абстрактных ядер, поскольку ты человек практичный. Ты все делаешь только для того, чтобы подчеркнуть свою практичность. И хотя я занимался своими историями до изнеможения, у тебя и мысли нет о том, что в них имеется абстрактное ядро. Поэтому все, что я показывал тебе как практичную, иногда эксцентричную, деятельность, было обучением магии нерасторопного и большей частью глупого ученика. Пока ты смотришь на все с такой точки зрения, абстрактные ядра ускользают от тебя.

— Ты должен простить меня, дон Хуан, — сказал я, — но твои заявления очень туманны. Что ты хочешь сказать?

— Я пытаюсь ввести магические истории как предмет, — ответил он. — Я никогда специально не разговаривал с тобой на эту тему, потому что по традиции она всегда остается скрытой. Это последняя хитрость духа. Говорят, что когда ученик понимает абстрактные ядра, это похоже на укладку камня, который венчает и скрепляет пирамиду.

Темнело, и это выглядело так, словно вновь пошел дождь. Я беспокоился о том, что если ветер подует с востока на запад при сильном дожде, нас в этой пещере вымочит до нитки. Я был уверен, что дон Хуан осознавал, но почему-то игнорировал это.

— Дождя не будет до завтрашнего утра, — сказал он.

Ответ на мои потаенные мысли заставил меня непроизвольно подпрыгнуть, я сильно стукнулся макушкой о каменный свод пещеры. Это сопровождалось глухим стуком, который прозвучал хуже, чем хотелось бы.

Дон Хуан схватился за бока от хохота. Позже, когда моя голова действительно заболела, я начал массировать ее.

— Твоя компания так же приятна для меня, как моя была приятна моему бенефактору, — сказал он и засмеялся вновь.

Мы успокоились через несколько минут. Тишина вокруг меня была зловещей мне казалось, что я слышу шелест низких облаков, когда они спускались на нас с высоких гор. Потом я понял, что услышанный шелест был тихим ветром. С моего места в неглубокой пещере он слышался как перешептывание человеческих голосов.

— Мне невероятно повезло — я учился у двух нагвалей, — сказал дон Хуан, разрушая гипнотическое воздействие, которое оказал на меня в этот момент — первый был, конечно же мой бенефактор, нагваль Хулиан, второй, нагваль Элиас, был его бенефактором. Мой случай уникальный.

— Почему это твой случай уникальный? — спросил я.

— Потому что поколения нагвалей собирали своих учеников через годы после того, как их собственные учителя покидали мир, — объяснил он. — Кроме моего бенефактора. Я стал учеником нагваля Хулиана за восемь лет до того, как его бенефактор оставил мир. У меня была милость восьми лет. Это наиболее удачная вещь из всех тех, что случались со мной, поэтому у меня была возможность научиться двум противоположным темпераментам. Это похоже на то, когда тебя воспитывает могущественный отец и еще более могущественный дед, которые не сходятся во взглядах. В таком соперничестве дед всегда выигрывает. Поэтому я собственно продукт учения нагваля Элиаса. Я ближе к нему не только по темпераменту, но и по взглядам, и как уже говорил, обязан ему своей прекрасной настройкой. Однако, большую часть работы, которая привела меня к превращению из жалкого существа в безупречного воина, проделал мой бенефактор, нагваль Хулиан.

— Как физически выглядел нагваль Хулиан?, — спросил я.

— Ты знаешь, к этому дню мне трудно визуализировать его, — сказал дон Хуан. — Я знаю, это звучит абсурдно, но в зависимости от его потребностей и обстоятельств, он был либо молодым, либо старым, красивым или безобразным, расслабленным и хилым или сильным и мужественным, толстым или стройным, среднего или очень низкого роста.

— Ты хочешь сказать, что он был актером, исполнявшим разные роли с помощью реквизита?

— Нет, реквизит здесь не вовлекался, да и просто актером его не назовешь. Он, конечно, был великий актер в своем роде, но это нечто другое. Суть в том, что он был способен трансформировать себя и становиться всеми этими диаметрально противоположными персонажами. Будучи актером, он мог изобразить все мельчайшие особенности поведения,

которые делают реальным каждое отдельное существо. Можно сказать, что он был волен в любой перемене существа, как волен ты в любой перемене одежды.

Я нетерпеливо попросил дон Хуана рассказать мне побольше о трансформациях его бенефактора. Он сказал, что кое-то научил его тому, как извлекать эти трансформации, но для того, чтобы объяснить это кому-либо другому, ему придется частично обратиться к другим историям.

— А как нагваль Хулиан выглядел, когда не трансформировал себя? — спросил я.

— Надо отметить, что до того как он стал нагвалем, он был очень стройным и мускулистым, — сказал дон Хуан. — У него были черные, густые и вьющиеся волосы, длинный, тонкий нос, сильные, белые и крупные зубы, овальное лицо, мужественный рот и темно-коричневые глаза. Рост-пять футов и восемь дюймов (172, 2 см). Он не был индейцем, не был смуглым мексиканцем, как не был и белым англичанином. В сущности, его цвет лица казался был единственным в своем роде, особенно в его последние годы, когда он постоянно менялся от темного к очень светлому обратно к темному. Когда я первый раз встретил его, он был светло-коричневым стариком, затем прошло время, и он стал светлокожим молодым человеком, возможно только на несколько лет старше меня. Мне в то время было двадцать лет.

— Но если перемены его внешнего вида были удивительны, — продолжал дон Хуан, — перемены поведения и настроения, которые сопровождали каждую трансформацию, были еще более изумительны. Например, когда он был толстым и молодым, это был веселый и сладострастный человек. Когда он становился худым и старым, это был мелочный и мстительный старикашка. А когда становился жирным стариком, он предстал перед нами величайшим глупцом.

— Он был когда-нибудь самим собой? — спросил я.

— Не в том смысле, как я, — ответил он. — поскольку меня не интересует трансформация, я всегда один и тот же. А он во всем отличался от меня.

Дон Хуан посмотрел на меня, как бы оценивая мою внутреннюю прочность. Он улыбнулся покачал головой и разразился веселым смехом.

— Что здесь смешного, дон Хуан? — спросил я.

— Тот факт, что ты по-прежнему излишне щепетилен и очень жестко оцениваешь природу трансформаций моего бенефактора и их тотальный размах, — сказал он. — а я уверен, что когда расскажу тебе о них, ты потеряешь к ним нездоровое влечение.

По какой-то причине мне вдруг стало ужасно неудобно, и я сменил тему.

— Почему нагвалей называют «бенефакторами», а не просто учителями? — спросил я нервно.

— Называть нагваля бенефактором-это жест его учеников. Нагваль вызывает у них подавляющее чувство благодарности. В конце концов, нагваль формирует их и ведет через невообразимые пространства.

Я заметил, что обучение, по моему мнению, было величайшим и наиболее альтруистическим действием того, кто выполнял его для других.

— Для тебя обучение является разговором об образах, — сказал он. — Для магов обучение-это то, что делает нагваль для своих учеников. Для них он открывает преобладающую во вселенной силу: намерение-силу, которая изменяет и перенаправляет вещи или оставляет их такими, как они есть. Нагваль формирует, а затем направляет следствия, которые эта сила оказывает на учеников. Без оформления намерения они не найдут в нагвале ни благоговения, ни чуда. А его ученики вместо погружения в магическое путешествие-открытие, попросту обучались бы ремеслу: целители, маги, богословы, шарлатаны или что бы там ни было.

— Ты можешь объяснить мне намерение? — спросил я.

— Единственный способ узнать намерение, — ответил он, — состоит в том, чтобы узнать его непосредственно через имеющиеся связи, которые существуют между намерением и всеми чувствующими существами. Маги называют намерение неопишуемым, духом, абстрактным, нагвалем. Я предпочитаю называть его нагвалем, но это частично перекрывает название для лидера, бенефактора, которого также называют нагвалем, поэтому я остановился на терминах дух, намерение и абстрактное.

Дон Хуан резко остановился и порекомендовал, чтобы я сохранял спокойствие и думал о том, что он мне сказал. Между тем стало совсем темно. Тишина была такой глубокой, что вместо того, чтобы успокоить меня до умиротворения, она взволновала меня. Я не мог поддерживать порядок в своих мыслях. Я попытался сфокусировать свое внимание на истории, которую он мне рассказал, но вместо этого стал думать о чем-о еще, пока наконец не заснул.

Не могу сказать, как долго я проспал в этой пещере. Голос дон Хуана напугал меня, и я проснулся. Он говорил о том, что первая магическая история относительно манифестаций духа была рассказом о взаимоотношении между намерением и нагвалем-историей о том, как дух создал для нагваля ловушку и о том, как нагваль, ожидаемый ученик, оценил ловушку еще до своего решения принять или отвергнуть ее.

В пещере было ужасно темно, и небольшое пространство как бы запирало нас. Обычно в таких случаях я страдал клаустрофобией, но пещера успокаивала меня, рассеивая мое чувство раздражения. К тому же что-то в конфигурации пещеры поглощало эхо от слов дон Хуана.

Дон Хуан объяснил, что любое действие, исполняемое магами и особенно нагвалями, совершается либо как способ усиления их связи с намерением, либо как отклик, вызванный самим звеном. Поэтому маги, и особенно нагвали, постоянно остаются настороже, высматривая манифестации духа. Эти манифестации называются жестами духа или более просто, указаниями или предзнаменованиями.

Он повторял историю, которую уже рассказывал мне, историю о том, как он встретил своего бенефактора, нагваля Хулиана.

Два нечестных человека хитростью заманили дон Хуана работать на уединенной гасиенде. Один из них, старший рабочий гасиенды, взял дон Хуана в оборот и буквально превратил его в раба.

Отчаявшись и не в силах изменить ход событий, дон Хуан совершил побег. Жестокий надсмотрщик погнался вслед и, поймав его на деревенской дороге прострелил дон Хуану грудь.

Дон Хуан лежал без сознания на дороге, истекая кровью, когда его нашел нагваль Хулиан. Используя свое знание целителя, он остановил кровотечение, взял бесчувственного дон Хуана домой и вылечил его.

Первым указанием духа, данным нагвалю Хулиану о дон Хуане, было небольшое завихрение, которое подняло столб пыли на дороге в паре шагов от того места, где лежал он, вторым предзнаменованием была мысль, которая мелькнула в голове нагваля Хулиана за миг до того, как он услышал выстрел невдалеке: мысль о том, что пора иметь нагваля-ученика. Несколько позже дух дал ему третье: вместо того, чтобы столкнуться с бандитом, он обратил его в бегство, по-видимому предотвратив второй выстрел в дон Хуана. Столкновение с кем-то было типом ошибки, которую ни маг, ни тем более нагваль никогда не могли допустить.

Нагваль Хулиан тут же оценил представившийся случай. А когда он увидел дон Хуана, то понял смысл манифестаций духа: перед ним был двойной мужчина, идеальный кандидат ученика-нагваля.

Все это вызвало во мне рациональный интерес. Я хотел знать, могут ли маги ошибаться, интерпретируя предзнаменование. Дон Хуан ответил, что хотя мой вопрос и звучит вроде бы правильно, он неприемлем, как и большинство других моих вопросов, поскольку я задаю их, основываясь на своих переживаниях в мире повседневной жизни. Они, таким образом, всегда выражают процедуру проверки и правил дотошности, не имея никакого отношения к предпосылкам магии. Он указал на дефект моих рассуждений-на то, что мне постоянно не удается подключить сюда мои переживания в мире магов.

Я возразил, что только несколько моих переживаний в мире магов были непрерывны, следовательно, я не могу использовать такой опыт в моей настоящей повседневной жизни. Лишь несколько раз и только тогда, когда я находился в состояниях глубокого повышенного сознания, я вспоминал обо всем. На уровне повышенного сознания, которого я обычно достигал, единственным переживанием, имеющим неразрывность между прошлым и настоящим, было узнавание этого уровня.

Он ответил язвительно, что я вполне способен овладеть рассуждением магов, поскольку испытал все предпосылки магии в своем нормальном состоянии сознания. И уже более мягко добавил, что повышенное сознание не открывает всего, пока не завершено все здание знания магии.

Потом он ответил на мой вопрос, могут ли маги неверно оценивать предзнаменование. Дон Хуан объяснил, что когда маг интерпретирует предзнаменование, он знает его точный смысл без какого-либо понятия о том, как он его узнал. Это одно из ставящих в тупик следствий звена, связующего мага с намерением. Маги имеют чувство прямого знания вещей, которое, как они уверены, зависит от силы и чистоты их связующего звена.

Он сказал, что чувство, известное как «интуиция», является активным связующим звеном понимания. А поскольку маги умышленно добиваются понимания и усиления связующего звена, то они интуитивно воспринимают все без ошибок с безукоризненной точностью. Чтение предзнаменований для мага своего рода банальность, ошибки случаются только

тогда, когда вмешиваются личные чувства, омрачая звено, связующее мага с намерением. С другой стороны, их прямое знание полностью правильно и функционально.

Мы помолчали некоторое время.

Внезапно он сказал:

— Я расскажу тебе историю о нагвале Элиасе и манифестациях духа. Дух проявляет себя магу и особенно и особенно нагвалю на каждом шагу. Но это не вся истина. Истина в том, что дух открывает себя каждому человеку с одной и той же интенсивностью и в одной и той же последовательности, но лишь маги и особенно нагвали, настроены на такие откровения.

Дон Хуан начал свой рассказ. Он сказал, что нагваль Элиас однажды ехал в город на своей лошади, избрав кратчайший путь через поля, когда вдруг его кобыла бросилась в сторону, напуганная низко пролетевшим соколом, который молнией пронесся всего в нескольких сантиметрах от соломенной шляпы нагваля. Нагваль тут же спешил и начал осматриваться. Он увидел незнакомого юношу среди высоких, сухих стеблей кукурузы. Молодой человек был одет в дорогой черный костюм и выглядел чужеземцем. Нагваль Элиас много повидал и крестьян и землевладельцев, но никогда еще не встречал столь элегантно одетого горожанина, бредущего по полю с очевидным пренебрежением к своим дорогим туфлям и одежде.

Нагваль привязал лошадь и пошел к молодому человеку. Он принял полет сокола, также как и одежду юноши как очевидные манифестации духа, которыми пренебречь он не мог. Нагваль подошел поближе и увидел, что молодой человек гонится за крестьянкой, которая бежала на несколько метров впереди него, ловко уворачиваясь и заливаясь смехом.

Противоречие было совершенно очевидным для нагваля. Двое людей, прыгающих на кукурузном поле, не подходили друг другу. Нагваль подумал, что мужчина, должно быть, сын землевладельца, а женщина-служанка в их доме. Он почувствовал смущение, наблюдая за ними, и повернулся было, чтобы уйти, как вдруг сокол вновь пронесся над полем, коснувшись на этот раз головы юноши. Сокол испугал парочку, они остановились и уставились в небо, ожидая новую атаку. Нагваль заметил, что юноша был молод и красив, у него были бегающие, беспокойные глаза.

Потом им наскучило следить за соколом, и они вернулись к своей игре. Мужчина поймал женщину, обнял ее и мягко уложил на землю. Но вместо того чтобы насладиться любовью с ней, как это предполагал нагваль, юноша снял одежду и предстал перед женщиной совершенно голым.

Она не закрывала в смущении глаз, не вскрикивала застенчиво, не пугалась, и только хихикала, загипнотизированная телом голого мужчины, который прыгал вокруг нее словно сатир, делая бесстыдные жесты и задыхаясь от смеха. В конце концов, по-видимому переполненная зрелищем, она издала дикий крик, вскочила и бросилась в объятия юноши.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас признался ему, что указания духа на этот раз просто ставили его в тупик. Было ясно, что мужчина психически болен. С другой стороны, зная о том, как строги были крестьяне к своим женщинам, он не мог понять обольщения молодой крестьянки в ясный день в нескольких метрах от дороги-и в придачу голым.

Дон Хуан взорвался смехом и сказал мне, что в те дни тот, кто снимал одежду и вступал в половой акт в ясный день и в таком месте, считался либо безумным, либо блаженным. Он добавил, что в наше время такой поступок вряд ли кого бы удивил. Но тогда, почти сто лет назад, люди были более сдержанными.

Все это убедило нагваля Элиаса, что мужчина либо безумный, либо блаженный. Он беспокоился, что крестьяне могут оказаться случайно поблизости и, увидев пару, придут в ярость и расправятся с молодым человеком тут же. Но никого рядом не было. Нагвалю показалось, что время замедлило бег а потом и вовсе остановилось.

Когда мужчина закончил половой акт, он оделся, вытащил носовой платок, тщательно протер свои туфли, осыпая при этом девушку несбыточными обещаниями, и пошел своей дорогой. Нагваль Элиас последовал за ним. В сущности он следовал за ним несколько дней, по пути узнав, что того зовут Хулианом, и что он был актером.

Впоследствии нагваль часто видел его на сцене и понял, что этот актер имел огромный божий дар. Публика, особенно женщины, были от него без ума и он без колебаний пускал в ход свой талант обаяния, соблазняя поклонниц, и поскольку нагваль всюду следовал за актером, он мог засвидетельствовать его технику обольщения лучше, чем кто-либо другой. Считая необходимым показывать себя голым своим обожательницам, как только оставался с ними наедине, он ждал затем того момента, пока женщина, ошеломленная его игрой не отдавалась ему. Техника казалась крайне эффективной. Нагваль признавал, что актер имел огромный успех, но была одна особая статья в его обвинительном акте. Он был смертельно болен. Нагваль видел черную тень смерти, которая следовала за ним по пятам.

Дон Хуан вновь объяснил мне то, что уже говорил годами раньше-что наша смерть была черным пятном прямо за левым плечом. Он сказал, что маги знают, когда человек близок к

смерти, поскольку видят темное пятно, которое становится движущейся тенью, размерами и формой точно копируя человека, которому оно принадлежит.

Осознав неминуемое присутствие смерти, нагваль погрузился в замешательство. Он удивлялся, почему дух выбрал такого больного человека. Он был научен, что в естественном состоянии, без восстановления, господствует замена. А нагваль сомневался, что обладает способностью или силой вылечить этого молодого человека или противостоять черной тени его смерти. Он даже сомневался в том, сможет ли открыть суть того, почему дух вовлек его в проявление такого очевидного истощения.

Нагваль ничего не стал предпринимать, но остался с актером, следуя за ним и дожидаясь случая увидеть всю суть на большей глубине. Дон Хуан объяснил, что первой реакцией нагваля перед лицом манифестаций духа была попытка увидеть вовлеченного человека. Нагваль Элиас дотошно провел видение актера в тот момент, когда впервые заметил его. Он видел и крестьянку, которая была частью манифестаций духа, но нагваль не увидел ничего такого, что по его мнению могло подтвердить проявление духа.

После свидетельств других обольщений, способность нагваля видеть приобрела новую глубину. В это время обожательницей актера была дочь богатого землевладельца. С самого начала она полностью контролировала свои действия. Нагваль узнал об их свиданиях и подслушал разговор, в котором актер договаривался с ней о встрече на следующий день. Нагваль, спрятавшись по утру на улице, проследил как молодая девушка покинула дом и, вместо того, чтобы пойти на утреннюю мессу, отправилась к актеру. Тот уже ждал ее, и она убедила его последовать за ней в открытые поля. Он казалось колебался, но она начала говорить ему колкости и не позволила улизнуть.

Когда нагваль, подкрадываясь, смотрел на них, у него была абсолютная уверенность, что в этот день должно произойти нечто такое, чего не предвидел никто из участников игры. Он видел, что черная тень актера увеличилась и вдвое превышала его по высоте. Нагваль вывел из таинственного, жесткого взгляда молодой женщины, что на интуитивном уровне она тоже почувствовала черную тень смерти. Актера, казалось, что-то отвлекало. Он не смеялся, как делал это в других случаях.

Они шли на солидном расстоянии, и все же один раз заметили, что нагваль следует за ними, но он ловко притворился крестьянином, обрабатывающим землю. Это успокоило парочку, и позволило нагвалю подойти поближе.

Затем наступил момент, когда актер разбросал свою одежду и предстал перед девушкой голым. Но вместо того, чтобы упасть в обморок или прыгнуть ему в объятия, как это делали другие покоренные им сердца, эта девушка начала бить его. Она безжалостно колотила его ногами и руками, наступая на обнаженные пальцы ног, заставляя его кричать от боли.

Нагваль знал, что мужчина не будет грозить или как-то вредить молодой девушке. Он не смел тронуть ее и пальцем. Она была здесь единственным бойцом. Он же просто пытался парировать удары, но без энтузиазма, и все пытался соблазнить ее, показывая свои гениталии.

Нагваль был переполнен восхищением и возмущением. Он понимал, что актер был безнадежным развратником, но он также понимал, что в нем есть что-то уникальное, хоть и отвратительное. Нагваль был ошеломлен, увидев, что звено, связующее мужчину с духом, было идеально чистым.

Наконец схватка закончилась. Женщина перестала бить актера. А потом, вместо того, чтобы убежать прочь, она, уступая, сдалась и сказала актеру, что он может обходиться с ней по своему усмотрению.

Нагваль заметил, что мужчина был так истощен, что практически не отдавал себе отчет, но не смотря на утомление он продолжил и завершил свое обольщение.

Нагваль смотрел на него с улыбкой и размышлял о том, как бесполезна громадная жизненная сила и решительность этого человека. В этот миг женщина вдруг закричала, а у актера начались спазмы дыхания, нагваль увидел, как черная тень поразила актера, она была как кинжал, с точностью вошедшей в его зазор.

Дон Хуан сделал на этом месте отступление, детально развивая то, что он объяснял мне уже раньше: он описал зазор, открытый в нашей светящейся скорлупе на высоте пупка, куда сила смерти непрерывно наносит свои удары. Далее дон Хуан объяснил, что когда смерть бьет здоровое существо — это шароподобный удар, похожий на удар кулака, но когда существо умирает, смерть наносит удар кинжалоподобным выпадом.

Поэтому нагваль Элиас знал без каких-либо сомнений, что актер почти мертв, и смерть автоматически обрывала личный интерес мужчины к замыслам духа. Потом и его не осталось, смерть нивелировала все.

Нагваль вышел из своего укромного места и уже собирался уходить, когда кое-что заставило его остановиться. Это было спокойствие молодой женщины. Она безразлично

надевала на себя одежду, которую до этого сняла, и фальшиво насвистывала себе под нос, будто ничего и не произошло.

И тогда нагваль увидел, что принимая в расслаблении присутствие смерти тело мужчины избавилось от защитной вуали и теперь выражало свою истинную природу. Он был двойным мужчиной потрясающих ресурсов, сумевшим создать экран для защиты или маскировки-естественный маг и идеальный кандидат в ученики-нагвали, не будь у него черной тени смерти.

Нагваль был полностью застигнут врасплох этим зрелищем. Теперь он понял замыслы духа, но не мог постичь, как такой бесполезный человек мог быть втиснут в схему вещей мага.

Между тем женщина встала, и даже не взглянув на мужчину, чье тело содрогалось в спазмах смерти, спокойно пошла домой.

Нагваль увидел ее светимость и отчетливо понял, что ее крайняя агрессивность была результатом громадного избытка излишней энергии. Он был убежден, что если она до сих пор не нашла этой энергии трезвого применения, то это было лучшей ее стороной, поскольку просто нельзя описать какие беды это могло бы вызвать.

Пока нагваль наблюдал равнодушие, с которым она уходила прочь, он понял, что дух дает ему следующую манифестацию. Ему следует быть спокойным и бесстрастным, ему следует действовать так, словно ничего не потеряно, то есть вмешаться в этот адский промысел. В истинной манере нагвалей, он решил взяться за невозможное без чьей-либо помощи, кроме духа в качестве свидетеля.

Дон Хуан отметил, что принятие решений, подобных этому, являются проверкой нагваля на его реальность. Нагвали создают решения. Не обращая внимания на результат, они либо выполняют действие, либо предпочитают не делать его. Самозванцы взвешивают все за и против, и страх парализует их. Нагваль Элиас, приняв решение, спокойно пошел в сторону умирающего мужчины, и первым, что заставило сделать его тело-ело, а не ум-было следующее: он ударил по точке сборки мужчины, введя его в состояние повышенного сознания. Он неистово наносил все новые и новые удары, передвигая его точку сборки. С помощью силы смерти удары нагваля загнали точку сборки мужчины в место, где смерть больше не имеет значения — человек перестал умирать.

Когда актер задышал вновь, нагваль осознал величину своей ответственности. Чтобы парировать силу смерти, мужчина обязательно должен был оставаться в глубоком состоянии повышенного сознания до тех пор, пока смерть не будет отражена. Его громадный физический износ означал то, что либо он не сдвинется с места, либо немедленно умрет. Нагваль сделал единственно возможное при данных обстоятельствах: он построил шалаш вокруг тела. Здесь в течении трех месяцев он выхаживал полностью неподвижного мужчину.

Мои рациональные размышления взяли вверх, и вместо того, чтобы просто слушать, мне захотелось узнать, как нагваль Элиас построил хижину на земле, принадлежащей кому-то еще. Я знал страсть сельских жителей к своим земельным владениям и сопровождавшие эту страсть чувства территориальности.

Дон Хуан признался, что и сам задавал тот же вопрос, по поводу чего нагваль Элиас сказал ему, что дух сам по себе сделал это возможным. Так случается всегда при условии, что нагваль следует манифестациям духа.

Когда актер начал дышать, нагваль Элиас побежал за молодой женщиной. Она была важной частью манифестаций духа. Он догнал ее неподалеку от того места, где лежал чуть живой актер. Вместо того, чтобы рассказывать ей о состоянии мужчины и пытаться убедить ее помочь ему, он вновь принял на себя полную ответственность за свои действия и, прыгнув на нее как лев, нанес по ее точке сборки могучий удар. И она, и актер могли переносить удары жизни и смерти. Ее точка сборки сдвинулась, но начала беспорядочно блуждать, поскольку осталась незакрепленной. Нагваль перенес молодую женщину туда, где лежал актер. Затем он потратил целый день, пытаясь удержать ее от потери своего ума, а мужчины от потери своей жизни.

Когда он полностью уверился в степени контроля, который имел над ситуацией, он пошел к отцу женщины и сказал ему, что молния, поразив его дочь сделала ее временно безумной. Нагваль отвел отца туда, где она лежала, и объяснил, что молодой человек, кто бы он ни был, принял весь заряд молнии на себя. Спасая девушку от верной смерти, он получил ранение, и теперь его нельзя двигать с места.

Благодарный отец помог построить нагвалю шалаш для человека, который спас его дочь. И за три месяца нагваль сделал невозможное. Он вылечил молодого мужчину.

Когда для нагваля пришло время уезжать, чувство ответственности и долг заставили его предупредить молодую женщину о ее избытке энергии и вредных последствиях, которые омрачат ее жизнь и благополучие. Он предложил вступить ее в мир магов, поскольку это будет единственной защитой от ее саморазрушительной силы.

Женщина не ответила. И нагваль был обязан сказать ей то, что каждый нагваль говорит потенциально возможному ученику независимо от эпохи: что маг говорят о магии как о магической, таинственной птице, которая остановилась на миг в своем полете, чтобы дать человеку надежду и цель, что маги живут под крылом этой птицы, которую они называют птицей мудрости и птицей свободы, что они питают ее самоотверженностью и безупречностью. Он рассказал ей о знании магов про то, что полет птицы свободы всегда представляет прямую линию, поскольку она никогда не петляет, не кружит, не возвращается назад, и что птица свободы делает только две вещи — ибо берет магов с собой, либо оставляет их позади.

Нагваль Элиас не говорил этого молодому актеру, который был смертельно болен. У молодого человека не было большого выбора. И все же нагваль сказал ему, что если он хочет выздороветь, то он должен безоговорочно следовать за нагвалем. Актер принял это условие тут же.

В то же день, когда нагваль Элиас и актер начали обратный путь, молодая женщина безмолвно поджидала их на окраине города. У нее не было ни чемоданов, ни корзин. Казалось, что она пришла, чтобы просто посмотреть на них. Нагваль прошел, даже не взглянув на нее, но актер, которого несли на носилках, напрягся и попрощался с ней. Она улыбнулась и без слов присоединилась к группе нагваля. Она оставила все позади без сомнений и проблем. Она прекрасно понимала, что у нее не будет другого такого случая, что птица свободы либо берет магов с собой, либо оставляет их позади.

Дон Хуан отметил, что здесь нет ничего удивительного. Сила личности нагваля всегда была настолько подавляющей, что он был практически неотразим, поэтому нагваль Элиас глубоко повлиял на этих двух людей, в течении трех месяцев повседневного взаимодействия он приучил их к своей последовательности, своей беспристрастности, своей объективности. Они были очарованы его рассудительностью, и превыше всего, его тотальной преданностью им. На своем примере и с помощью своих действий, нагваль Элиас дал им выдержанный взгляд на мир магов: подтвержденный и выношенный, но крайне требовательный. Это был мир, который допускал очень мало ошибок.

Дон Хуан напомнил мне то, что он часто повторял в наших беседах, и что мне всегда не удавалось додумать до конца. Он сказал, чтобы я не забывал даже на миг о том, что птица свободы не терпит нерешительности, а улетаая, не возвращается никогда.

Знобющий резонанс его голоса наполнил неотложностью то, что секундой раньше казалось мирной темнотой.

Дон Хуан вернул умиротворенность так же быстро, как и вызвал настоятельность. Он слегка ударил по моей руке.

— Эта женщина была так сильна, что кругами ходила вокруг каждого, — сказал он. — ее звали Талиа.

2. СТУК ДУХА. АБСТРАКТНОЕ

Мы вернулись в дом дон Хуана ранним утром. Спуск с горы отнял много времени в основном из-за того, что я боялся упасть в темноте в пропасть, а дон Хуан часто останавливался, чтобы перевести дух — он буквально задышался от смеха надо мной.

Я смертельно устал, но не мог заснуть. Перед обедом начался дождь. Шум ливня по крыше вместо того, чтобы навеять на меня дремоту, разгонял любой намек на сон.

Я встал и пошел посмотреть на дон Хуана. Он дремал на стуле. Пока я подходил к нему, он уже бодрствовал. Мне оставалось только поприветствовать его.

— ты кажется заснул без хлопот, — заметил я.

— когда ты боишься или находишься в подавленном настроении, не спи лежа, — сказал он, не глядя на меня. — засыпай, сидя на мягком стуле, как это делаю я.

Он предложил мне, если я хочу дать своему телу целебный покой и вздремнуть получше, повернуть лицо в левую сторону и вытянуть ноги за основание кровати. Чтобы избежать переохлаждения, он посоветовал мне положить на плечи мягкую подушку подальше от шеи и одеть толстые носки или просто оставить на ногах обувь.

Когда я впервые услышал его предложение, то подумал, что он шутит, но позже изменил свое мнение. Засыпая в таком положении, я отдыхал на редкость хорошо. Когда же я поделился своими удивительными результатами, он посоветовал, что-бы я следовал его предложениям буквально и не беспокоился о том, чтобы верить или не верить ему.

Я напомнил дон Хуану то, что он хотел рассказать мне прошлой ночью о сне в сидячем положении. Я объяснил ему, что причина моей бессонницы, кроме крайней усталости, заключалась в странной озабоченности тем, что он рассказал мне о пещере магов.

— Брось это! — воскликнул он. — ты видел и слышал более неприятные вещи, но они не отнимали у тебя сон. Что-то еще взволновало тебя.

На миг мне показалось, что он сомневается в правдивости моей реальной озабоченности. Я начал что-то объяснять, но он продолжал говорить, словно я молчал.

— Прошлой ночью ты категорично заявил, что пещера не проецирует на тебя чувство неловкости, — сказал он. — очевидно, это было не так. Прошлой ночью я не развивал эту тему дальше, желая понаблюдать за твоей реакцией

Дон Хуан объяснил, что пещера была предназначена магами древних времен для того, чтобы служить катализатором. Ее форма была тщательно приспособлена для размещения двух людей как двух полей энергии. По теории магов природа скалы и манера, в которой была вырезана пещера, позволяли двум телам, двум светящимся шарам тесно переплетаться своими энергиями.

— Я привел тебя в эту пещеру нарочно, — продолжал он, — не потому что я люблю это место-нет, оно мне не нравится-о потому, что оно создано как инструмент для проталкивания ученика глубоко в повышенное сознание. Но к сожалению, помогая, она делает неясным результат. Древние маги не размышляли. Они склонялись к действию.

— Ты всегда говорил, что твой бенефактор был похож на них, — сказал я.

— Это мое преувеличение, — ответил он, — очень похожее на то, когда я обзываю тебя дураком. Мой бенефактор был современным нагвалем, вовлеченным в поиски свободы, но он склонялся больше к действию, чем к размышлениям. Ты тоже современный нагваль, вовлеченный в тот же поиск, но ты упорно склоняешься к абберациям рассудка.

Он нашел свое сравнение ужасно забавным, и пустую комнату огласило эхо его смеха.

Когда я предложил вернуть беседу к теме пещеры, он притворился, что не слышит меня. Я знал, что он притворяется по блеску его глаз и хитрой улыбке.

— прошлой ночью я преднамеренно рассказал тебе о первом абстрактном ядре, — сказал он, — в надежде, что размышляя о том, как я поступал с тобой в течении этих лет, у тебя появится представление и о других ядрах. Ты провел со мной много времени и потому хорошо знаешь меня. В любую минуту нашего общения свои действия и мысли я старался приспособить к структуре абстрактных ядер.

— История нагваля Элиаса-это другой вопрос. Хотя она и похожа на историю о людях, в действительности это история о намерении. Намерение создает системы взглядов раньше нас и приглашает нас описать их. Это путь понимания магов того, что происходит вокруг них.

Дон Хуан напомнил мне, что я всегда настаивал на попытках обнаружить основной порядок во всем, что он говорил мне. Я подумал, что он осуждает меня за усилие превратить то, чему он учил меня, в проблему социологии, и начал говорить ему, что мои взгляды изменились под его влиянием. Он остановил меня и улыбнулся.

— Ты действительно слабо соображаешь, — сказал он и вздохнул. — Мне хочется чтобы ты понял основной порядок того, чему я учу тебя. Мое неудовольствие вызвано тем, как ты понимаешь основной порядок. Для тебя он означает тайные процедуры или скрытую последовательность. Для мага же это две вещи: система взглядов, которую намерение перерабатывает в отблеск глаз и помещает перед нами для описания, и знаменья, которые даются нам так, чтобы мы не теряли того, чем мы являемся внутри.

— Как видишь, история нагваля Элиаса представляет собой нечто большее, чем просто отчет о последовательных деталях, которые выстраивают событие, — продолжил он. — под всем этим была доктрина намерения. И история должна была дать тебе представление о том, какими были нагвали прошлого, чтобы ты понял, как они действовали, подгоняя свои мысли и поступки под доктрины намерения.

Наступила продолжительная тишина. Мне нечего было сказать. Скорее для того, чтобы поддержать разговор, я сказал первое, что пришло мне на ум. Я сказал, что по истории, услышанной о нагвале Элиасе, я составил о нем очень положительное мнение. Мне нравился нагваль Элиас, но по неизвестной причине все, что дон Хуан рассказывал мне о нем, беспокоило меня.

Простое упоминание о моем смущении привело дон Хуана в чрезвычайный восторг. Он вскочил со стула и поперхнулся от смеха. Немного погодя он положил свою руку на мое плечо и сказал, что мы или любим, или ненавидим тех, кто является отражением нас самих.

И опять глубокая застенчивость помешала мне спросить его, что он этим хочет сказать. Дон Хуан продолжал смеяться, ясно осознавая мое настроение. Наконец он заметил, что нагваль Элиас был похож на ребенка, чья рассудительность и умеренность всегда приходила извне. Он, как ученик в магии, не имел внутренней дисциплины за своим обучением.

У меня появилось нерациональное желание защитить себя. Я сказал дон Хуану, что моя дисциплина приходит изнутри.

— Ну, конечно, — покровительственно согласился он. — Ты просто не ожидал, что в точности похож на него. — И он засмеялся вновь.

Иногда дон Хуан доводил меня до того, что я был готов закричать. Но мое настроение долго не продержалось и быстро исчезло, как только вдали замаячил следующий вопрос. Я

спросил дон Хуана, возможно ли то, что я входил в состояние повышенного сознания, не осознавая этого? И мог ли я оставаться в нем в течении нескольких дней?

— На этой стадии тыходишь в состояние повышенного сознания самостоятельно, — сказал он. — повышенное сознание-айна только для нашего разума. На практике все очень просто. Как и со всем другим. Мы усложняем вопрос, пытаюсь сделать приемлемой ту безмерность, которая окружает нас.

Он отметил, что мне следует думать об абстрактном ядре, которое он дал мне, а не спорить попусту о своей персоне.

Я сказал ему, что думал об этом все утро и пришел к выводу, что метафорической темой истории были манифестации духа. Но я не мог различить в ней то абстрактное ядро, о котором он говорил. Это было что-то неопределенное.

— Повторяю, — сказал он тоном школьного учителя, муштрующего своего ученика, — манифестации духа-это название первого абстрактного ядра в магических историях. Очевидно маги подразумевали под абстрактным ядром нечто такое, что в настоящее время тобой не принимается во внимание. Эта часть ускользнувшая от тебя, известна магам как доктрина намерения или безмолвный голос духа или невыраженная расстановка абстрактного.

Я сказал, что понимаю невыраженное как что-то неоткрытое явно, например, «скрытые мотивы». Он ответил мне, что в данном случае невыраженное означает нечто большее: оно означает знание без слов, лежащее вне нашего непосредственного понимания-особенно моего. Он признался, что понимание на которое он ссылается было просто за пределами моей уместности момента, а не за моими конечными возможностями понимания.

— Если абстрактные ядра остаются вне моего понимания, какой смысл рассказывать о них? — спросил я.

— правило гласит, что абстрактные ядра и магические истории должны быть рассказаны на этом этапе, — ответил он. — и когда-нибудь, присущая историям, невыраженная расстановка абстрактного, которая является знанием без слов или доктриной намерения, откроет тебе твои собственные истории.

Я ничего не понимал.

— Невыраженная расстановка абстрактного-это не просто порядок, в котором даются абстрактные ядра, — объяснил он, — и не то, что в них есть общее, и даже не та паутина, которая связывает их. Это скорее то, когда познаешь абстрактное прямо, без посредничества речи.

В молчании он подверг меня тщательному рассмотрению с головы до ног с явной целью видеть меня.

— Да, пока для тебя это не ясно, — объявил он.

Он сделал нетерпеливый жест и даже вспыхнул, словно был раздражен моей медлительностью. Это взволновало меня. Дон Хуан не давал выхода психологическому недовольству.

— Ни ты, ни твои действия тут ни при чем, — сказал он, когда я спросил его почему он рассердился или разочарован мною. — это была мысль, которая проскочила в моем уме, когда я видел тебя. Это черта в твоём светящемся существе, которую старые маги давали всему, что имели.

— Расскажи мне об этом, — потребовал я.

— Я напому тебе о ней как-нибудь в другой раз, — сказал он. — между тем, давай продолжим беседу об элементе, подпирающем нас: об абстрактном. Элемент, без которого нет ни пути воина, ни самих воинов в поисках знания.

Он сказал, что затруднения, переживаемые мной, не были ничем новым для него. Он сам прошел через муки познания невыраженного порядка абстрактного. И не будь указующей руки нагваль Элиаса, он был бы таким же взвинченным, как и его бенефактор, у которого было много действия и очень мало понимания.

— Каким был нагваль Элиас? — спросил я, меняя тему.

— Он во всем отличался от своего ученика, — сказал дон Хуан. — Он был индейцем, очень темным и массивным. У него были грубые черты, большой рот, сильный нос, небольшие черные глаза, густые черные волосы без седины. Он был резче, чем нагваль Хулиан, и имел большие руки и ступни. Это был очень скромный и очень мудрый человек, но он никогда ничем не выделялся. По сравнению с моим бенефактором он был тусклым. Всегда весь в себе, обдумывая вопросы. Нагваль Хулиан шутил, что его учитель наделен тонной мудрости. За его спиной он называл его-нагваль тоннаж.

— Я никогда не видел смысла в его шутках, — продолжал дон Хуан. — Для меня нагваль Элиас был как глоток свежего воздуха. Он терпеливо мог мне объяснить что угодно. Это похоже на мои объяснения, но возможно он в чем-то был несколько глубже. Я не могу назвать это что-то состраданием, скорее подошло бы сопереживание. Воины не могут

чувствовать сострадания, поскольку они больше не чувствуют жалости к себе. Без движущей силы самосожаления сострадание бессмысленно.

— Дон Хуан, ты говорил, что воин является всем для себя самого?

— В некотором смысле да. Для воина все начинается и кончается в нем самом. Однако, его контакт с абстрактным вынуждает его преодолевать свое чувство важности. Поэтому личное «я» становится абстрактным и безличным. Нагваль Элиас считал, что наши жизни и наши личности совершенно похожи, продолжал дон Хуан. — в этом смысле он чувствовал себя обязанным помогать мне.

Я не чувствую эту схожесть с тобой, поэтому полагаю, что могу рассматривать тебя во многом так же, как нагваль Хулиан рассматривал меня.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас взял его под свое крыло с самого первого дня, как он прибыл в дом своего бенефактора и начал обучение. Нагваль Элиас обучал его независимо от того, мог ли дон Хуан хоть что-нибудь понять. Его желание помочь дон Хуану было таким сильным, что он практически держал его как пленника, защищая тем самым от резких нападков нагваля Хулиана.

— Вначале я оставался все время в доме нагваля Элиаса, — продолжал дон Хуан. — и мне это нравилось. В доме моего бенефактора я всегда был начеку и настороже, боясь того, что он сможет сделать со мной в следующий раз. В доме нагваля Элиаса я чувствовал себя уверенно и свободно.

— Мой бенефактор безжалостно давил на меня, а я не мог понять, к чему такой нажим. Мне казалось, что он был просто безумным.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас был индейцем из Оахсаки, его обучал другой нагваль по имени Розендо, родом из тех же мест. Дон Хуан описывал нагваля Элиаса как очень консервативного человека, который дорожил своим уединением. В то же время он был известным целителем и магом, о нем знали не только в Оахсаке, но и по всей южной мексике. Тем не менее, несмотря на свое занятие и дурную славу, он жил в полной изоляции на противоположном конце страны, в северной мексике.

Дон Хуан прервал рассказ. Подняв брови, он уставился на меня вопросительным взглядом. Но все что я хотел от него, это то, чтобы он продолжал свою историю.

— Каждый раз, когда я думаю, что ты должен задать вопрос, ты молчишь, сказал он. — я уверен, ты слышал мои слова, что нагваль Элиас был знаменитым магом, который каждый день общался с людьми в южной мексике, и в то же время он был отшельником в северной мексике. Неужели это не возбудило твоего любопытства?

Я почувствовал себя безнадежно глупым. Я сказал, что когда он рассказывал мне эти факты, в моей голове крутилась мысль, что человеку должно быть ужасно трудно регулярно совершать такие поездки.

Дон Хуан засмеялся, и поскольку он буквально вынуждал меня осознать этот вопрос, я спросил его, каким образом нагваль Элиас мог быть в двух местах одновременно.

— Сновидение — вот реактивный самолет мага. Нагваль Элиас был сновидящим, в то время как мой бенефактор был сталкером. Он был способен создать или спроецировать то, что магам известно как сновиденное тело или другой, поэтому он мог быть в двух отдаленных местах в одно и то же время. Благодаря сновиденному телу, он вел свою коммерческую деятельность как маг, а в своем естественном «я» он был затворником.

Я заметил, что меня удивляет та легкость, с какой я принял то, что нагваль Элиас имел способность проецировать плотный трехмерный образ самого себя, в то время как объяснения абстрактных ядер остаются мне непонятными.

Дон Хуан сказал, что я принял идею о двойной жизни нагваля Элиаса потому что дух сделал окончательную корректировку в моей способности осознания. Я выпустил огневой вал протестов по поводу неясности его утверждения.

— Что же тут неясного, — сказал он. — Это изложение факта. Ты можешь сказать, что это непонятный факт на данный момент, но все может измениться.

Прежде, чем я успел ответить, он опять начал говорить о нагвале Элиасе. Он сказал, что нагваль Элиас обладал очень любознательным умом и мог прекрасно работать своими руками. В своих сновидениях он путешествовал и видел множество объектов, которые затем вырезал из дерева и выковывал из железа. Дон Хуан заверил меня, что некоторые из этих моделей были навязчиво и изысканно красивы.

— Что было прообразом этих объектов? — спросил я.

— Вряд ли можно узнать это, — сказал дон Хуан. — можешь считать, что будучи индейцем, нагваль Элиас бродил в своих сновидениях путешествиях по тропам диких животных в поисках добычи. Животные никогда не появляются там, где есть признаки активности. Она приходит только тогда, когда никого нет вокруг. Нагваль Элиас, как одинокий сновидящий, посещал свалку вечности, назовем ее так, когда вокруг никого не

было-копируя то, что видел, он никогда не то, для чего эти вещи использовались, ни их источник

Вновь я без труда принял то, что он сказал. Идея ни в коей мере не казалась мне притянутой за уши. Я начал говорить ему об этом, но он прервал меня движением бровей и продолжил свое описание нагваля Элиаса.

— Посещать его было для меня огромным удовольствием, — сказал дон Хуан, — и одновременно, причиной странной вины. Здесь мне было очень скучно. Не потому, что нагваль Элиас был очень скучным, но потому что нагваль Хулиан не имел себе равных и лез в жизнь постоянно.

— А я думал, что ты чувствовал себя в доме нагваля Элиаса спокойно и уверенно, — сказал я.

— Все так и было, и именно это было источником моей вины, и моей воображаемой проблемы. Как и ты, я любил мучить самого себя. Мне кажется, что с самого начала я обрел мир в компании нагваля Элиаса, но позже, когда я понял нагваля Хулиана, я пошел по его тропе.

Он рассказал мне, что дом нагваля Элиаса имел открытую, с крышей, часть спереди, где находилась кузница, столярный верстак и инструменты. Кирпичный дом с черепичной крышей состоял из огромной комнаты с земляным полом, где он жил с пятью женщинами-видящими, которые на самом деле были его женами. Здесь же находились и четверо мужчин, магов-видящих его партии, которые жили в небольших домах вокруг дома нагваля. Они были индейцами из разных частей страны, переселившимися в Северную Мексику.

— Нагваль Элиас уделял сексуальной энергии большое внимание, — сказал дон Хуан. — он верил, что она дана нам для того, чтобы мы могли использовать ее в сновидении. Он верил, что сновидение ушло из употребления потому, что оно нарушало ненадежный ментальный баланс восприимчивых людей

— Я обучал тебя сновидению так же как он учил меня, — продолжал дон Хуан.

— А он учил меня тому, что пока мы видим сон, точка сборки движется очень мягко и естественно. Ментальный баланс-ничто, но он фиксирует точку сборки на том месте, к которому мы привыкли. Чтобы сны заставляли эту точку передвигаться, а сновидение контролировало это естественное движение, сновидению необходима сексуальная энергия, порою результат может оказаться просто бедственным, когда сексуальная энергия тратится на секс, а не на сновидение. В таком случае сновидящие передвигают свою точку сборки рывками и теряют свой рассудок.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан? — спросил я, почувствовав, что тема сновидения шла вразрез естественному ходу беседы.

— Ты сновидящий, — сказал он. Если ты не будешь внимательней к своей сексуальной энергии, то должен иметь представление о неровных движениях своей точки сборки.

Я сделал глупое и неуместное замечание о сексуальной жизни взрослых мужчин.

— Наша сексуальная энергия является тем, что управляет сновидением, объяснил он. — Нагваль Элиас учил меня-а я учу тебя-что либо ты тратишь свою сексуальную энергию на любовь, либо сновидишь, благодаря ей. И здесь нет другого выбора. Я говорю с тобой об этом потому, что ты с большим трудом передвигаешь свою точку сборки, пытаешься уловить нашу последнюю тему-абстрактное.

— То же самое было и со мной, — продолжал дон Хуан. — это было тогда, когда моя сексуальная энергия освобождалась от мира, который все ставит на свои места. Это правило для сновидящих. У сталкеров все наоборот. Мой бенефактор был, как ты бы мог сказать, сексуальным распутником и как обычный человек, и как нагваль.

Дон Хуан казалось был на грани раскрытия дел своего бенефактора, но очевидно сменил свое умонастроение. Он встряхнул головой и сказал, что пока я слишком жесткий для таких откровений. Я не настаивал.

Он сказал, что нагваль Элиас имел рассудительность, которую сновидящий приобретает только после невообразимых боев с самим собой. Он использовал свою рассудительность, погружая самого себя в изнурительный поиск ответов на вопросы дон Хуана.

Нагваль Элиас объяснил, что моя трудность в понимании духа была такой же как и его собственная, — продолжал дон Хуан. — он считал, что есть две различные проблемы. Первой была необходимость косвенного понимания того, чем является дух, второй-прямое понимание духа.

— Сперва у тебя будут проблемы. Но стоит тебе понять, что собой представляет дух, вторая проблема будет решена автоматически, и наоборот. Если дух говорит с тобой, используя свои безмолвные слова, ты немедленно узнаешь то, чем является дух.

Он сказал, что нагваль Элиас верил, что трудность заключалась в нашем нежелании принять идею того, что знание может существовать без слов, объясняющих его.

— Но мне не трудно принять это, — сказал я.

— Принять это утверждение не так легко, как сказать, что ты его принял, — сказал дон Хуан, — нагваль Элиас говорил мне, что все человечество движется прочь от абстрактного, хотя когда-то мы должны были быть близки к нему. Оно было нашей питательной средой и силой. Затем что-то случилось, и это оторвало нас от абстрактного. Теперь мы не можем вернуться к нему. Он сказал, что от ученика требуются годы, чтобы он смог подойти к абстрактному, то есть познать, что знание и язык могут существовать независимо друг от друга.

Дон Хуан повторил, что суть нашего затруднения в возврате к абстрактному заключалась в нашем отказе принять то, что мы можем знать без слов и даже без мыслей.

Я хотел возразить, что он говорит бессмысленные вещи, как вдруг испытал сильное чувство, что что-то упустил. И что этот пункт был очень важен для меня. Он действительно пытался рассказать мне о чем-то, что или не мог уловить или что не могло быть описано полностью.

— Знание и язык отделены друг от друга, — мягко повторил он.

У меня вырвалось, — я знаю это, — как будто я действительно имел такое знание, когда поймал себя на этом.

— Я же говорил тебе, невозможно говорить о духе, — продолжал он, — поскольку дух можно только переживать. Маги пытаются объяснить это состояние говоря, что духа нельзя ни увидеть, ни почувствовать. Но он всегда маячит над нами. Иногда он приходит к некоторым из нас. Большую часть времени он кажется равнодушным к нам.

Я молчал. Дон Хуан продолжал объяснять. Он сказал, что дух во многих отношениях был видом дикого животного. Он держится от нас на расстоянии, пока не наступает момент, когда что-то привлекает его к нам. И тогда дух начинает манифестировать себя.

Я задал вопрос. — если дух не существо и не присутствие, и не имеет сущности, как кто-то может соблазнить его?

— Твоя проблема, — сказал он, — в том, что ты считаешься только со своей собственной идеей об абстрактном. Например, внутренняя сущность человека или фундаментальные принципы абстрактны для тебя. Или, возможно что-то немного менее определенное, такое как характер, воля, мужество, достоинство, честь, дух, конечно, может быть описан в терминах всего этого. Но что нас смущает больше всего, так это то, что он и все это, и ничего из этого.

Дон Хуан добавил, что я считаю абстрактное либо как противоположность практичности, с которой я думаю, либо как вещь, которая, по-моему мнению не имеет конкретного существования.

— Тогда как для мага абстрактное является чем-то таким, чему нет параллели в человеческом состоянии, — сказал он.

— Но это же одинаковые вещи, — закричал я. — разве ты не видишь, что мы говорим об одном и том же?

— Мы не говорим об одном и том же, — возразил он. — Для мага дух является абстрактным только потому, что он знает его без слов и даже без мыслей. И все же без малейшего шанса или желания понять его, маг управляет духом, он знает его, заманивает и привлекает его, становится знакомым ему и выражает его в своих действиях.

Я начал в отчаянии качать головой. Я не видел никакой разницы.

— Суть твоего заблуждения в том, что я использовал для описания духа термин «абстрактное», — сказал он. — для тебя абстрактное является словами, которые описывают состояние интуиции. Возьмем, например, слово «дух», которое не может описать смысл или прагматическое переживание, и которое, конечно же, используется ни для чего иного, как только что-бы щекотать твою фантазию.

Дон Хуан разъярил меня. Я обозвал его упрямым, а он смеялся надо мной. Он предположил, что если я обдумаю утверждение о том, что знание может быть независимо от речи, не беспокоясь о понимании этого, возможно я увижу просвет.

— Подумай над этим, — сказал он. — встреча со мной это не совсем то, что думаешь ты. В тот день, когда я встретил тебя, ты встретился с абстрактным. Но поскольку ты не мог говорить об этом, ты не заметил его. Маги встречают абстрактное без размышлений о нем или видения его или прикосновения к нему или ощущения его присутствия.

Я хранил молчание, так как мне не улыбалось спорить с ним. Иногда мне казалось, что он становится умышленно малопонятным. А дон Хуан по-видимому был страшно доволен самим собой.

ПОСЛЕДНЕЕ ОБОЛЪЩЕНИЕ НАГВАЛЯ ХУЛИАНА

В патио дома дон Хуана было прохладно и тихо как под сводами женского монастыря. Несколько больших фруктовых деревьев, посаженных очень близко друг от друга, казалось регулировали температуру и поглощали все звуки. Помню, когда я впервые зашел к нему в

дом, я сделал критическое замечание по поводу нелогичного образа, которым были посажены эти фруктовые деревья. Я бы дал им большее пространство. Он ответил, что эти деревья не были его собственностью, они были свободными и независимыми воинами деревьями, которые присоединились к его партии воинов, и что мое замечание-предназначенное для обычных деревьев-было не актуальным.

Его ответ прозвучал для меня метафорично. Я не знал еще тогда, что все, о чем он говорит, надо понимать буквально. Дон Хуан и я сидели в плетеных креслах лицом к фруктовым деревьям. Они были полностью увешаны плодами. Я заметил, что зрелище не только красивое, но и крайне интригующее поскольку сезон плодов еще не наступил.

— Есть интересная история об этом, — отозвался он. — как ты уже знаешь, эти деревья-воины моей партии. Они плодоносят теперь потому, что все члены моей партии рассказывали и выражали чувства о нашем окончательном путешествии вот здесь, перед ними. И деревья теперь знают, что когда мы двинемся в наше окончательное путешествие, они будут сопровождать нас.

Я удивленно уставился на него.

— Я не могу оставить их, — объяснил он. — они же тоже воины. Они связали свою судьбу с партией нагвалей. И они знают то, как я отношусь к ним. Точка сборки деревьев находится очень низко в их огромной светящейся оболочке, и это позволяет им знать наши чувства, которые мы имеем сейчас когда обсуждаем мое окончательное путешествие.

Я промолчал, не желая останавливаться на этой теме. Дон Хуан заговорил рассеивая мое настроение.

— Второе абстрактное ядро магических историй называется стук духа, — сказал он. — первое ядро, манифестации духа, является доктриной, которую намерение выстроило и поместило перед магом, приглашая его к участию. Это доктрина намерения, увиденная магом. Стук духа — та же доктрина, увиденная начинающим которого приглашают, а скорее всего принуждают к участию.

— Это второе абстрактное ядро само по себе является историей. История гласит, что после того, что после того как дух проявил себя тому человеку, о котором мы говорили, и не получил ответа, он сделал для человека ловушку. Это было окончательной уловкой, не потому что человек был каким-о особенным, но потому что непонятная цепь событий духа сделала этого человека доступным в тот момент, когда дух постучал в дверь.

— Само собой разумеется, чтобы дух ни открывал этому человеку, все проходило мимо его понимания. Фактически, это шло вразрез всему, что знал человек, всему, чем он был. Конечно, человек тут же отказывался, и не за какие коврижки не хотел иметь ничего общего с духом. Он не мог позволить себе опуститься до такой нелепой бессмыслицы. Он был не так глуп. Результатом был полный тупик.

— Я могу сказать, что это идиотская история, — продолжил он.

— Я могу сказать так: то что я дал тебе, служит успокоительным средством для тех, кому неудобно с безмолвием абстрактного.

Мгновение он смотрел на меня, а потом улыбнулся.

— Тебе нравятся слова, — сказал он обвиняющим тоном. — простая идея безмолвного знания пугает тебя. Но истории, какими бы глупыми они не были, восхищают тебя и заставляют тебя чувствовать себя надежно защищенным.

Его улыбка была такой озорной, что я не мог удержаться от смеха.

Затем он напомнил мне, что я уже слышал его подробный рассказ о том, как дух первый раз постучал в его дверь. Некоторое время я не мог понять, о чем он говорит.

— То был не просто мой бенефактор, который наткнулся на меня, когда я умирал от пули, — объяснил он. — в тот день дух нашел меня и постучал в мою дверь. Мой бенефактор понимал, что он был здесь только проводником духа. Без вмешательства духа встреча с моим бенефактором ничего бы не значила.

Он сказал, что нагваль мог стать проводником только после того, как дух проявил свою готовность быть использованным либо почти неощутимо, либо решительными указаниями. Поэтому нагвалю просто невозможно выбирать себе учеников по своей собственной воле или по своим собственным расчетам. Но когда готовность духа раскрыта через предзнаменование, нагваль не жалея сил стремится удовлетворить его.

— После продолжительной практики, — продолжал он, — маги, и особенно нагвали, знают, приглашает ли их дух участвовать в доктрине, выставленной перед ними, или нет. Они обучены дисциплине своих звеньев, связующих их с намерением. Поэтому они всегда начеку, зная, что дух для них наготове.

Дон Хуан сказал, что прогресс на пути мага, в основном, представляет собой решительный процесс, целью которого было приведение связующего звена в порядок. Звено, связующее обычного человека с намерением, практически мертво, и маги начинают со звена, которое бесполезно, поскольку оно не реагирует добровольно.

Он подчеркнул, что для того, чтобы оживить это звено, магам нужна строгая, сильная цель-особое состояние ума, называемое непреклонным намерением. Принятие того, что нагваль является единственным существом, способным обеспечить непреклонным намерением, было наиболее трудной частью ученичества мага.

Я возразил, что не вижу здесь ничего трудного.

— Ученик-это тот, кто стремится очистить и оживить звено, связующее его с духом, — объяснил он. — когда же звено оживлено, он больше не ученик, но до той поры для того, чтобы продолжать движение, ему нужна сильная цель, которой, конечно, у него нет. Поэтому он позволяет нагвалю снабдить его целью и сделать так, чтобы он отбросил свою индивидуальность. Это очень трудная часть.

Он напомнил мне кое-что из того, о чем говорил довольно часто: что добровольцы в мир магов не требуются, поскольку они имеют уже свою собственную цель, которая чрезвычайно затрудняет им отбрасывание своих индивидуальностей. Если мир магов диктует идеи и действия, противоположные целям добровольцев, они просто отказываются изменяться.

— Оживить звено ученика-наиболее требовательный и интригующий труд нагваля, — продолжал дон Хуан, — и одна из величайших его головных болей. В зависимости, конечно же, от личности ученика замыслы духа либо возвышенно просты, либо похожи на запутанный лабиринт.

Дон Хуан заверил меня, что хотя я обладал противоположными представлениями, мое ученичество не было так обременительно для него, как его обучение — для его бенефактора. Он признавал, что я обладал небольшой толикой самодисциплины, что было очень кстати, в то время как он ничего подобного не имел. А его бенефактор, в свою очередь, обладал еще меньшим.

— Расхождение различимо в манифестациях духа, — продолжал он. — В некоторых случаях они едва заметны, в моем случае, они были командами. В меня стреляли. Кровь струилась из раны в моей груди. Мой бенефактор действовал со мной быстро и уверенно, также как действовал с ним его собственный бенефактор. Маги знают, что более трудными являются команды, поскольку тогда приходят более трудные ученики. Дон Хуан объяснил, что одним из наиболее выгодных аспектов его общения с двумя нагвалями было то, что он услышал одни и те же истории с двух противоположных точек зрения. Например, история о нагвале Элиасе и манифестациях духа из перспективы ученика оказывалась историей стука духа в дверь его бенефактора. — все, что связано с моим бенефактором, очень затруднительно, — сказал он и начал смеяться. — когда ему было двадцать четыре года, дух не просто стучал в его дверь, он буквально грохотал по ней.

Он сказал, что на самом деле история началась много лет назад, когда его бенефактор был красивым подростком из хорошей семьи города мекхико. Он был богатым, образованным, одаренным и имел обаятельную личность. Женщины влюблялись в него с первого взгляда. А он уже тогда потворствовал всем своим желаниям и отличался недобросовестностью и ленью ко всему, что не давало ему немедленного удовлетворения.

Дон Хуан сказал, что благодаря такой личности и своему типу воспитания — он был единственным сыном богатой вдовы, которая вместе с четырьмя любящими сестрами буквально обожала его-он и не мог вести себя иначе. Он позволял себе любую непристойность, какую только мог придумать. Даже среди своих таких же индугирующих друзей он казался нравственным преступником, которому нравится только то, что весь мир считает морально недостойным.

В конечном счете его излишества ослабили его физически, и он смертельно заболел туберкулезом-страшной болезнью того времени. Но его слабость, вместо того, чтобы ограничить его, создала физическое состояние, в котором он чувствовал себя более чувственным, чем когда-либо. Поскольку он не имел ни грамма самоконтроля, юноша полностью бросился в распущенность, и его здоровье ухудшалось, пока не стало безнадежным.

Пословица, что беда никогда не приходит одна, прекрасно подходила к бенефактору дон Хуана. В то время как его здоровье становилось все хуже и хуже, мать юноши, которая была единственным источником поддержки и его сдерживающим началом, умерла. Она оставила ему крупное наследство, которого должно было хватить на всю жизнь, но недисциплинированный парень промотал его до цента за несколько месяцев. Не имея ни профессии, ни ремесла, ему оставалось только клянчить себе на пропитание.

Без денег у него не стало друзей, и даже женщины, любившие его, повернули к нему свои спины. В первый раз в своей жизни он натолкнулся на суровую действительность. Надо принять во внимание состояние его здоровья. Это был конец. Но он не унывал и решил зарабатывать себе на жизнь.

Однако, его чувственные привычки не изменились, они заставили его искать работу в единственном удобном для него месте-театре. Его квалификация состояла в том, что он

родился неплохим актером и большую часть своей сознательной жизни провел в обществе актрис. Он присоединился к провинциальной труппе, оставил знакомый круг друзей и близких и стал сильным актером-чахоточным героем в религиозных и нравственных постановках.

Дон Хуан указал на странную иронию, которая всегда отличала жизнь его бенефактора. Будучи окончательно развращенным, он угасал от распутства и исполнял роли святых и мистиков. Он даже играл иисуса в представлении страстей господних на страстную неделю.

Его здоровья хватило только на одно театральное турне по северным штатам. А затем в городке Дюранго случилось два события: его жизнь подошла к концу и дух постучал в его дверь.

И смерть и стук духа пришли в одно и то же время среди бела дня в кустах. Смерть охватила его в момент обольщения юной женщины. Он уже был крайне слаб, а в этот день попросту истощил себя. Молодая женщина, оживленная, сильная и безумно увлеченная, обещав предаться с ним любви, заставила следовать за собой в уединенное место в нескольких милях от города. Там она около часа избивала его. И когда она в конце концов отдалась ему, он оказался полностью изможден, его кашель был так силен, что он с трудом дышал.

Во время последней страстной вспышки он почувствовал жгучую боль в своем плече. Казалось, что его грудная клетка разрывалась в стороны, а приступ кашля вызвал неконтролируемые спазмы. Но принуждение искать удовольствия держало его до тех пор, пока к нему не пришла смерть в виде кровотечения. Потом, когда в игру вступил дух, он был возрожден индейцем, который пришел к нему на помощь. Немного раньше он заметил, что какой-то индеец снует вокруг них, но это была второстепенная мысль, поскольку он был поглощен обольщением.

Он увидел, как во сне, девушку. Она не была напугана и ни на миг не теряла своего самоконтроля. Спокойно и расторопно она надевала на себя снятую одежду с той твердостью, с какой собаки гонят зайца.

Еще он увидел подбежавшего к нему индейца, который пытался усадить его. Он слышал, как тот говорит идиотские вещи. Он слышал, как тот отдавал себя на волю духа и шептал невразумительные слова на незнакомом языке. Потом индеец действовал очень быстро. Став позади него, он нанес ему сильный шлепок по спине.

Вполне рационально умирающий мужчина решил, что индеец хочет либо выбить из него сгусток крови, либо попусту убить его.

А так как индеец бил по спине все сильнее и сильнее, умирающий в конце концов убедился, что это либо любовник, либо муж женщины, и приготовился умирать. Но, увидев сильно блестящие глаза индейца, он переменял свое мнение. Он понял, что это сумасшедший, который никак не был связан с женщиной. Благодаря последним остаткам сознания он сфокусировал свое внимание на бормотании мужчины. Он говорил что—о о том, что сила человека огромна что смерть существует только потому, что мы намеренно делаем ее возможной с момента нашего рождения, что намерение смерти может быть отменено с помощью изменения положения точки сборки.

Он понял, что индеец совершенно безумен. Его ситуация была как театральная-умирать на руках сумасшедшего индейца, шепчущего тарабарщину что он готов был поклясться в том, что до самого конца ему придется оставаться актером, и он пообещал себе не умирать ни от кровотечения, ни от ударов, а умереть от смеха. И он смеялся до тех пор, пока не умер.

Дон Хуан отметил, что здесь нет ничего противоестественного, его бенефактор просто не мог серьезно принимать индейца. Никто не смог бы принимать такую личность серьезно, и превыше всего нет такого перспективного ученика, который бы мог добровольно выполнить задачу магии.

Потом дон Хуан говорил о том, что дал мне различные версии того, что представляет собой задача магии. Он сказал, что с его стороны не будет нахальством раскрыть то, что с точки зрения духа задача заключается в очищении звена, связующего нас с ним. Доктрина намерения выставляется перед нами, потом прояснение, в котором мы найдем не так уж много процедур, очищает наше связующее звено, поскольку приходит безмолвное знание которое создает очистительный процесс. Без этого безмолвного знания процесс не срабатывает, и все мы будем иметь лишь неопределенное чувство потребности чего-то.

Он объяснил, что события, вызванные магами как результат безмолвного знания, так просты и в то же время так абстрактны, что маги долгое время решали говорить о них только в символических терминах. Примеры тому— манифестации и стук духа.

Дон Хуан сказал, что к примеру описание происходящего в течении первоначальной встречи нагваля с возможным учеником, с точки зрения магов будет абсолютно невразумительно. Бессмысленно объяснять, что нагваль благодаря своему жизненному

опыту, фокусирует нечто такое, что мы не можем себе вообразить—свое второе внимание—повышенное сознание, полученное через обучение магии—на своей невидимой связи с неким неопределенным абстрактным. Делая это, он выделяет и очищает невидимую связь кого-то с неопределенным абстрактным.

Каждый из нас, заметил он, ограждает себя от безмолвного знания естественными барьерами специфичными для каждой индивидуальности, наиболее неприступным из моих барьеров была попытка замаскировать свое самодовольство под независимость.

Возражая, я попросил его дать мне конкретный пример. Я напомнил ему, как он однажды предупреждал меня, что излюбленной уловкой в дискуссии является выдвижение критики, которую нельзя подкрепить конкретными примерами.

Дон Хуан посмотрел на меня и радостно улыбнулся.

— В прошлом я давал тебе растения силы, — сказал он. — сначала ты подошел к крайности, убеждая себя, что пережитое тобой—галлюцинации. Потом тебе захотелось сделать их особыми галлюцинациями. Я помню, какой смешной была твоя настоятельность называть их дидактическими галлюцинаторными переживаниями.

Он сказал, что моя потребность в доказательстве своей иллюзорной независимости ставила меня в позицию, где я не мог принять ничего из того о чем он говорил со мной как о происходящем, хотя сам безмолвно знал об этом. Я знал, что он применяет растения силы, каким бы ограниченным инструментом они ни были, для того, чтобы я смог войти в частичные или временные состояния сознания, сдвинув точку сборки с ее привычного места.

— ты использовал свой барьер независимости для того, чтобы преодолеть это препятствие, — продолжал он. — тот же самый барьер продолжает действовать и сегодня, так как ты сохранил это чувство неопределенной муки, возможно не такой сильной. И вот теперь стоит вопрос, как тебе нужно распорядиться с полученными выводами так, чтобы текущие переживания совпали с твоей схемой самодовольства?

Я признался, что единственный способ, которым мне удавалось сохранить свою независимость, состояла в том, что я не думал о моих переживаниях вообще.

От души расхохотавшись, дон Хуан едва не упал со своего плетеного кресла. Он встал и прошелся, восстанавливая дыхание. Затем вновь сел и собрался, откинувшись назад и скрестив ноги.

Дон Хуан сказал, что мы, будучи обычными людьми, не знаем или когда-то не знали о наличии чего-то реального и функционального—звена, связующего нас с намерением—которое дает нам наследственную озабоченность судьбой. Он утверждал, что в течении наших активных жизней мы никогда не имеем шанса выйти за уровень сплошной озабоченности, поскольку с незапамятных времен пауза между нашими повседневными делами бросает нас в сонливость. И лишь когда наши жизни почти оканчиваются, наша врожденная озабоченность судьбой начинает принимать другой характер. Она вынуждает нас всматриваться сквозь туман повседневных дел. К сожалению такое пробуждение всегда идет рука об руку с потерей энергии, вызванной старением, когда уже мы больше не имеем сил на левый поворот нашей озабоченности к прагматическому и позитивному открытию. В этот момент все, что здесь осталось, является аморфной, пронзительной мукой ожидания чего-то неопишуемого или просто гневом от того, что упустил, промахнулся, не заметил.

— Мне, по многим причинам, нравятся стихи, — сказал он. — одной из них является то, что они подхватывают настроение воина и объясняют то, что трудно объяснить.

Он допускал, что поэты остро осознавали звено, связующее нас с духом, но они осознавали его интуитивно, не так преднамеренно и прагматично, как это делают маги.

— Поэты не обладают личным знанием духа, — продолжал он, — вот почему их стихи в действительности не открывают сути истинных жестов духа, хотя они и бьют довольно сильно.

Он взял со стула, стоящего перед ним, сборник стихов Хуана Рамона Хименеса, раскрыл там, куда он положил закладку, и передал мне, дав знак читать.

Неужели это я ходил сегодня вечером

В мою комнату, или это нищий,

Рыскающий в моем саду в сумерках?

Я осмотрелся и нашел, что все то же самое

И не то же самое....

Было ли открыто окно?

И не сплю ли я уже?

А разве садовая ограда не зеленая?...

Небо было ясным и голубым...

А здесь облачно и ветренно,

И сад темный и мрачный.

Я думал, что мои волосы были черными...

Я был одет в серое...
А мои волосы седые,
И одет я в черное...
Моя ли это походка?
А этот голос, что звучит во мне,
Имеет ли он ритмы голоса,
Которым я пользовался?
Это я, или я — тот нищий,
Который рыскал в моем саду
В сумерках?
Я осмотрелся...
Здесь облака и ветренно...
Сад темный и мрачный...
Я прихожу и ухожу... Неправда ли то,
Что я уже сплю?
Мои волосы седые... И все то же самое
И не то же самое...

Я перечитал стихотворение, уловив настроение бессилия и замешательства я спросил дон Хуана, чувствует ли он то же самое.

— Я думаю, поэт чувствовал давление старости и беспокойство, вызванное пониманием ее, — сказал дон Хуан. — Но это только одна сторона. Другой стороной, которая интересует меня, является то, что поэт, хотя он никогда не сдвигал свою точку сборки, интуитивно, уловил то экстраординарное, что было поставлено на карту. Он уловил бесконечно многое, что есть некий безымянный фактор, устрашающий по своей простоте, который определяет наши судьбы.

3. НАДУВАТЕЛЬСТВО ДУХА. ОЧИЩЕНИЕ ЗВЕНА С ДУХОМ.

Солнце не успело подняться из-за восточных вершин, а день уже был жарким. Когда мы достигли первого крутого склона в паре миль по дороге о окраины города, дон Хуан решил приостановить прогулку и двинулся в сторону мощеной автострады. Он сел у каких-то крупных камней, которые когда-то преграждали дорогу, а теперь динамитом были сметены с поверхности горы. Он подал мне знак присоединиться к нему. Обычно мы останавливались здесь поговорить или передохнуть на пути к ближайшим вершинам. Дон Хуан сообщи мне, что наша экскурсия будет длительной, и что, возможно, мы проведем в горах несколько дней.

— Сейчас мы будем говорить о третьем абстрактном ядре, — сказал дон Хуан, — его называют надувательством духа или надувательством абстрактного или в ы с л е ж и в а н и е м себя или очищением звена.

Я был удивлен разнообразием названий, но ничего не сказал. Мне хотелось, чтобы он продолжал свое объяснение.

— И вновь, как с первым и вторым ядром, — продолжал он, — это история сама по себе. История гласит, что, постучав в дверь того человека, о котором мы говорили, и потерпев с ним очередную неудачу, дух использовал единственно приемлемое средство — надувательство. В конце концов дух решил предыдущие затруднения надувательством. Вполне понятно, что если хочешь воздействовать на человека, надо уговорить его. Поэтому дух начал обучать его тайнам магии. И обучение магии стало тем, что оно есть: серией хитростей и уверток.

— История гласит, что дух уговорил человека, заставляя его двигаться взад и вперед между уровнями сознания и показав ему, как сбересть энергию необходимую для усиления связующего звена.

Дон Хуан рассказал мне, что, если приложить его историю к современным условиям, мы получим случай нагваля, живого канала духа, который повторяет структуру этого абстрактного ядра и применяет хитрость и увертки в процессе обучения.

Внезапно он встал и двинулся к горной цепи. Я последовал за ним и мы бок о бок начали наш под» ем.

На исходе дня мы достигли вершины высоких гор. Даже на такой высоте было по-прежнему тепло. Весь день мы следовали по почти невидимой тропе и, наконец, вышли на маленькую поляну

— Древний наблюдательный пост, доминировавший над севером и западом.

Мы сели, и дон Хуан вернулся к нашей беседе о магических историях. Он сказал, что теперь я знаю историю н а м е р е н и я, проявившего себя нагвалю Элиасу, и историю духа, постучавшего в дверь нагваля Хулиана. Я знаю, как он встретился с духом, и, конечно, не забыл, как встретился с ним сам. Все эти истории, произнес он, имеют одинаковую

структуру, менялись лишь действующие лица. Каждая история была абстрактной трагикомедией одного абстрактного актера, н а м е р е н и я, и двух человеческих актеров — нагваля и его ученика. Сценарий представлял собой абстрактное ядро

Мне подумалось: вот, наконец-то я понял, что он хотел сказать, но, пожалуй, я не смог бы объяснить даже себе, что же я понял, тем более объяснить это дон Хуану. Когда я пытался обратить свои мысли в слова, получался какой-то бессвязный лепет.

Дон Хуан, кажется, понял состояние моего ума. Он посоветовал мне расслабиться и слушать. Он рассказал мне свою собственную историю о процесс введения ученика в сферу духа, процессе, который маги называли надувательством духа или очищением звена, связующего нас с н а м е р е н и е м.

— Я уже рассказал тебе историю о том, как нагваль Хулиан взял меня в свой дом после того, как я был сражен выстрелом, и ухаживал за моей раной, пока я не поправился, — продолжал дон Хуан. — но я не рассказывал тебе как он очистил мое звено, как он обучил меня в ы с л е ж и в а т ь себя.

— Первое, что нагваль делает со своим будущим учеником, так это обманывает его. Этим он дает встряску звену, связующему ученика с духом. Есть два способа сделать это. Один через полуобычные каналы, которые я и использую с тобой, другой посредством прямой магии, которую применял ко мне мой бенефактор.

Дон Хуан еще раз рассказал мне историю о том, как его бенефактор убедил людей, собравшихся у дороги, в том, что раненый человек был его сыном. Затем он заплатил нескольким мужчинам за то, чтобы они отнесли его в дом дон Хулиана, в то время как дон Хуан был без сознания от шока и потери крови. Через несколько дней дон Хуан пришел в себя, обнаружив себя в обществе старика и его жены, которые заботились о его ране.

Старик сказал, что его зовут Белисарио, и что его жена известная целительница, что оба они лечили его рану. Дон Хуан сказал ему, что у него нет денег, но Белисарио предложил договориться о плате после того, как он поправится.

Дон Хуан сказал, что он был основательно смущен, хотя в этом и не было ничего нового, поскольку он являл собой мускулистого, опрометчивого двадцатилетнего индейца, безмозглого, необразованного и с ужасным характером он и понятия не имел о благодарности. Он был признателен за доброту стари ка и его жены, которые помогали ему, но собирался выждать момент, когда заживет его рана, а затем попросту улизнуть среди ночи.

Когда же он достаточно оправился и был готов бежать, старик отвел его в комнату и дрожащим шепотом поведал, что дом, в котором они находились, принадлежит человеку-чудовищу, который держит его и жену в плену. Он просил дон Хуана помочь им вернуть свою свободу и убежать от их поработителя и мучителя. Прежде, чем дон Хуан успел ответить, чудовищный человек с рыбьим лицом, словно из ужасной сказки, ворвался в комнату, по-видимому, подслушав их разговор. Он был зеленовато-серый, а единственный, немигающий глаз посреди лба был с дверь величиной. Он, шатаясь, шел на дон Хуана, шипя, как змея, готовый разорвать его в клочья, и так напугал его, что дон Хуан упал в обморок.

— Его способ дать толчок звену, связующему меня с духом, был мастерским и деспотичным. — дон Хуан засмеялся. — мой бенефактор, конечно же, перевел меня в повышенное состояние сознания еще до появления монстра, поэтому то, что я фактически увидел как человека-чудовище, было тем, что маги называют неорганическим существом, бесформенным энергетическим полем.

Дон Хуан сказал, что ему известны бесчисленные случаи, в которых дьяволоподобие его бенефактора создавало забавно затруднительные ситуации для всех его учеников, особенно для самого дон Хуана, чья серьезность и жесткость делали его идеальным объектом для мучительных шуток его бенефактора. Он добавил, словно запоздалую мысль, которую сперва не хотел говорить, что эти шутки ужасно забавляли его бенефактора.

— Если тебя беспокоит, что я смеюсь над тобой, запомни, что это ничто по сравнению с тем, как он смеялся надо мной, — продолжал дон Хуан, — мой дьявольский бенефактор научился плакать, скрывая свой смех. Ты даже не можешь себе представить, как он рыдал, когда я впервые начал свое ученичество.

Продолжая свою историю, дон Хуан заявил, что его жизнь никогда уже не была той же самой после потрясения от в и — д е н и я этого человека-чудовища. Его бенефактор действовал наверняка. Дон Хуан объяснил, что как только нагваль знакомится со своим учеником, особенно учеником-нагвалем, он должен обманом попытаться завоевать его согласие. Его согласие может быть двух разных видов. Либо будущего ученика настраивают и обучают так, что решение примкнуть к нагвалю становится для него единственно возможным, как в случае с юной талией. Либо, если будущий ученик обладает малой долей

дисциплины или вообще не имеет ее, нагвалю приходится потратить много энергии и приложить массу труда, чтобы убедить его.

В случае дон Хуана, благодаря тому, что он был одичалым сельским жителем, в чьей голове редко появлялись умные мысли, процесс наматывания его на катушку принимал чудные повороты.

Вскоре после первой встряски его бенефактор преподнес ему еще одну, показав дон Хуан свою способность трансформировать себя. В один из дней он превратился в молодого человека. Дон Хуан в то время не мог представить себе такую трансформацию ничем иным, кроме образца превосходного искусства актера.

— Как он выполнял эти изменения? — спросил я.

— В них было и магическое, и артистическое, — ответил дон Хуан. — магическое состояло в том, что он трансформировал себя, сдвигая свою точку сборки в позицию, которая вызывала любые индивидуальные изменения, какие он пожелал. А его артистизм заключался в совершенстве его трансформаций.

— Я совершенно не понимаю того, что ты рассказал мне, — признался я.

Дон Хуан пояснил, что восприятие представляет собой стержень для всего того, чем является человек или того, что он делает, что восприятием управляет местоположение точки сборки. Следовательно, если эта точка меняет позицию, человек соответственно меняет и восприятие мира. Маг, знающий точно, где расположена его точка сборки, может стать всем, чем захочет.

— Профессионализм нагваля Хулиана в передвижении его точки сборки был так великолепен, что он мог извлекать тончайшие трансформации, — продолжал дон Хуан, — когда маг, например, становится вороной, это, конечно, великое достижение. Но оно влечет огромное, а, значит, и грубое, перемещение точки сборки. А вот для перемещения ее в позицию жирного толстяка или старика требуется ничтожнейшее изменение положения точки сборки и глубочайшее знание человеческой природы.

— Я не могу ни думать, ни говорить о таких вещах как о факте, — сказал я. Дон Хуан засмеялся, словно я сказал до невероятности смешную вещь.

— Был какой-нибудь смысл в трансформациях твоего бенефактора? — спросил я, — или он просто развлекал себя?

— Не глупи. Воины ничего не делают просто для того, чтобы развлечь себя — ответил он, — его трансформации были стратегическими. Они диктовались необходимостью, как в случае его трансформации из старика в молодого мужчину. Время от времени происходили забавные последствия, но это другое дело.

Я напомнил ему, что когда-то просил рассказать о том, как его бенефактор научился этим трансформациям. Он сказал, что его бенефактор имел учителя, но кто им был, умолчал.

— Один очень таинственный маг, который является нашим опекуном, обучил его этому, — кратко ответил он.

— Кто он, этот таинственный маг? — спросил я.

— Презревший смерть, — сказал он и посмотрел на меня вопросительно.

Для всех магов партии дон Хуана презревший смерть был наиболее ярким героем. По их словам, презревший смерть был магом древних времен. Ему удалось дожить до настоящего времени с помощью манипуляций своей точки сборки, заставляя ее передвигаться особым образом к определенным местам внутри его полного энергетического поля. Такие маневры помогали ему сохранять сознание и жизненную силу.

Дон Хуан рассказал мне о соглашении, которое видящие его линии заключили с презревшим смерть столетиями раньше. Он делал им подарки в обмен на жизненную энергию. Благодаря этому соглашению, они считали его своим опекуном и называли «арендатором».

Дон Хуан объяснил, что маги древних времен считались экспертами в передвижении точки сборки. Занимаясь этим, они открывали изумительные вещи относительно восприятия, но поняли и то, с какой легкостью все это теряется в заблуждении. Ситуация презревшего смерть для дон Хуана была классическим примером заблуждения.

Дон Хуан при случае повторял каждый раз, что если точку сборки толкнет тот, кто не только в и д и т ее, но и обладает достаточной энергией, чтобы сдвинуть ее, она скользит внутрь светящегося шара к тому месту, куда направил ее толкнувший. Ее блеска достаточно, чтобы осветить нитеобразные энергетические поля, которых она достигла. Возникшее восприятие мира будет таким же полным, но не тем же, как наше обычное восприятие повседневной жизни. Таким образом повседневность терпит кризис, имея дело с движением точки сборки.

Продолжая свою историю, дон Хуан сказал, что быстро привык к мысли, что старик в действительности был молодым человеком, который спасал свою жизнь и должен был притворяться старым. Но однажды он вновь стал старым Белисарио, которого дон Хуан

встретил в первый раз. Он и женщина, которую дон Хуан принимал за его жену, упаковали свои вещи в чемоданы, а двое улыбающихся мужчин с упряжкой мулов, казалось, возникли из ниоткуда.

Дон Хуан засмеялся, смакуя свою историю. Он сказал, что, когда погонщики снарядили мулов, Белисарио отвел его в сторону и сообщил, что он и его жена вновь вынуждены маскироваться. Он снова будет стариком, а его красивая жена — толстой вспльщивой индеанкой.

— Я был так молод и глуп, что ценил только очевидные для меня вещи, — продолжал дон Хуан, — еще два дня назад я видел его невероятную трансформацию из немощного семидесятилетнего старика в энергичного молодого человека лет двадцати пяти и принял его объяснение, что старость — просто маскировка. Его жена тогда превратилась из желчной, жирной индианки в красивую тоненькую девушку. Женщина, конечно, не трансформировала себя, как это делал мой бенефактор. Он попросту подменил женщину. Конечно же, я все это видел тогда, но мудрость всегда приходит к нам болезненно и понемножку. Дон Хуан сказал, что старик заверил его в том, что рана зажила, хотя он и не чувствует себя вполне здоровым. Потом обнял дон Хуана и с искренней грустью прошептал: «ты так сильно понравился чудовищу, что он освободил от рабства меня и мою жену. Он хочет принять тебя к себе единственным слугой».

— Я бы посмеялся над ним, — продолжал дон Хуан, — если бы не низкое животное рычание и пугающее дребезжание, исходившее из комнат чудовища.

Глаза дон Хуана сияли внутренним восхищением. Я пытался остаться серьезным, но не смог не улыбнуться.

Белисарио, осознавая испуг дон Хуана, без конца просил прощения за тот поворот судьбы, который освободил его и лишил свободы дон Хуана. Он щелкал языком от досады и проклинал чудовище. Слезы стояли в его глазах, когда он перечислял всю ту работу, которую монстр требовал выполнять каждый день. И когда дон Хуан запротестовал, он тихо сообщил ему по секрету, что отсюда не убежишь, поскольку чудовище обладает несравненным знанием колдовства.

Дон Хуан попросил Белисарио подсказать какую-нибудь линию поведения. Белисарио пустился в длинное объяснение о том, что планы действий уместны только тогда, когда имеешь дело с обычными людьми. В человеческом контексте мы можем планировать и размышлять, полагаясь на удачу, а прибавив к этому нашу хитрость и самоотверженность, даже достигать успеха. Но перед лицом неизвестного, особенно в ситуации дон Хуана, единственная надежда выжить заключалась в уступках и понимании.

Белисарио признался дон Хуану едва слышным шепотом, что для того, чтобы монстр никогда вновь не пришел за ним, он направляется в город Дуранго обучаться магии. Он спросил дон Хуана, хочет ли он тоже подумать об обучении магии. И дон Хуан, придя в ужас от этой мысли, сказал, что он никогда не будет иметь дело с колдовством.

Дон Хуан схватился от хохота за бока и признался, что он наслаждается, понимая то, как его бенефактор, должно быть, смаковал их взаимодействия, особенно когда он сам с безумным страхом и жаром отклонил добросовестное приглашение обучаться магии, сказав: «я индеец. Я родился, чтобы ненавидеть и бояться колдовства.»

Белисарио обменялся взглядом со своей женой, и его тело начало конвульсивно содрогаться. Дон Хуан понял, что он безмолвно плачет, по-видимому, обидевшись на отказ. Его жене пришлось поддержать его, пока к нему не вернулось самообладание.

Когда Белисарио и его жена двинулись в путь, он повернулся и дал дон Хуану один совет. Он сказал, что чудовище питает отвращение к женщинам, дон Хуан должен быть начеку, чтобы при случае найти себе замену в лице мужчины, который понравится чудовищу настолько, что тот поменяет рабов. Но он не хочет пробуждать его надежды, поскольку прошло много лет, прежде чем он смог покинуть этот дом. Монстру нравится вынуждать своих рабов быть верными, или, по крайней мере, послушными ему.

Дон Хуан большего не вынес. Он не выдержал, расплакался и сказал Белисарио, что никто не пойдет в чужие владения. Он должен будет убить самого себя. Старик был очень тронут вспльшкой дон Хуана и признался, что у него была такая же идея, но, увы, чудовище читало его мысли и мешало ему каждый раз, когда он пытался покончить с собой. Белисарио еще раз предложил взять дон Хуана с собой в Дуранго обучаться магии. Он сказал, что это единственное возможное решение. И дон Хуан сказал ему, что его решение похоже на прыжок с горячей сковородки в огонь.

Белисарио громко заплакал и обнял дон Хуана. Он проклял тот миг, когда решил спасти жизнь другого человека, и поклялся в том, что и не думал даже о возможности поменяться с кем-то местами. Он высморкался и взглянул на дон Хуана горящими глазами, сказав: «маскировка — вот единственный путь выжить. Если ты не поведешь себя должным образом, чудовище похитит твою душу и превратит тебя в идиота, который будет выполнять его

домашнюю работу и ничего больше. Очень плохо, что у меня нет времени чтобы научить тебя, как действовать». — и он заплакал пуще прежнего.

Дон Хуан, задыхаясь от слез, попросил его описать, как он сумел замаскировать себя. Белисарио сообщил ему по секрету, что у чудовища ужасное зрение, и посоветовал дон хуану поэкспериментировать с различной одеждой на свой вкус. В конце концов, он сам годами учился различной маскировке. Он подтолкнул дон Хуана к широко открытой двери, его жена смущенно пожала ему руку. А потом они ушли.

— Никогда в своей жизни ни до, ни после я не чувствовал такой паники и отчаяния, — сказал дон Хуан. — чудовище дребезжало внутри дома, словно нетерпеливо ожидая меня. Я сел у двери и заскулил, как скулит собака от боли. Потом меня вырвало от страха.

Дон Хуан просидел несколько часов, не в силах шевельнуться. Он не смел уйти и не смел войти внутрь. Можно без преувеличения сказать, что он уже был близок к смерти, когда увидел на другой стороне улицы Белисарио, махавшего ему рукой, пытаясь привлечь его внимание. Увидев его вновь, дон Хуан испытал мгновенное облегчение. Белисарио сидел на корточках на тротуаре, наблюдая за домом. Он дал сигнал дон Хуану оставаться на месте.

После мучительно долгой паузы Белисарио прополз на корточках несколько шагов и вновь притаился, оставаясь полностью неподвижным. Подкрадываясь в такой манере, он двигался до тех пор, пока не оказался рядом с доном Хуаном. На это потребовалось несколько часов. Мимо прошло несколько человек, но никто из них, по-видимому, не заметил ни отчаяния дон Хуана, ни действий старика. Когда они уже сидели бок о бок, Белисарио шепнул, что не может позволить себе оставить дон Хуана словно собаку, привязанную к столбу. Его жена возражала, но он вернулся, чтобы попробовать спасти его. В конце концов, он должен отблагодарить дон Хуана за то, что тот предоставил ему свободу.

Он спросил дон Хуана требовательным шепотом, готов ли он и согласен сделать все, чтобы убежать отсюда. И дон Хуан заверил его, что пойдет на все. Белисарио украдкой передал дон Хуану узел одежды и обрисовал свой план. Дон Хуан пойдет в самую дальнюю от комнат чудовища часть дома, потихоньку переоденется, обменяв каждую вещь, начиная со шляпы и кончая башмаками. Затем он наденет свою одежду на деревянный остов, похожий на манекен, который он должен сделать расторопно и быстро уже находясь внутри дома.

Следующий этап его плана состоял в том, что дон Хуан оденет то, что только и может одурачить монстра — одежду в узле.

Дон Хуан вбежал в дом и выполнил все, что требовалось. Он сделал из шестов, которые нашел в задней части дома, остов пугала, снял свою одежду и одел ее на него. Но развернув узел, он был смущен его содержимым. Там была женская одежда!

— Я чувствовал себя глупым и потерянным, — сказал дон Хуан. — и уже было хотел вернуть свою одежду, когда услышал нечеловеческое рычание чудовища. Меня воспитали в презрении к женщине, в уверенности, что единственная ее функция состояла в том, чтобы заботиться о мужчине. Одеть женскую одежду для меня было равносильно стать женщиной. Но мой страх перед чудовищем был так силен, что я закрыл глаза и одел это чертовское одеяние.

Я посмотрел на дон Хуана, представляя его в женской одежде. Образ получился совершенно нелепым, и против воли я взорвался животным смехом.

Дон Хуан сказал, что когда старый Белисарио, поджидавший его на другой стороне улицы, увидел дон Хуана переодетым, он начал бесконтрольно рыдать. Проплакавшись, он отвел дон Хуана на окраину города, где их ожидали его жена и погонщики мулов. Один из них очень смело спросил Белисарио, не украл ли он эту странную девушку для того, чтобы продать ее в бордель проституток. Старик заплакал так сильно, что, пожалуй, был на грани обморока. Молодые погонщики не знали, что делать, и только жена Белисарио вместо того, чтобы посочувствовать ему, почти валилась на землю от приступов смеха. А дон Хуан не мог понять, почему.

Их группа двинулась в путь с приходом темноты. Они шли по малохоженной тропе, неуклонно на север. Белисарио говорил очень мало, он казался напуганным, и, по-видимому, ожидал какого-то несчастья. Его жена ругалась с ним все время, крича, что они потеряют свой шанс на свободу, взяв с собой дон Хуана. Белисарио строго приказал ей замолчать и не нагонять страх на погонщиков, которые могут догадаться, что дон Хуан переодетый мужчина. Он предупредил дон Хуана, что, поскольку тот не знает, как убедительно вести себя наподобие женщины, он должен действовать словно девушка, которая слегка не в своем уме.

Через несколько дней страх дон Хуана значительно уменьшился, фактически, он стал таким уверенным, что даже не вспоминал того, чего боялся. Не будь одежды, которую он носил, дон Хуан воспринимал бы пережитое им, как плохой сон.

Ношение женской одежды при таких обстоятельствах, конечно же, повлекло серию крутых перемен. Жена Белисарио с огромной серьезностью штудировала дон Хуана по каждому аспекту бытия женщиной. Дон Хуан помогал ей готовить еду, стирать белье и собирать дрова. Белисарио побрил голову дон Хуана и намазал ее сильно пахнущим лекарством. Он сказал погонщикам мулов, что девушка получила инфекцию от вшей. Дон Хуан рассказывал, что в то время он был безусым юношей и без особого труда походил на женщину. Но он чувствовал отвращение к самому себе, ко всем этим людям, и прежде всего, к своей судьбе. В конце концов, ношение женской одежды и все эти женские дела превысили порог его терпения.

Однажды он почувствовал, что с него довольно. Погонщики мулов оказались последней каплей. Они требовали, чтобы эта странная девушка исполняла все их прихоти. Дон Хуан сказал, что он был постоянно начеку, поскольку они часто приставали к нему.

— Погонщики мулов были в сговоре с твоим бенефактором? — спросил я.

— Нет, — ответил он и шумно засмеялся. — они были просто двумя симпатичными людьми, которые временно попали под его очарование. Он нанял их мулов для перевозки лекарственных растений, пообещав им щедро заплатить, если они помогут ему похитить юную девушку.

Размах действий нагвалы Хулиана поразил мое воображение. Я представил дон Хуана отражающим сексуальные заигрывания и даже завопил от хохота.

Дон Хуан продолжал свое повествование. Он сказал, что строго предупредил старика в том духе, что маскарад длится слишком долго, а мужчины сексуально равнодушны к нему. Белисарио беспечно посоветовал быть более сметливым, так как мужчины всегда остаются мужчинами. Старик снова начал плакать, совершенно озадачив дон Хуана, который в это время обнаружил, что просто отстаивает честь женщин.

Он так страстно говорил о бедственном положении слабого пола, что буквально испугался самого себя. Он сказал Белисарио, что в итоге все сложилось очень плохо, и что ему было бы лучше оставаться слугой чудовища.

Смятение дон Хуана увеличилось, когда старик, бесконтрольно зарыдав, нашептал ему кучу нелепостей: жизнь прекрасна, и наименьшей ценой, чтобы заплатить за нее, является шутка; монстр мог пожрать душу дон Хуана, даже не позволив ему убить самого себя. «Пофлиртуй с погонщиками, — посоветовал он дон Хуану примирительным тоном. — они обычные крестьяне и просто хотят поиграть, поэтому отталкивай их, когда они толкают тебя. Позволь им коснуться твоей ноги. Ну что ты так волнуешься?» — и он опять неудержимо заплакал. Дон Хуан спросил его, почему он плачет. — «Потому, что ты идеально подходишь для этого», — ответил он, и его тело подломилось от сильных рыданий.

Дон Хуан поблагодарил его за добрые чувства и за все те неприятности, которые получил благодаря ему. Он сказал Белисарио, что теперь чувствует себя в безопасности и хочет покинуть его.

— Искусство «выслеживания» обучит всем причудам твоего переодевания, — сказал Белисарио, не обращая внимания на то, что говорил ему дон Хуан. — Если ты в совершенстве изучишь их, никто не сможет догадаться, что ты переодет. Для этого тебе следует быть безжалостным, хитрым, терпеливым и ласковым.

Дон Хуан никак не мог понять, о чем говорит Белисарио. Но не став разбираться в этом вопросе, он попросил дать ему какую-нибудь мужскую одежду. Белисарио проявил большое понимание. Он дал дон Хуану какие-то старые тряпки и несколько мелких монет. Он пообещал дон Хуану, что его женская одежда всегда будет при нем на случай, если она потребуется дон Хуану, и страстно торопил его идти в Дуранго, чтобы вместе с ним изучать магию и навсегда освободить себя от чудовища. Дон Хуан ничего не ответил и не стал благодарить его. Поэтому Белисарио пожелал ему счастливого пути и очень сильно несколько раз похлопал его по спине.

Дон Хуан переоделся и попросил Белисарио показать ему дорогу. В ответ старик сказал, что если дон Хуан пойдет по северной тропе, то рано или поздно он попадет в ближайший город. Он сказал, что их пути могут сойтись еще раз, поскольку все они идут в одном общем направлении — подальше от чудовища.

Получив свободу, дон Хуан шагал так быстро, как только мог. Он прошел около четырех-пяти миль, прежде чем обнаружил следы людей. Он знал, что город поблизости, и думал о том, что возможно поработает здесь до тех пор, пока не решит, куда идти дальше. Он присел передохнуть, предвосхищая обычные затруднения чужестранца в небольшом отдаленном городке, когда уголком глаза уловил движение в кустах недалеко от тропы. Он почувствовал, что кто-то наблюдает за ним. Его охватил непомерный ужас, он вскочил и бросился бежать в направлении города; чудовище, шатаясь из стороны в сторону, прыгнуло на него, пытаясь схватить его за шею. Оно промахнулось всего на дюйм. Дон Хуан закричал,

как никогда не кричал прежде, но у него было достаточно самоконтроля, что-бы увернуться и броситься назад в обратном направлении.

Когда дон Хуан побежал, спасая свою жизнь, чудовище, преследуя его, налетело на кусты всего в нескольких шагах от него. Дон Хуан сказал, что это был наиболее пугающий звук, который он когда-либо слышал. В конце концов он увидел мулов, которые медленно двигались на расстоянии, и начал звать на помощь.

Белисарио узнал дон Хуана и побежал к нему, выказывая явный страх и ужас. Он бросил дон Хуану узел с женской одеждой и закричал: — «беги как женщина, идиот!».

Дон Хуан признался, что не имея понятия о том, как бегают женщины, он все же сделал это. Монстр прекратил преследование. А Белисарио приказал ему быстро переодеться, пока он держит чудовище на расстоянии.

Не глядя ни на кого, дон Хуан примкнул к жене Белисарио и улыбающимся погонщикам мулов. Они вернулись немного назад и вышли на другую тропу. Никто не говорил с ним несколько дней, только Белисарио ежедневно давал ему свои наставления. Он говорил дон Хуану, что индейские женщины очень практичны и идут прямо к сути вещей, но они очень застенчивы, и поэтому, когда их окликают, они проявляют физические признаки испуга с помощью бегающих глаз, поджатых губ и расширенных ноздрей. Все эти признаки сопровождаются боязливым упрямством вперемешку с застенчивым смехом.

Он заставлял дон Хуана оттачивать мастерство своего женского поведения в каждом городе, через который они следовали. А дон Хуан упорно верил, что он учит его быть актером, хотя Белисарио настаивал на том, что он обучает его искусству «выслеживания». Он рассказал дон Хуану, что «выслеживание» является искусством, которое применимо ко всему и которое имеет четыре этапа обучения: безжалостность, хитрость, терпение и ласковость.

Я был вынужден еще раз прервать его рассказ.

— Но ведь «выслеживанию» обучают в глубоком повышенном состоянии сознания?

— Конечно, — ответил он с усмешкой. — но ты должен понять, что для некоторых мужчин ношение женской одежды служит дверью в состояние повышенного сознания. Фактически, подобные средства более эффективны, чем толчок точки сборки, но их очень трудно устроить.

Дон Хуан сказал, что его бенефактор ежедневно муштровал его в четырех направлениях «выслеживания» и настаивал, чтобы дон Хуан понял, что безжалостность не является резкостью, хитрость не должна быть жесткостью, терпение отличается от небрежности, а ласковость далека от глупости.

Он учил его, что эти четыре этапа должны быть отточены до совершенства, пока не станут такими гладкими, что будут незаметны. Он верил, что каждая женщина является естественным сталкером. И это сильное убеждение заставляло Белисарио утверждать, что только переодевшись женщиной, мужчина может действительно научиться искусству «выслеживания».

— Я посетил с ним каждый рынок в каждом городе, который попадался нам на пути, и торговался с кем только было можно, — продолжал дон Хуан. — мой бенефактор был рядом, наблюдая за мной со стороны. — «будь безжалостным, но обаятельным, — говорил он мне, — будь хитрым, но симпатичным. Будь терпеливым, оставаясь активным. Будь ласковым, но смертоносным. Только женщины могут это. Если мужчина действует таким образом, ему нет цены».

И словно для того, чтобы дон Хуан твердо следовал заданной линии, время от времени на горизонте появлялся человек-чудовище. Дон Хуан видел его, скитаясь по сельской местности. Он видел его довольно часто после того, как Белисарио делал ему энергичный спинной массаж, который предназначался для того, чтобы облегчить резкую нервную боль в его шее. Дон Хуан засмеялся и сказал, что он и понятия не имел о том, что его умело вводили в состояние повышенного сознания.

— Прошел месяц, прежде чем мы достигли Дуранго, — сказал дон Хуан. — за этот месяц я прошел краткий курс четырех настроений «выслеживания». Он не очень изменил меня, но дал возможность получить представление о том, что значит быть женщиной.

ЧЕТЫРЕ НАСТРОЕНИЯ «ВЫСЛЕЖИВАНИЯ»

Дон Хуан сказал, что я должен сидеть здесь, на древнем наблюдательном посту и использовать притяжение земли, чтобы сдвинуть точку сборки и вспомнить другие состояния повышенного сознания, в которых он обучал меня «выслеживанию».

— В минувшие несколько дней я несколько раз упоминал о четырех настроениях «выслеживания», — продолжал он. — я говорил о безжалостности, хитрости, терпении и ласковости в надежде, что ты сможешь вспомнить то, чему я учил тебя относительно их. Было бы чудесно, если бы ты использовал эти четыре настроения, чтобы они вернули тебе полное воспоминание.

Он молчал, как мне показалось, очень долго. А потом сделал заявление, которое не должно было удивить меня, но удивило. Он сказал, что обучал меня четырем настроениям «выслеживания» в северной мексике вместе с Висенте Медрано и Сильвио Мануэлем. Он не вдавался в подробности, желая, чтобы его заявление впиталось в меня. Я попытался вспомнить, но в конце концов сдался и даже хотел закричать, что не могу вспомнить то, чего никогда не было.

Пока я преодолевал глас своего протеста, в моем уме начали возникать тревожные мысли. Я знал, что дон Хуан не скажет, что он раздражен мной. Я стал навязчиво сознательным, как делал это всегда, когда меня просили вспомнить состояние повышенного сознания, понимая, что в действительности события, которые я пережил под его руководством, не имели непрерывности. Эти события не нанизывались одно на другое, как моменты моей повседневной жизни, которые легко можно было составить в линейную последовательность. Вполне вероятно, что он прав. В мире дон Хуана нельзя быть уверенным ни в чем.

Я попробовал выразить свои сомнения, но он отказался слушать и только подгонял меня вспоминать. К тому времени стало совсем темно. Было очень ветрено, но я не чувствовал холода. Дон Хуан дал мне плоский камень, который я положил на грудь. Мое сознание остро подстраивалось ко всему вокруг. Я почувствовал резкое притяжение, которое не было ни внешним, ни внутренним, но скорее ощущением поддерживающей тяги неопознаваемой части меня самого. Внезапно я начал вспоминать с оглушительной ясностью встречу, которая состоялась несколько лет тому назад. Я вспоминал события и людей так ярко, что это напугало меня. Я чувствовал холод.

Потом я рассказал обо всем дон Хуану, но, кажется, это не произвело на него впечатления и даже не заинтересовало. Он посоветовал мне не поддаваться ни ментальному, ни физическому страху.

Мое воспоминание было таким феноменальным, словно я вновь проживал пережитое. Дон Хуан хранил молчание. Он даже не смотрел на меня. Я почувствовал себя онемевшим. Ощущение оцепенения медленно проходило.

Я повторил то же самое, что всегда говорил дон Хуану, когда вспоминал событие вне линейного существования.

— Ну как это могло быть, дон Хуан? Как я мог забыть все это?

А он ответил так, как отвечал всегда.

— Этот тип воспоминания или забывания не имеет ничего общего с нормальной памятью, — заверил он меня. — он связан с движением точки сборки.

Дон Хуан утверждал, что хотя я обладаю полным знанием того, что является «намерением», я еще не владею этим знанием. Знать то, что является «намерением», означает, что кто-то может в любое время объяснить это знание или использовать его. Нагваль благодаря силе своего положения обязан владеть своим знанием именно в такой манере.

— Что ты вспомнил? — спросил он меня.

— Тот первый случай, когда ты рассказал мне о четырех настроениях «выслеживания», — сказал я.

Какой-то процесс, необъяснимый в терминах моего обычного осознания мира, пробудил воспоминание, которого минутой раньше не существовало. И я вспомнил законченную последовательность событий, которые произошли много лет тому назад.

Как-то раз, когда я покидал дом дон Хуана в Соноре, он попросил меня встретить его на следующей неделе около полудня на Грейхендской автобусной станции в Ногалесе, штат Аризона, вблизи границы.

Я приехал на час раньше, но он уже стоял у двери. Я приветствовал его. Он не ответил, но торопливо оттянул меня в сторону и прошептал, что я должен вынуть руки из своих карманов. Я был ошарашен. Не давая мне времени на ответ, он сказал, что моя ширинка раскрыта, и это позорно означает, что я сексуально возбужден.

Скорость, с которой я пытался скрыться, была феноменальной. Когда же я понял, что это была грубая шутка, мы уже были на улице. Дон Хуан засмеялся и похлопал меня по спине, причем довольно сильно, как бы торжествуя от удачной шутки. Внезапно я обнаружил себя в состоянии повышенного сознания.

Мы вошли в кафе и сели. Мой ум был так чист, что мне хотелось смотреть на все, видя суть вещей.

— Не трать зря энергию, — приказал дон Хуан строгим голосом. — я привел тебя сюда, чтобы посмотреть, сможешь ли ты есть, когда твоя точка сборки сдвинута. И не пытайся делать большего, чем это.

Но потом за столик передо мной сел мужчина, и мое внимание застряло на нем.

— Двигай свои глаза по кругу, — приказал дон Хуан. — не смотри на этого человека.

Я обнаружил, что не могу перестать смотреть на мужчину, и чувствовал себя раздраженным командами дон Хуана.

— Что ты «видишь»? — услышал я вопрос дон Хуана.

Я «видел» светящийся кокон, созданный прозрачными крыльями, которые заворачивались непосредственно в кокон. Крылья развернулись, и взмахнув на миг, облезли, упали и обнажили новые крылья, которые повторили тот же процесс.

Дон Хуан нахально повернул мой стул, и я мог видеть только стену.

— Это расточительство, — сказал он, громко вздохнув, после того, как я описал ему виденное. — ты исчерпал почти всю свою энергию. Сдерживай себя. Воину необходим фокус. Кто может осуждать крылья светящегося кокона?

Он сказал, что повышенное сознание похоже на трамплин. С него можно прыгнуть в бесконечность. Он подчеркивал еще и еще, что когда точка сборки сдвинута, она либо передвигается вновь в позицию, очень близкую к своему обычному положению, либо продолжает двигаться в бесконечность.

— Люди не имеют понятия о странной силе, которую мы носим в себе, — продолжал он. — в этот момент, например, у тебя есть средство достичь бесконечности. Если ты будешь продолжать свое ненужное поведение, ты можешь преуспеть в передвижении точки сборки за определенный порог, после которого нельзя вернуться.

Я понимал опасность, о которой он говорил, или скорее имел телесное ощущение, что стою на краю бездны, и что если я наклонюсь вперед, то упаду в нее.

— Твоя точка сборки сдвинута к повышенному сознанию, — продолжал он. — потому что я ссудил тебя моей энергией.

Мы ели в молчании очень простую пищу. Дон Хуан не разрешил мне пить ни кофе, ни чая.

— Поскольку ты пользуешься моей энергией, — сказал он, — ты не находишься в своем собственном времени. Ты находишься в моем времени. А я пью воду.

Пока мы шли назад к моей машине, я почувствовал легкую тошноту. Я пошатнулся и почти потерял равновесие. Это было ощущение, похожее на то, когда идешь, надев первый раз очки.

— Держи себя в руках, — сказал дон Хуан, улыбаясь. — там, куда мы поедem, ты должен быть чрезвычайно точным.

Он приказал мне двигаться через международную границу в город-побратим, мексиканский Ногалес. Пока я вел машину, он давал мне направления: указывал улицы, называл левые и правые повороты, говорил, с какой скоростью ехать.

— Я знаю эти места, — сказал я немного раздраженно. — скажи мне, куда тебе надо, и я доставлю тебя туда. Как водитель такси.

— Хорошо, — согласился он, — улица «в сторону неба», дом 1573.

Я не знал улицы «в сторону неба» и того, существовала ли такая улица вообще. Фактически, я подозревал, что он просто придумал это название, чтобы смутить меня. Я молчал. В его блестящих глазах сиял насмешливый огонек.

— Эгомания — настоящий тиран, — сказал он. — мы должны работать не переставая над тем, чтобы сбросить ее с пьедестала.

Он продолжал говорить мне, куда ехать. Наконец, дон Хуан попросил меня остановиться перед одноэтажным, светло-бежевым домом на угловом участке земли в зажиточном квартале. Здесь было что-то такое, что немедленно приковало мой взгляд: толстый слой охристого гравия вокруг дома. Добротная дверь, оконные рамы и отделка дома — все было выкрашено под цвет гравия. Все наружные окна были закрыты подъемными жалюзи. По всей видимости, это был типичный пригородный дом среднего достатка.

Мы вышли из машины. Дон Хуан шел первым. Ему не пришлось ни стучать, ни открывать дверь ключом. Когда мы подошли, она тихо открылась на хорошо смазанных шарнирах — сама по себе, как я смог заметить.

Дон Хуан быстро вошел. Он не приглашал меня, я просто последовал за ним. Мне хотелось увидеть, кто же открыл дверь изнутри, но здесь никого не было.

Интерьер дома очень успокаивал. На гладких, безупречно чистых стенах не было картин. Здесь не было ни ламп, ни книжных стеллажей. Золотистый пол из желтого кафеля создавал очень приятный контраст с серовато-белыми стенами. Мы оказались в небольшой, узкой передней, которая переходила в просторную гостиную с высоким потолком и кирпичным камином. Половина комнаты была совершенно пуста, но рядом с камином находился полукруг дорогой мебели: в середине две большие бежевые кушетки, по краям которых стояло два кресла с покрывалами того же цвета. В центре стоял массивный круглый из дуба кофейный стол. Судя по всему, что я увидел, в этом доме люди, жившие здесь, по-видимому, были обеспеченными, но экономными. И они, очевидно, любили посидеть у огня.

Двое мужчин лет пятидесяти-шестидесяти сидели в креслах. Они встали, когда мы вошли. Один из них был индейцем, другой — латиноамериканцем. Дон Хуан представил меня сначала индейцу, который был ближе ко мне.

— Это Сильвио Мануэль, — сказал он мне. — он самый сильный и опасный воин моей партии и наиболее таинственный из всех.

Черты Сильвио Мануэля как бы сошли с фресок майя. Его цвет лица был бледным, почти желтым. Мне подумалось, что он похож на китайца. Его раскосые, но без эпического изгиба глаза были большими, черными и блестящими. У него не было ни усов, ни бороды, зато бросались в глаза волосы, черные как смоль с блестками седины. Лицо украшали высокие скулы и полные губы. Он был невысоким, около 160 сантиметров, худощавым и жилистым, одетым в желтую спортивную рубашку, коричневые брюки и тонкий бежевый жакет. По одежде и манерам он выглядел как мексиканский американец.

Я улыбнулся и протянул Сильвио Мануэлю руку, но он оставил этот жест без ответа и только небрежно кивнул.

— А это Висенте Медрано, — сказал дон Хуан, поворачиваясь к другому мужчине. — это наиболее осведомленный и старейший из моих компаньонов. Старейший не по годам, а потому, что он был первым учеником моего бенефактора. Висенте кивнул мне так же небрежно, как и Сильвио Мануэль, и тоже не сказал ни слова.

Он был немного выше Сильвио Мануэля, но по комплекции казался таким же худым. Его лицо было румяным, с аккуратно подрезанной бородкой и усами. Черты лица были почти нежными: тонкий, красиво очерченный нос, небольшой рот, утонченные губы. Густые темные брови контрастировали с седой бородой и усами. У него были коричневые глаза, блестящие и смешливые, несмотря на его хмурый вид.

Одет он был консервативно: костюм из льняной полосатой ткани и рубашка с открытым воротом. Казалось, что он преднамеренно подчеркивал мексиканско-американское происхождение. Я догадался, что именно он был владельцем этого дома.

В сравнении с ним дон Хуан выглядел как индейский пеон. Его соломенная шляпа, поношенные башмаки, старые брюки цвета хаки и рубашка-шотландка делали его похожим на садовника или подмастерье. Когда я увидел их троих вместе, у меня было такое впечатление, что дон Хуан переодет в чужую одежду. Мне пришло в голову странное сравнение, что дон Хуан здесь старший офицер, выполняющий секретное задание, но несмотря на все свои старания он не может скрыть годами отточенную привычку командовать.

У меня было такое чувство, что все они примерно одного и того же возраста, хотя дон Хуан выглядел намного старше остальных, и в то же время он казался бесконечно сильнее их.

— Я думаю, вы уже знаете Карлоса — как величайшую индольгирующую личность, которую я когда-либо встречал, — сказал дон Хуан с ужасно серьезным видом. — еще более величайшую, чем наш бенефактор. Уверяю вас, что если и есть человек, воспринимающий индольгирование серьезно, так это он.

Я засмеялся, но меня никто не поддержал. Хозяева смотрели на меня со странным блеском в глазах.

— Я не сомневаюсь, что вы создадите памятное трио, — продолжал дон Хуан. — Старейший и наиболее осведомленный, наиболее опасный и сильный, и наиболее индольгирующий тип.

Они по-прежнему не смеялись, внимательно изучая меня до тех пор, пока я не смутился. И тогда Висенте Медрано нарушил молчание.

— Не знаю, зачем ты привел его в дом, — сказал он сухим, резким тоном. — От него мало пользы. Выгони его на задний двор.

— И свяжи его, — добавил Сильвио Мануэль.

Дон Хуан повернулся ко мне. — идем, — сказал он тихо, и быстрым кивком головы указал на заднюю часть дома.

Было более чем ясно, что этим людям я не понравился. Я не знал, что сказать. Конечно, я был и рассержен и обижен, но эти чувства были тем, что рикошетом отскакивало от моего состояния повышенного сознания.

Мы вышли на задний двор. Дон Хуан небрежно поднял кожаную веревку и обкрутил ее вокруг моей шеи с невероятной скоростью. Его движения были так быстры и так проворны, что секундой позже, когда до меня дошло происходящее, дело было уже сделано. Я, как собака, был привязан за шею к одной из двух колонн из шлакоблоков, которые поддерживали тяжелую крышу задней веранды.

Дон Хуан покачал головой, выказывая то ли смирение, то ли неверие, и вернулся в дом, едва я начал кричать, чтобы он развязал меня. Веревка, туго обкрученная вокруг моей шеи, мешала кричать так громко, как мне бы хотелось.

Я не мог поверить тому, что случилось. Сдерживая гнев, я попытался развязать узел на моей шее. Он был таким маленьким, что кожаные полосы, казалось, склеились вместе. Стараясь раздвинуть их, я обломал свои ногти.

Потом был приступ неконтролируемого гнева, и я рычал как обессиленный зверь. Я схватил веревку, накрутил ее на свои предплечья и, уперев ноги в колонну, рванул из всех сил. Но кожа оказалась слишком крепкой для моих мышц. Я почувствовал себя униженным и напуганным. Страх дал мне момент трезвости. Я знал, что позволил обманчивой ауре рассудительности дон Хуана обмануть себя.

Я оценил свою ситуацию так объективно, как только мог, и не увидел иного средства спасения, как только перерезать кожаную веревку. Я начал бешено перетирать ее об острый угол колонны. Мне казалось, что если я успею разодрать веревку, прежде чем кто-нибудь из мужчин выйдет во двор, у меня появится возможность добежать до машины и удрать отсюда, чтобы никогда не возвращаться вновь.

Я пыхтел и потел, я все тер и тер веревку, пока мне не осталось совсем немного. И вновь уперев ноги в колонну и обмотав веревку вокруг предплечий, я отчаянно рванул ее. Веревка лопнула, а сила рывка откинула меня на спину, и я кувырком влетел в дом.

Когда я с треском влетел в открытую дверь, дон Хуан, Висенте и Сильвио Мануэль стояли посреди комнаты и аплодировали мне.

— Какое драматичное возвращение, — сказал Висенте, помогая мне встать, — ты одурачил меня. Я не думал, что ты способен на такие вспышки.

Дон Хуан подошел ко мне и развязал узел, освобождая мою шею от куска обмотанной веревки.

Меня трясло от страха, напряжения и гнета. Дрожащим голосом я спросил дон Хуана, зачем он так издевается надо мной. Они засмеялись и на миг показались совсем не грозными.

— Мы хотели проверить тебя и определить, к какому типу мужчин ты действительно относишься, — сказал дон Хуан.

Он подвел меня к одной из кушеток и вежливо предложил присесть. Висенте и Сильвио Мануэль сели в кресла, а дон Хуан опустил на другую кушетку лицом ко мне.

Я нервно рассмеялся, но больше не опасался за свою ситуацию, и не боялся дон Хуана и его друзей. Все трое смотрели на меня с откровенным любопытством. Висенте не мог перестать улыбаться, хотя и делал отчаянные усилия казаться серьезным. Сильвио Мануэль, рассматривая меня, ритмично потряхивал головой. Его глаза остановились на мне и были расфокусированы.

— Мы связали тебя, — продолжал дон Хуан, — чтобы узнать, какой ты — ласковый, терпеливый, безжалостный или же хитрый. Мы не нашли в тебе ни одной из этих вещей. Скорее всего, ты просто выдающаяся индугирующая личность, как я и говорил.

— Если бы ты не индугировал в своем неистовстве, ты, конечно же, заметил бы, что грозный узел на веревке вокруг твоей шеи был фальшивым. Это застезка. Висенте придумал этот узел, чтобы дурачить своих друзей.

— Ты яростно разорвал веревку. Безусловно, ты не ласков, — сказал Сильвио Мануэль.

Секунду они сидели в молчании, потом расхохотались.

— У тебя нет ни безжалостности, ни хитрости, — продолжил дон Хуан. — если бы они у тебя были, ты легко бы расстегнул оба узла и убежал с ценной веревкой. У тебя нет и терпения. Имей его, ты скулил бы и кричал до тех пор, пока не увидел бы, что у стены лежат садовые ножницы, которыми можно перерезать веревку в два счета и уберечь себя от мук и перенапряжения.

— Тебя нельзя научить быть неистовым и тупым. Ты уже такой. Но ты можешь научиться быть безжалостным, хитрым, терпеливым и ласковым.

Дон Хуан объяснил мне, что безжалостность, хитрость, терпение и ласковость были сутью «выслеживания». Они были основаниями, которым, со всеми их ответвлениями, надо обучаться аккуратно и тщательно.

Все это он, конечно, адресовал мне, но говоря, смотрел то на Висенте, то на Сильвио Мануэля, которые слушали его с величайшим вниманием и время от времени в согласии кивали головами.

Он несколько раз подчеркнул, что обучение «выслеживанию» — одно из наиболее трудных дел, которые совершают маги. И он настаивал, что не имеет значения тот факт, что они сами обучают меня «выслеживанию», не имеет значения и то, что я верю в противоположное, есть только безупречность, которая диктует их поступки.

— Будь уверен, мы знали, что делаем. Наш бенефактор, нагваль Хулиан, видел это, — сказал дон Хуан, и все трое взорвались таким шумным смехом, что я даже почувствовал себя неудобно. Я не знал, что и думать.

Дон Хуан повторил, что очень важным пунктом для понимания было то, что для наблюдателя поведение магов могло показаться злым, хотя в действительности их поведение всегда остается безупречным.

— Как ты можешь говорить об отличии, если находишься на одном конце связки маг-наблюдатель? — спросил я.

— Злые поступки люди совершают для личной выгоды, — сказал он. — маги, наоборот, преследуют в своих действиях конечную цель, которая не имеет ничего общего с личной выгодой. Тот факт, что они наслаждаются своими поступками, нельзя оценивать как прибыль. Скорее всего, это состояние их характера. Обычный человек действует лишь в том случае, если есть шанс на прибыль. Воины говорят, что они действуют не ради выгоды, но для духа.

Я задумался над этим. Действовать, не принимая в расчет выгоды, было для меня действительно чуждой концепцией. Я был воспитан, вкладывая деньги, надеяться на какое-нибудь вознаграждение, и это касалось всего, чем бы я не занимался.

Должно быть, дон Хуан расценил мое молчание и задумчивость как скептицизм. Он засмеялся и посмотрел на своих товарищей.

Взять нас четверых, например, — продолжал он. — ты веришь, что участвуя в этой ситуации, ты в конце концов получишь из нее какую-то пользу. Если ты рассердишься на нас или мы разочаруем тебя, ты начнешь мстить нам злыми поступками. Мы же, наоборот, не думаем о личной выгоде. Наши действия продиктованы безупречностью — мы не можем ни сердиться, ни разочаровываться относительно тебя.

Дон Хуан улыбнулся и сказал мне, что с момента, когда мы встретились на автобусной станции, все, что он делал со мной, даже если так и не казалось, было продиктовано безупречностью. Он пояснил, что ему было необходимо поставить меня в незащитную позицию и тем самым помочь мне войти в состояние повышенного сознания. Именно поэтому он и сказал мне тогда про раскрытую ширинку.

— Это был способ встряхнуть тебя, — сказал он с усмешкой. — мы грубые индейцы, поэтому все наши встряски довольно примитивны. Чем более опытен воин, тем величественнее утонченность и разработка его толчков. И я должен признать, мы с размахом проявили нашу грубость, особенно когда посадили тебя на ошейник, как собаку.

Все трое усмехнулись и засмеялись так тихо, словно в доме был кто-то еще, кому они не хотели мешать.

Ужасно низким голосом дон Хуан произнес, что поскольку я нахожусь в состоянии повышенного сознания, я могу легко понять то, что он собирается рассказать мне об искусстве «выслеживания» и мастерстве «намерения». Он назвал их верховным торжеством старых и новых магов, первой же вещью, с которой маги сталкивались тысячелетия назад, с которой они сталкиваются и сегодня. Он заявил, что «выслеживание» было началом, и прежде чем стать на путь воина, воины должны были научиться «выслеживать», далее они обучаются «намерению», и только потом могут передвигать свою точку сборки по своей воле.

Я твердо знал, о чем он говорит. Я знал, не зная как, что передвижение точки сборки реально и выполнимо. Но не было слов объяснить то, что я знал. Я несколько раз пытался изложить им свое знание. А они смеялись над моими неудачами и уговаривали попробовать еще раз.

— Как тебе понравится, если я произнесу это за тебя? — спросил дон Хуан. — я хотел бы отыскать те слова, которыми пользуешься ты, но не могу.

По его взгляду я решил, что он серьезно просит моего разрешения. Ситуация казалась такой нелепой, что я рассмеялся.

Дон Хуан, проявляя огромное терпение, спросил меня о том же еще раз, и я ответил следующим взрывом смеха. Их удивленные взгляды и тревога подсказали мне, что моя реакция была непонятна ими. Дон Хуан встал и высказал мнение, что я чересчур утомлен и мне пора вернуться в мир повседневной жизни.

— Подожди, подожди, — попросил я. — со мной все в порядке. Я просто нашел забавным, что ты просишь у меня разрешения.

— Я прошу твоего разрешения, — сказал дон Хуан. — поскольку ты единственный, кто может позволить выйти наружу тем словам, что скрыты внутри тебя. Мне кажется, я сделал ошибку, предлагая тебе понять больше, чем ты можешь. Слова потрясающе сильны и важны, они являются магической собственностью того, кто обладает ими.

— У магов есть правило большого пальца: они говорят, что, чем глубже перемещение точки сборки, тем величественнее чувство полученного знания и того, что нет слов, объясняющих его. Иногда точка сборки обычных людей может двигаться без знания причины и даже без осознания этого с их стороны, если не считать того, что они лишаются дара речи, смущаются и становятся уклончивыми.

Висенте перебил его и предложил, чтобы я остался с ними подольше. Дон Хуан согласился и повернулся ко мне лицом.

— Самым первым принципом «выслеживания» является то, что воин «выслеживает» самого себя, — сказал он. — воин «выслеживает» себя безжалостно, хитро, терпеливо и ласково.

Я хотел засмеяться, но он не дал мне времени. Очень кратко он определил «выслеживание» как искусство использования поведения по-новому для определенных целей. Он сказал, что обычным человеческим поведением в мире повседневной жизни была рутина. Любое поведение, нарушающее повседневный порядок, оказывает на наше полное существо совершенно необычный эффект. Именно этот необычный эффект маги и ищут, поскольку он кумулятивный.

Он пояснил, что маги, видящие древних времен, первыми заметили, благодаря своему «видению», что необычное поведение заставляет точку сборки дрожать. Вскоре они обнаружили, что если необычное поведение практикуется систематично и целенаправленно, оно в конечном счете вызывает движение точки сборки.

— Настоящим вызовом для этих магов-видящих, — продолжал дон Хуан, — было нахождение системы поведения, которая не была бы ни мелочной, ни причудливой, но сочетала бы в себе нравственность и чувство красоты, которые отличают магов-видящих от заурядных колдунов и ведьм.

Он перестал говорить и все посмотрели на меня, отыскивая следы усталости в моих глазах и на моем лице.

— Любой, кому удастся передвинуть свою точку сборки в новую позицию, уже маг, — продолжил дон Хуан. — и из этой новой позиции он может делать любые добрые и плохие дела по отношению к своим братьям. Следовательно, бытие мага подобно бытию сапожника или пекаря. Маги-видящие ищут того, как выйти за рамки этой позиции. А чтобы сделать это, им нужна нравственность и красота.

Он сказал, что для магов «выслеживание» служит фундаментом, на котором строится все, что они делают.

— Некоторые маги возражают против термина «выслеживание», — продолжал он, — но название пришло от того, что оно влечет за собой тайное поведение.

— Его также называют искусством красться, но этот термин в равной степени неудачен. Мы сами, из-за нашего невоинственного темперамента, называем его искусством контролируемой глупости. Ты можешь называть его как хочешь. Но мы продолжаем использовать термин «выслеживание», потому что легче сказать «сталкер», как говорил мой бенефактор, чем неуклюжее «творец контролируемой глупости».

При упоминании их бенефактора они засмеялись, как дети.

Я отлично понимал его. У меня не было ни вопросов, ни сомнений. Было лишь чувство, что я должен держаться за каждое слово дон Хуана, чтобы сказанное осело во мне. Иначе мои мысли побегут впереди него.

Я заметил, что мои глаза были зафиксированы на движении его губ, в то время как слух фиксировался на звучании слов. И как только я понял это, то уже не мог больше следовать ему. Моя концентрация нарушилась. Дон Хуан продолжал говорить, но я не слушал его. Я поражаюсь невообразимой возможности жить постоянно в повышенном сознании. Я спрашивал себя, какова ценность выживания? Можно ли оценивать ситуации лучше? Быть быстрее, чем обычный человек, или, возможно, быть умнее?

Дон Хуан внезапно перестал говорить и спросил меня, о чем я задумался.

— Ах, ты так практичен, — прокомментировал он после того, как я рассказал ему о моих мечтаниях. — я думал, что в повышенном сознании твой темперамент станет более артистичным, более мистичным.

Дон Хуан повернулся к Висенте и попросил его ответить на мои вопросы. Висенте прочистил горло и потер руки об свои штаны. Он производил ясное впечатление страданий человека на грани испуга. Мне стало жалко его. Мысли завертелись клубком. И когда я услышал его заикание, в мою голову ворвался образ — образ, который всегда возникал у меня при виде робости моего отца, его боязни людей. Но прежде чем я успел поддаться этому образу, глаза Висенте вспыхнули с какой-о необычайной внутренней яркостью. Он уставился на меня с комично серьезным лицом и заговорил авторитетно, в профессорской манере.

— Отвечаю на твой вопрос, — сказал он. — В повышенном сознании нет ценности выживания, иначе в нем оказалась бы вся человеческая раса. Люди бегут от него, поскольку войти в него очень трудно. И все же всегда существует маловероятная возможность того, что обычный человек может войти в такое состояние. Когда это происходит, он обычно преуспевает в смущении, порою даже непоправимо.

Все трое разразились хохотом.

— Маги говорят, что повышенное сознание является главным входом в «намерение», — сказал дон Хуан. — и они именно так его и используют. Подумай над этим.

Я по очереди осмотрел каждого из них. Мой рот был открыт, и я чувствовал, что если оставлю его открытым, то в конце концов смогу разрешить загадку. Я закрыл глаза, и ответ пришел ко мне. Я почувствовал это. Я не думал о нем. Я не мог бы выразить его словами, как бы сильно не старался.

— Хорошо, хорошо, — сказал дон Хуан, — ты достиг другое решение магов, причем самостоятельно, но у тебя еще нет той энергии, чтобы подравнять его и выразить в словах.

Ощущение, переживаемое мной, было более чем просто неумение выражать свои мысли, оно было подобно переживанию того, что я забыл давным-давно: когда я не знал, что же я чувствую, потому что еще не научился говорить, и следовательно, не имел средств претворять свои чувства в мысли.

— Размышление и точное выражение того, что ты хочешь сказать, требует несметного количества энергии, — сказал дон Хуан, вдребезги разбив мое чувство.

Сила моей задумчивости была так велика, что я забыл, с чего она началась. Я ошеломлено посмотрел на дон Хуана и признался, что понятия не имею о том, что они или я говорил и делал минутой раньше. Я помнил инцидент с кожаной веревкой и то, что после этого говорил мне дон Хуан, но не мог вспомнить чувства, которые переполняли меня буквально секундой раньше.

— Ты пошел ошибочным путем, — сказал дон Хуан, — ты пытаешься вспомнить мысли так, как делал это всегда, но сейчас другая ситуация. Минутой раньше у тебя было всепоглощающее чувство, что ты знаешь что-то очень особенное. Такие чувства нельзя вспомнить, используя память. Ты вспомнишь их, когда вновь создашь их «намерение».

Он повернулся к Сильвио Мануэлю, который растянулся в кресле, вытянув ноги под кофейный стол. Сильвио Мануэль пристально посмотрел на меня. Его глаза были черные как два куска блестящего обсидиана. Без малейшего движения мышц он издал пронзительный птичий крик.

— Намерение!! — кричал он. — намерение!! Намерение!!

С каждым криком его голос становился все более и более нечеловеческим и пронзительным. Волосы на задней части моей шеи встали дыбом. По коже побежали мурашки. Но мой ум, вместо того, чтобы сфокусироваться на испуге, который я переживал, упорно продолжал вспоминать чувство, которое я имел. И прежде чем я успел полностью обсмаковать это, чувство во возникло и взорвалось в чем-то еще. Вот тогда я понял не только то, почему повышенное сознание является входом в «намерение», я понял, что было самим «намерением». И прежде всего я понял, что это знание не может быть выражено словами. Это знание было здесь для каждого. Его можно было почувствовать, можно было использовать, но невозможно было объяснить. В него входили, изменяя уровни сознания, следовательно, повышенное сознание было дверью или входом. Но даже этот вход невозможен для объяснения. Им можно было только пользоваться.

Здесь был и другой фрагмент знания, который пришел ко мне в этот день без какой-либо подготовки: что естественное знание «намерения» доступно каждому, но господство над ним принадлежит тем, кто попробовал его.

К этому времени я был ужасно утомлен, вполне вероятно, из-за того, что мое католическое воспитание оказывало тяжелейшее противодействие. Одно время я даже верил, что намерение было богом.

Я рассказал об этом дон Хуану, Висенте и Сильвио Мануэлю. Они рассмеялись. Висенте тем же профессорским тоном сказал, что оно не может быть богом, поскольку «намерение»

— Это сила, которая не может быть описана или более менее изображена.

— Не будь нахалом, — сказал мне строго дон Хуан. — не пытайся спекулировать на основании твоей первой и единственной пробы. Подожди, пока не сможешь управлять своим знанием, а уж потом решай, что есть что.

Воспоминания четырех настроений «выслеживания» истожили меня. Наиболее драматическим следствием было большее, чем обычно, безразличие. Меня не волновало бы и то, свались я или дон Хуан замертво. Меня не волновало, останемся ли мы на этом древнем форпосте на ночлег или начнем спуск в темноту прямо сейчас.

Дон Хуан был очень пронзительным. Он отвел меня за руку, как слепого, к массивной скале и помог мне сесть спиной к ней. Он посоветовал, чтобы я позволил естественному сну вернуть меня в обычное состояние сознания.

4. НАШЕСТВИЕ ДУХА. ВИДЕНИЕ ДУХА.

Прямо после позднего обеда, пока мы были еще за столом, дон Хуан сообщил, что мы оба проведем эту ночь в пещере магов, и что нам пора в дорогу. Он сказал, что мне просто

необходимо посидеть там еще раз в полной темноте, позволив структуре скалы и намерению магов сдвинуть мою точку сборки.

Я хотел встать со стула, но дон Хуан остановил меня и сказал, что сначала хочет объяснить мне кое-что. Он потянулся, положив ноги на сидение стула, а затем откинулся на спинку в расслабленное и удобное положение.

— Когда я «вижу» тебя более подробно, — сказал дон Хуан, — я замечаю в тебе все большее и большее сходство с моим бенефактором.

Я почувствовал себя ужасно неудобно и не мог позволить ему продолжать. Я сказал, что не могу представить себе, в чем это сходство, но если что-то общее и есть, — а такая возможность никак не устраивала меня, — я буду признателен ему, если он расскажет мне об этом, дав мне шанс исправиться или избежать этого.

Дон Хуан смеялся, пока слезы не покатались по его щекам.

— Одно из сходств в том, что, когда ты действуешь, ты действуешь очень хорошо, — сказал он, — но когда ты думаешь, то всегда сбиваешь себя с толку. Мой бенефактор был точно таким же. Он не мог хорошо думать.

Я хотел оправдать себя, сказав, что с моим пониманием все в порядке, но уловил проказливый оттенок в его глазах и тут же остановился. Он заметил изменение моего поведения и тут же засмеялся с ноткой удивления. Должно быть, он ожидал противоположного.

— Я хотел сказать, к примеру, что у тебя возникают проблемы в понимании духа только тогда, когда ты думаешь о нем, — продолжал он с укоризненной улыбкой. — но когда ты действуешь, дух легко открывается тебе. С моим бенефактором было точно так же.

— Перед тем, как мы поедem к пещере, я расскажу тебе историю о моем бенефакторе и четвертом абстрактном ядре.

— Маги верят, что до самого момента нашествия духа каждый из нас может уйти от духа, но только не потом.

Дон Хуан преднамеренно сделал паузу, движением бровей побуждая меня понять то, о чем он мне говорит.

— Четвертым абстрактным ядром является широкая атака нашествия духа, — продолжал он. — четвертое абстрактное ядро является действием откровения. Дух открывает нам себя. Маги описывают это так: дух сидит в засаде, а затем налетает на нас, как на свою добычу. Маги говорят, что нашествие духа всегда скрытное. Оно происходит, и все же кажется, что ничего не случилось.

Я стал очень нервным. Тон голоса дон Хуана вызывал во мне чувство, что он готов прыгнуть на меня в любой момент.

Он спросил, помню ли я момент, когда дух набросился на меня, наложив отпечаток постоянной верности к абстрактному.

Я не имел понятия, о чем он говорит.

— Это порог, перейдя который, не имеешь пути к отступлению, — сказал он. — обычно с момента стука духа проходят годы, прежде чем ученик достигает этого порога. Но иногда порог достижим почти мгновенно. И тому пример — случай моего бенефактора.

Дон Хуан сказал, что каждый маг должен иметь ясное воспоминание о пересечении этого порога, этим он напоминает себе о новом состоянии своего перцептуального потенциала. Он объяснил, что можно достичь этого порога даже не будучи учеником магии, и что единственная разница между обычным человеком и магом в этом случае заключается в том, на что каждый делает ударение. Маг подчеркивает пересечение этого порога и использует воспоминание об этом как ориентир. Обычный человек не пересекает порог и считает лучшим для себя забыть о нем.

Я сказал, что не согласен с его точкой зрения, поскольку не могу принять, что здесь есть только пересечение порога.

Дон Хуан посмотрел в сторону неба с унынием и покачал головой в шутливом жесте отчаяния. Я продолжал излагать свои аргументы, не для того, чтобы поспорить с ним, а чтобы прояснить кое-что в своем уме. И все же я быстро терял свой импульс. Внезапно ко мне пришло чувство, что я скольжу по тоннелю.

— Маги говорят, что четвертое абстрактное ядро имеет место, когда дух перерезает наши цепи самоотражения, — сказал он. — отсечение наших цепей изумительно, но и очень нежелательно, так как никто не хочет быть свободным.

Ощущение скольжения через тоннель продолжалось довольно долго, а затем все стало ясным для меня. И я засмеялся. Странное понимание, запертое внутри меня, взорвалось смехом.

Казалось, дон Хуан читает мои мысли, как книгу.

— Это странное чувство — понимание того, что все, о чем мы думаем, все, о чем мы говорим, зависит от положения точки сборки, — заметил он.

И это было именно то, о чем я размышлял и над чем смеялся.

— Я знаю, что в этот момент твоя точка сборки переместилась, — продолжал он, — и ты понял секрет наших цепей. Они держат нас под стражей. Но удерживая нас приколотыми к нашему удобному месту самоотражения, они защищают нас от натиска неизвестного.

У меня был один из тех удивительных моментов, в течение которых все знание о мире магов было кристально чистым. Я понимал все.

— Как только наши цепи порваны, — продолжал дон Хуан, — мы больше не связаны с делами повседневного мира. Мы по-прежнему остаемся в повседневном мире, но не принадлежим здесь ничему и никому. Чтобы принадлежать, мы должны были разделять дела людей, и здесь без цепей не обойтись.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас как-то объяснил ему отличительную черту обычных людей, которая является тем, что мы отделяем метафорическим кинжалом — делами нашего самоотражения. Этим кинжалом мы режем самих себя и истекаем кровью, а работа наших цепей самоотражения дает нам чувство, что мы отделили от себя нечто замечательное и удивительное, что кровоточит вместе с нами — нашу человеческую природу. Но если мы изучим ее, то увидим, что истекаем кровью мы одни, что мы не отделяем ничего, и все, чем мы занимались прежде, являлось игрой с нашим податливым, нереальным и искусственным отражением.

— Маги больше не принадлежат миру повседневных дел, — продолжал дон Хуан, — поскольку они больше не терзаются своим самоотражением.

Потом дон Хуан начал рассказ о своем бенефакторе и нашествии духа. Он сказал, что история началась прямо после того, как дух постучал в дверь молодого актера.

Я перебил дон Хуана и спросил его, почему он постоянно использует термины «молодой человек» и «молодой актер», подразумевая нагваля Хулиана.

— В течение этой истории он не был нагвалем, — ответил дон Хуан. — он был молодым актером. В этой истории я не могу называть его просто Хулиан, поскольку для меня он всегда будет нагвалем Хулианом. Как знак уважения к его периоду безупречности к имени нагваля прибавляется «нагваль».

Дон Хуан продолжил свой рассказ. Он сказал, что нагваль Элиас остановил смерть молодого актера, переводя его в состояние повышенного сознания, и провел несколько часов в напряженной борьбе, пока актер не пришел в сознание. Нагваль Элиас не упоминал своего имени, но представился как профессиональный целитель, который наткнулся на трагическую сцену, где умирали два человека. Он указал на молодую женщину, талию, растянувшуюся на земле. Юноша с удивлением увидел, что она лежит рядом с ним без сознания. Он помнил, что видел, как она уходила, он был ошеломлен, услышав от старого целителя, что, вероятно, бог покарал талию за ее грехи, поразив ее молнией и лишив ее рассудка.

— Но откуда здесь взяться молнии, если даже не было дождя? — спросил молодой актер едва слышным голосом. На него явно произвело впечатление, когда старый индеец ответил, что пути господни неисповедимы.

Я вновь перебил дон Хуана. Мне не терпелось узнать, действительно ли молодая женщина лишилась своего рассудка. Он напомнил мне, что нагваль Элиас нанес сокрушительный удар по ее точке сборки. Он сказал, что она не теряла рассудка, но в результате удара то входила, то выскакивала из повышенного сознания, что создавало серьезную угрозу ее здоровью. Однако, после титанической борьбы нагваль Элиас помог ей стабилизировать ее точку сборки, и она надолго вошла в повышенное сознание.

Дон Хуан отметил, что женщины способны на такой мастерский прием: они могут подолгу сохранять новое положение своей точки сборки. А талия была бесподобна. Как только ее цепи были порваны, она немедленно поняла все и подчинилась замыслам нагваля.

Дон Хуан, подробно разъясняя свою версию, сказал, что нагваль Элиас, будучи не только превосходнейшим «сновидящим», но и выдающимся «сталкером», «видел», что молодой актер избалован и самодоволен, но только на вид кажется трудным и бесчувственным. Нагваль знал, что если он начнет развивать идею бога, греха и кармы, религиозные убеждения актера разрушат его циничное отношение.

После слов о божьей каре внешний фасад актера растворился. Он начал выражать угрызения совести, но нагваль его резко оборвал, сделав сильное ударение на том, что когда смерть находится так близко, чувство вины больше не имеет значения.

Молодой актер слушал внимательно, но хотя он и чувствовал сильную боль, он не верил, что ему грозит смерть. Он думал, что его слабость и обморочное состояние вызваны большой потерей крови.

Словно читая в уме молодого актера, нагваль объяснил ему, что эти оптимистические мысли неуместны, что его кровотечение, будучи смертельным, остановилось не само по себе, а по его, целителя, воле.

— Когда я ударил тебя по спине, я вколотил в тебя пробку, остановившую истечение твоей жизненной силы, — сказал нагваль молодому скептику, — без этого ограничения неизбежный процесс твоей смерти продолжался бы. И если ты не веришь мне, я докажу это тебе, убрав пробку другим ударом. Сказав это, нагваль Элиас хлопнул молодого актера по правой стороне его грудной клетки. В тот же миг молодой человек натужился и задохнулся. Из рта у него полилась кровь, которую он бесконтрольно отхаркивал. Следующий удар по его спине остановил агонизирующую боль и тошноту. Но он не остановил его страх, и юноша потерял сознание.

— В данное время я могу контролировать твою смерть, — сказал нагваль, когда молодой актер пришел в себя, — как долго я могу контролировать ее, зависит от тебя, от того, как точно и покорно ты примешь все, что я скажу тебе.

Нагваль сказал, что первым требованием для молодого человека была полная неподвижность и молчание. Если он не хочет, чтобы пробка выскочила, добавил нагваль, он должен вести себя так, словно потерял все свои силы движения и речи. Одного жеста или одного произнесенного слова будет достаточно, чтобы возобновить его смерть.

Молодой актер не привык подчиняться советам и приказам. Он почувствовал волну гнева. Но только он начал выражать свой протест, жгучая боль и конвульсии возникли опять.

— Оставь это, и я вылечу тебя, — сказал нагваль. — но, поступая как хилый, прогнивший идиот, каким ты, впрочем, и являешься, ты убьешь себя.

Актер — гордый молодой человек — оцепенел от оскорбления. Никто еще не называл его хилым, прогнившим идиотом. Он хотел выразить свою ярость, но его боль была такой острой, что он не мог отреагировать на унижение.

— Если ты хочешь, чтобы я облегчил твою боль, ты должен слепо подчиниться мне, — сказал нагваль пугающе холодным тоном. — кивни мне, если согласен. Но знай, что стоит тебе изменить теперь свое решение и проявить себя позорным кретином, каким ты, впрочем, и являешься, я тут же выбью пробку и оставлю тебя умирать.

Из последних сил актер кивком выразил свое согласие. Нагваль похлопал его по спине, и боль исчезла. Но вместе с оупляющей болью исчезло кое-что еще — туман в его уме. И тогда молодой актер познал все, без понимания чего-либо. Нагваль еще раз представился ему. Он сказал, что его имя — Элиас, и что он является нагвалем. Актер знал, что это значит.

Затем нагваль Элиас обратил свое внимание на талию, которая находилась в полусознании. Он наклонился к ее левому уху и шепотом приказал ей остановить переменчивые движения ее точки сборки. Он успокоил ее страх, рассказывая ей истории магов, которые прошли через те же испытания, что и она. Когда девушка почти успокоилась, он представился ей как нагваль Элиас, а затем предпринял с ней наиболее трудную попытку в магии — передвижение точки сборки за поле деятельности мира, который мы знаем.

Дон Хуан подчеркнул, что закаленные маги могут перемещаться за мир, известный нам, но это недостижимо для неискушенных людей. Нагваль Элиас всегда придерживался этого правила и даже не мечтал о таком подвиге, но на этот раз нечто иное, чем его знание или его воля, распоряжалось им. Тем не менее маневр удался. Талия вышла за мир, известный нам, и благополучно вернулась обратно.

Потом у нагваля Элиаса было другое проникновение. Он сел между двух людей, вытянувшихся на земле — голого актера покрывала лишь куртка нагваля Элиаса — и произвел пересмотр их ситуации. Он сказал им, что они оба силою обстоятельств попали в ловушку, расставленную самим духом. Он, нагваль, был активной частью этой ловушки, поскольку, встретив их при определенных условиях, он был вынужден стать их временным покровителем и привлечь свое знание магии для того, чтобы помочь им. Будучи их временным защитником, он обязан предупредить их, что они на подходе к уникальному порогу, и что они, индивидуально или вместе, могут достичь этого порога, войдя в настроение покидания, но не безрассудности, настроение ухода, но не индальгирования. Он не хотел говорить большего, боясь смутить их или повлиять на их решение. Он чувствовал, что, если они пересекут этот порог, это потребует от него минимальной помощи.

Затем нагваль оставил их наедине в этом укромном местечке и отправился в город, чтобы договориться о целебных травах, циновках и одеялах для них. Его идея заключалась в том, что в уединении каждый из них сможет достичь и переступить этот порог. Долгое время двое молодых людей лежали рядом друг с другом, погруженные в свои мысли. Факт, что их точки сборки были смещены, означал, что они могли думать гораздо глубже, чем обычно, но он также означал и то, что они волновались, размышляли и были напуганы в такой же глубочайшей степени.

Поскольку талия могла говорить и была намного сильнее, она нарушила молчание и спросила актера, боится ли он. Юноша утвердительно кивнул. Она почувствовала к нему огромную жалость, и, сняв свою шаль, накрыла его плечи, а потом взяла его за руку.

Молодой человек не осмелился сказать, что он чувствует. Страх, что его боль возобновится, если он заговорит, был слишком большим и слишком ярким. Он хотел извиниться перед ней, рассказать ей о своем единственном сожалении, что стал причиной ее болезни, не имеет значения, что он умирал

— Он с уверенностью знал еще до их встречи, что не переживет этого дня.

Талия размышляла на ту же тему. Она выразила свое сожаление о том, что била его и фактически довела до смерти. Теперь же она была очень мирной, и это чувство было незнакомо ей, так как раньше ею всегда управляла ее огромная сила. Она сказала ему, что ее смерть тоже очень близка, и что она будет рада всему, что принесет с собой этот день.

Молодой актер, услышав, что талия пересказывает его собственные мысли, почувствовал холодную дрожь. Поток энергии нахлынул на него и заставил сесть. Боли не было, не было и кашля. Он с жадностью и глубоко вдыхал воздух, хотя не помнил того момента, когда мог делать это раньше. Он сжал руку девушки, и они заговорили без слов.

Дон Хуан сказал, что в тот момент их посетил дух. И они «видели». Они были истинными католиками, и поэтому лицезрели видение небес, где все было живым и наполненным светом. Они «видели» мир чудесных зрелищ.

Когда нагваль вернулся, они были истощены, хотя это им и не вредило. Талия лежала без сознания, а молодому человеку величайшим усилием по самоконтролю удалось остаться в сознательном состоянии. Он пытался что-то шепнуть на ухо нагвалю.

— Мы видели небеса, — прошептал он. Слезы катились по его щекам.

— Ты видел больше, чем это, — возразил нагваль Элиас. — ты «видел» духа.

Дон Хуан сказал, что, поскольку нашествие духа всегда скрытно, естественно, что талия и молодой актер не могли удержать своих видений. Вскоре они забыли их, как это бывает с каждым. Уникальность их переживаний состояла в том, что без всякой подготовки и не осознавая этого, они совершили совместное сновидение и видели духа. И то, что они добились этого с подобной легкостью, было совершенно необычно.

— Они действительно были наиболее удивительными существами, которых мне когда-либо приходилось встречать, — добавил дон Хуан.

Вполне понятно, что мне захотелось узнать о них больше. Но дон Хуан не стал баловать меня. Он сказал, что это все, что он хотел мне рассказать относительно своего бенефактора и четвертого абстрактного ядра.

Казалось, что он вспомнил что-то, чего не сказал мне, и шумно засмеялся. Потом он похлопал меня по спине и сказал, что пришло время отправляться в пещеру.

Когда мы добрались до каменного уступа, почти стемнело. Дон Хуан поспешно сел в то же положение, что и в первый раз. Он был справа от меня, касаясь моего плеча. Дон Хуан тут же, по-видимому, вошел в глубокое состояние релаксации, которое втянуло меня в полнейшую неподвижность и безмолвие. Я даже не мог слышать его дыхания. Но стоило мне закрыть глаза, как он подтолкнул меня, предупредив, что я должен держать их открытыми.

К тому времени совершенно стемнело. Огромная усталость заставила мои глаза болеть и слезиться. В конце концов я отбросил свое сопротивление и впал в глубочайший и чернейший сон, который я когда-либо имел. И все же я не был во сне полностью и даже мог чувствовать густую черноту вокруг меня. Появилось почти физическое ощущение, что я с трудом пробираюсь сквозь черноту. Потом она внезапно стала красноватой, затем оранжевой, затем ослепительно белой, похожей на ужасно сильный неоновый свет. Постепенно я сфокусировал свое зрение, пока не увидел, что сижу в той же позе рядом с дон Хуаном — но уже не в пещере. Мы находились на горной вершине, глядя вниз на необычное плоскогорье вдалеке. Эта прекрасная прерия была промыта заревом, которое, подобно проблескам света, исходило из почвы. Куда бы я не смотрел, везде были знакомые черты: скалы, холмы, реки, леса, каньоны, увеличенные и трансформированные их внутренней вибрацией, их внутренним заревом. Это зарево, такое приятное для моих глаз, трепетало и во мне самом.

— Твоя точка сборки сдвинулась, — сказал, как мне показалось, дон Хуан.

Слова были беззвучны, и тем не менее я знал то, что он говорил мне. Моей собственной реакцией была попытка объяснить себе, что я, без сомнения, слышал его, и если он и говорит, как в вакууме, то это из-за того, что на мой слух временно повлияло происходящее.

— Твой слух в порядке. Мы в другой области сознания, — вновь, как мне показалось, произнес дон Хуан. Я не мог говорить. Я чувствовал летаргию глубокого сна, мешавшую мне произносить слова, однако я был алертен, как только мог.

— Что происходит? — подумалось мне.

— Пещера заставила твою точку сборки сдвинуться, — подумал дон Хуан, и я слышал его мысли так, словно они были моими собственными словами, прозвучавшими во мне.

Я ощутил приказ, который не был выражен в мыслях. Что—о вынуждало меня вновь взглянуть на прерию. Как только я посмотрел на удивительный ландшафт, нити света начали исходить из всего, что было в прерии. Сначала это походило на взрыв несметного числа коротких волокон, затем волокна стали длинными нитеобразными прядями светимости, связанными вместе в лучи дрожащего света, которые простирались в бесконечность. На самом деле нет способа передать смысл того, что я увидел, это невозможно описать за исключением нитей света. Нити не были смешаны, не были они и сплетены. Возникая и продолжая распространяться в любом направлении, каждая из них была отделена от других, и все же все они были немыслимо связаны друг с другом.

— Ты «видишь» эманации орла и силу, которая держит их врозь и связывает их вместе, — пришла мысль дон Хуана.

В тот миг, когда я понял его мысль, нити света, казалось, поглотили всю мою энергию. Утомление подавляло меня. Оно стерло мое видение и погрузило меня в темноту.

Когда я вновь осознал себя, вокруг меня было что-то такое знакомое — хотя я и не мог определить это что-то — что мне подумалось о моем возвращении в нормальное состояние сознания. Дон Хуан спал рядом, его плечо касалось меня.

Затем я понял, что темнота вокруг нас была необычайно сильной — я не мог видеть даже своих рук. Появилась спекулятивная мысль, что, должно быть, туман накрыл уступ и заполнил пещеру, или, может быть, это тонкое низкое облако спустилось дождливой ночью с высоких вершин подобно безмолвной лавине. И все же, несмотря на полнейшую темноту, я каким-то образом увидел, что дон Хуан открыл глаза тут же, как только я осознал себя, хотя он и не смотрел на меня. Внезапно я понял, что вижу его не как следствие воздействия света на мою сетчатку. Это было скорее телесное чувство.

Я так увлекся созерцанием дон Хуана без помощи моих глаз, что даже не обращал внимания на то, что он говорил мне. В конце концов он остановился и повернул ко мне свое лицо, как бы глядя мне в глаза.

Он кашлянул пару раз, прочищая горло, и заговорил очень тихим голосом. Он сказал, что его бенефактор приходил и использовал эту пещеру очень часто, он приходил сюда и с ним, и с другими своими учениками, но чаще всего в одиночестве. В этой пещере его бенефактор «видел» ту же прерию, что «видели» и мы, ее зрелище дало ему идею описания духа как потока вещей.

Дон Хуан повторил, что его бенефактор не был хорошим мыслителем. В противном случае он понял бы, что «увиденный» и описанный им поток вещей был «намерением», силой, которая пропитывает все. Дон Хуан добавил, что, если его бенефактор когда-либо и осознал природу своего «видения», то он никак не показывал этого. Поэтому он сам имеет идею, что его бенефактор никогда не знал ее. Наоборот, его бенефактор был уверен, что «видит» поток вещей — что является абсолютной истиной, но не в том смысле, который он вкладывал в это.

Дон Хуан так выразительно настаивал на этом, что мне захотелось спросить его — в чем разница? — но я промолчал. Мое горло, казалось, было замороженным. Несколько часов мы сидели в полном молчании и неподвижности. И тем не менее я не чувствовал никакого дискомфорта. Мои мышцы не уставали, ноги не затекали, и спина не болела.

Когда он вновь заговорил, я даже не заметил переходной стадии и охотно отдался слушанию его голоса. Это были мелодичные, ритмичные звуки, которые возникали из полной темноты, окружавшей нас.

Он сказал, что в этот самый миг я нахожусь ни в своем обычном состоянии сознания, ни в повышенном состоянии. Я был подвешен во временном затишье, в темноте невосприимчивости. Моя точка сборки вышла из хватки повседневного мира, но ее передвижение оказалось недостаточным для достижения и подсветки совершенно нового пучка энергетических полей. Строго говоря, я был пойман между двумя перцептуальными возможностями. Это промежуточное состояние, это временное затишье восприятия достигалось за счет влияния пещеры, которая была проводником «намерения магов», создавших ее.

Дон Хуан попросил меня с огромным вниманием отнестись к тому, что он скажет мне вслед за этим. Он сказал, что тысячелетия назад, посредством «видения», маги осознали, что земля чувствует, и что ее сознание может воздействовать на сознание людей. Они попытались найти способ использования влияния земли на человеческое сознание и обнаружили, что для этой цели очень подходят некоторые пещеры. Дон Хуан сказал, что поиски пещер отнимали почти все время у этих магов, и благодаря настойчивым усилиям они смогли найти многочисленные применения всевозможных конфигураций пещер. Он добавил, что из всей проделанной работы для нас важен только один результат — вот эта пещера и ее способность сдвигать точку сборки до тех пор, пока она не достигнет временного затишья восприятия.

Пока дон Хуан говорил, у меня появилось неуловимое ощущение, что что-то проясняется в моем уме. Что-то вкручивало мое сознание в длинный узкий желоб. Все лишние ощущения и мысли моего обычного сознания выдавливались прочь.

Дон Хуан насквозь видел, что творится со мной. Я услышал его мягкий удовлетворенный смех. Он сказал, что теперь мы можем говорить с большей легкостью, и наша беседа должна обрести большую глубину.

В этот момент мне вспомнилось множество вещей, которые он объяснял мне прежде. Например, я знал, что нахожусь в «сновидении». Фактически, я спал крепким сном, и в то же время полностью осознавал себя с помощью своего второго внимания — двойника моей обычной внимательности. Я был уверен, что сплю, об этом говорило мое телесное ощущение плюс рациональная дедукция, основанная на заявлениях дон Хуана, которые он делал в прошлом. Я «видел» эманации орла, а дон Хуан говорил, что маги не могут вынести зрелище эманаций орла, кроме как в «сновидении», значит, я находился в «сновидении».

Дон Хуан объяснил, что вселенная состоит из энергетических полей, которые не поддаются описанию или критическому разбору. Он сказал, что они похожи на нити обычного света, но свет безжизненный в сравнении с эманациями орла, которые выделяют сознание. Я никогда, вплоть до этой ночи, не мог «увидеть» их и убедить себя в том, что они действительно созданы из живого света. Дон Хуан в прошлом утверждал, что мое знание и контроль «намерения» недостаточны для того, чтобы выдержать воздействие этого зрелища. Он мне объяснил, что нормальное восприятие происходит тогда, когда «намерение», которое является чистой энергией, зажигает часть светящихся нитей внутри нашего кокона, и в то же самое время оживляет большие удлинения этих же светящихся нитей, стремящихся в бесконечность снаружи нашего кокона. Экстраординарное восприятие, «видение», происходит, когда, благодаря силе «намерения», возбуждается и зажигается другой пучок энергетических полей. Он сказал, что, когда внутри светящегося кокона зажигается критическое количество энергетических полей, маг может «видеть» и сами энергетические поля.

В другой раз дон Хуан рассказывал о рациональном мышлении ранних магов. Он говорил мне, что с помощью своего «видения» они обнаружили, что сознание имеет место лишь тогда, когда энергетические поля внутри нашего светящегося кокона «расставлены» в «ряд» с теми же энергетическими полями снаружи. И они верили, что открытая ими «расстановка» является источником сознания.

При тщательном пересмотре, однако, оказалось, что, назвав «расстановкой» эманации орла, они не могли полностью объяснить того, что видели. Они заметили, что возбуждалась только очень небольшая часть всего количества светящихся нитей внутри кокона, в то время как остальные оставались без изменения. «Видение» этих нескольких возбужденных нитей создавало ложное открытие. Нити не нужно «расставлять в ряд», чтобы зажечь их, поскольку те, что находятся внутри нашего кокона, те же самые, как и те, что снаружи. Что бы там ни возбуждало их — это определенно независимая сила. Они чувствовали, что не могут продолжать называть ее сознанием, как это делалось раньше, поскольку сознание представляет собой только зарево энергетических полей, которые были зажжены. И тогда сила, которая зажигала поля, была названа «волей».

Дон Хуан говорил, что, когда их «видение» стало более утонченным и эффективным, они поняли, что «воля» была силой, которая отделяет эманации орла друг от друга, и которая ответственна не только за наше сознание, но и за все во вселенной. Они «увидели», что эта сила имеет тотальную сознательность, и что она зарождается в тех полях энергии, которые создают вселенную. Поэтому они решили, что «намерение» — более подходящее название, чем «воля». Однако, от долгого использования название стало невыгодным, поскольку оно не описывало ни подавляющей важности этой силы, ни той живой связи, которую эта сила имела со всем, что есть во вселенной.

Дон Хуан утверждал, что нашим огромным коллективным недостатком является то, что мы проживаем наши жизни, полностью пренебрегая этой связью. Деловитость наших жизней, наши неумолимые увлечения, дела, надежды, беды и страхи занимают более высокое положение, и на этом повседневном базисе мы не сознаем того, что связаны с чем-то еще.

Дон Хуан выражал свою уверенность, что идея христиан об изгнании из райского сада звучала для него как аллегория потери нашего безмолвного знания, нашего знания «намерения». Поэтому маги идут назад, к началу, возвращаясь в рай.

Мы продолжали сидеть в пещере в полном молчании. Наверное, прошли часы, а может быть, несколько мгновений. Внезапно дон Хуан заговорил, и неожиданное звучание его голоса заставило меня вздрогнуть. Я не мог уловить, о чем он говорит. Прочистив горло, я попросил его повторить то, что он мне сказал, и это действие буквально выбило меня из моей задумчивости. Я тут же понял, что темнота вокруг меня больше не была непроглядной. Я теперь мог говорить, и чувствовал, что вернулся в свое обычное состояние сознания.

Тихим и спокойным голосом дон Хуан сказал мне, что я в первый раз в моей жизни «увидел» духа — силу, которая поддерживает вселенную. Он подчеркнул, что «намерение» не является чем-то, что можно использовать, располагать или передвигать в любую сторону — и тем не менее его можно использовать, располагать им или переставлять по желанию. Это противоречие, говорил он, является сущностью магии. Невозможность понимания этого приносила поколениям магов невообразимую боль и печаль. Нагвали наших дней, пытаюсь избежать оплаты болью этой непомерной цены, развили кодекс поведения, названный путем воина или безупречным действием. Он подготавливает магов, увеличивая их трезвость и внимательность.

Дон Хуан объяснил, что одно время в далеком прошлом маги были глубоко заинтересованы в общем связующем звене, которое «намерение» имеет со всем остальным. И, фокусируя свое второе внимание на этом звене, они приобретали не только прямое знание, но также и способность манипулировать этим знанием и выполнять изумительные дела. Однако, они не приобрели здравость ума, которая необходима для управления всеми этими силами.

Поэтому благоразумно настроенные маги решили фокусировать свое второе внимание только на связующем звене существ, которые имели сознание. Сюда входил весь диапазон существующих органических существ, а также весь диапазон тех, кого маги называли неорганическими существами или олли (союзниками), которых они описывали как организмы, наделенные сознанием, но не живущие так, как мы понимаем жизнь. Это решение не было удачнее других, поскольку оно тоже, в свою очередь, не добавляло им мудрости.

В своем следующем уточнении маги сфокусировали свое внимание исключительно на звене, связующем людей с «намерением». Конечный результат оказался таким же, что и раньше.

Поэтому маги произвели окончательное уточнение. Каждый маг должен был иметь дело только со своей индивидуальной связью. Но и это было в равной степени неэффективно.

Дон Хуан сказал, что хотя и есть значительные различия среди этих четырех сфер интересов, каждая из них так же искажена, как и другие. Поэтому в конце концов маги занялись сами собой, исключительно способностью звена, связующего их с «намерением», которая позволяла им зажигать огонь изнутри.

Он утверждал, что все современные маги свирепо добиваются достижения здравости ума. Нагваль делает особенно мощные усилия, поскольку он обладает большей силой, огромным господством над энергетическими полями, которые определяют восприятие, и большей подготовленностью, можно сказать освоенностью, относительно сложностей безмолвного знания, которое является ничем иным, как прямым контактом с «намерением».

При подобном пересмотре магия становится попыткой восстановить наше знание «намерения», усилием вернуть его использование, не поддаваясь ему. Абстрактные же ядра магических историй являются оттенками реализаций, ступенями нашего осознания «намерения».

Я понимал объяснение дон Хуана с изумительной ясностью. Но чем больше я понимал, и чем яснее становились его утверждения, тем громднее поднималось чувство потери и подавленности. Один момент я искренне желал, чтобы моя жизнь закончилась прямо здесь. Я чувствовал себя осужденным. Почти со слезами я сказал дон Хуану, что не вижу смысла в продолжении его объяснений, так как я знаю, что вскоре потеряю свою ясность ума, и, возвратившись в свое обычное состояние сознания, я не смогу вспомнить ничего из того, что я «видел» или слышал. Моя мирская внимательность навязет свою приобретенную привычку повторения и разумную предсказуемость своей логики. Вот почему я чувствовал себя осужденным. Я сказал ему, что негодую на свою судьбу.

Дон Хуан ответил, что даже в повышенном сознании я преуспеваю в повторении, и что периодически я стараюсь надоесть ему, описывая свои приступы бессмысленных чувств. Он сказал, что если я не выдержу, сражаясь с этим, мне не надо извиняться перед самим собой и чувствовать сожаление, не имеет значения то, какова наша определенная судьба, пока мы встречаем ее с крайней несдержанностью.

Его слова вызывали во мне чувство блаженного счастья. Я повторял их снова и снова, слезы катились по моим щекам, так я был согласен с ним. Во мне бурлила такая глубокая радость, что я даже боялся, как бы нервы не выскочили из моих рук. Я призвал все свои силы, чтобы приостановить ее, и вдруг ощутил отрезвляющий эффект моих ментальных тормозов. Но это было так радостно, что моя ясность ума начала рассеиваться. Я молча сражался, пытаюсь стать менее трезвым и менее нервным. Дон Хуан не издал ни звука, оставив меня наедине с самим собой. Когда я восстановил свое равновесие, почти рассвело. Дон Хуан встал, вытянул руки над головой и напряг свои мышцы, его суставы затрещали. Он помог мне встать и прокомментировал то, на что я потратил большую часть ночи: я испытал

то, чем был дух, и смог вызвать скрытую силу для выполнения того, что на поверхности казалось успокоением моей нервозности, а на глубочайшем уровне являлось очень удачным волевым движением моей точки сборки.

Затем он дал знак, что пришла пора начать наш обратный путь.

КУВЫРКАНИЕ МЫШЛЕНИЯ

Мы пришли в его дом около семи утра, к завтраку. Я умирал от голода, но усталым себя не чувствовал. Мы покинули пещеру и начали спускаться в долину на рассвете. Дон Хуан, вместо того, чтобы избрать более прямой маршрут, сделал большой крюк, чтобы пройти вдоль реки. Он объяснил, что нам надо собраться с нашими мыслями, прежде чем мы пойдем домой.

Я спросил, о каких «наших мыслях» он говорит, когда я здесь единственный, у кого мысли были в беспорядке. Но он ответил, что действует не по велению доброты, а по велению тренировки воина. Воин, сказал он, постоянно находится настороже относительно грубости человеческого поведения. Воин магичен и безжалостен, это скиталец с отточенным вкусом и манерами, чьи дела точны, но замаскированы, он обрезает концы так, что никто не может заметить его безжалостность.

После завтрака я подумал, что разумнее всего пойти поспать, но дон Хуан заявил, что мне нельзя тратить время попусту. Он сказал, что я слишком тороплюсь потерять ту небольшую ясность, которую еще имею, и что если я отправлюсь спать, я потеряю ее наверняка.

— Не нужно быть гением, чтобы подсчитать, что вряд ли можно говорить о «намерении», — сказал он быстро, тщательно изучая меня от головы до ног. — но и это заявление ничего не значит. Вот почему маги вместо этого полагаются на магические истории. Они надеются, что однажды абстрактные ядра историй откроют слушающим свой смысл.

Я понимал, о чем он говорил, но не мог представить себе, чем же является абстрактное ядро, и как оно подходит ко мне лично. Я попытался подумать над этим, но мысли затопили меня. Образы молнией пронеслись в моем уме, не давая времени подумать о них. Не в силах замедлить их поток, я даже не узнавал их. Наконец, злость пересилила меня, и я грохнул об стол кулаком.

Дон Хуан встряхнулся с головы до ног, задохнувшись от смеха.

— Делай то, что ты делал прошлой ночью, — подмигнув, посоветовал он мне. — удержи себя.

Мое недовольство сделало меня агрессивным. Я немедленно пустился в какие-то бессмысленные доказательства, потом я осознал свое заблуждение и извинился за потерю сдержанности.

— Не извиняйся, — сказал он. — я должен рассказать тебе то, что ты, возможно, поймешь только со временем. Абстрактные ядра магических историй сейчас ничего не значат для тебя. Позже — я думаю, через годы — они раскроют тебе свой точный смысл.

Я попросил дон Хуана не оставлять меня в потемках и обсудить абстрактные ядра. Я совершенно не понимал, что мне следует делать с ними. Я уверял его, что, находясь в данный момент в состоянии повышенного сознания, я с легкостью пойму его объяснения, и просил поспешить его с этим делом, так как не было гарантии, что состояние продлится долго. Я говорил ему, что скоро вернусь в свое обычное состояние и стану еще большим идиотом, чем сейчас. Я сказал это полушутя. Его смех убедил меня, что он принял все именно так, но мои собственные слова глубоко повлияли на меня. Огромное чувство меланхолии застало меня врасплох.

Дон Хуан мягко взял мою руку, подвел меня к удобному креслу и сел напротив. Он пристально посмотрел мне в глаза, и я некоторое время не мог разорвать силу его взгляда.

— Маги постоянно «выслеживают» себя, — сказал он ободряющим голосом, словно пытаюсь успокоить меня звучанием своих слов.

Я хотел сказать, что моя нервозность прошла, и что она, вероятно, была вызвана бессонницей, но он не дал мне сказать ни слова.

Дон Хуан сказал, что уже обучал меня всему, что можно сказать о «выслеживании», но я все еще не могу вывести свое знание из глубин повышенного сознания, где оно хранилось. Я рассказал ему о своем досадном ощущении закупоренности. Я чувствовал, что что-то скрыто внутри меня, и это что-то заставляло меня хлопать дверьми и стучать по столу, оно расстраивало меня и делало вспыльчивым.

— Такое ощущение закупоренности переживает каждый человек, — сказал он. — это напоминание о нашей существующей связи с «намерением». У магов это ощущение еще более острое, поскольку их целью является увеличение чувствительности их связующего звена до тех пор, пока они не смогут использовать его функционирование по своей воле.

— Когда давление их связующего звена слишком велико, маги облегчают его «выслеживанием» самих себя.

— Мне кажется, я не понимаю значение того, что ты подразумеваешь под «выслеживанием», — сказал я. — но на каком-о уровне, мне думается, я точно знаю, что ты хочешь сказать.

— Я попробую помочь тебе прояснить то, что ты знаешь, — сказал он. — «выслеживание» — это процедура, очень простая сама по себе. «Выслеживанием» называется особое поведение, которое следует определенным принципам. Это скрытое, тайное, обманчивое поведение задумано для создания встряски. И когда ты «выслеживаешь» себя, ты даешь себе встряску, используя свое собственное поведение безжалостным и хитрым образом.

Он объявил, что когда сознание мага застревает под тяжестью его перцептуально-вводимой информации — именно это и происходило со мной — самым лучшим и, возможно, единственным средством является использование идеи смерти, которая создает эту встряску «выслеживания».

— Следовательно, идея смерти монументально важна в жизни мага, — продолжал дон Хуан. — я показал тебе массу вещей о смерти, пытаюсь убедить тебя, что наше знание нашего предстоящего и неизбежного конца дает нам трезвость. Наиболее дорогостоящей ошибкой обычного человека является индальгирование на чувстве бессмертия. Мы как бы верим, что, не думая о смерти, мы тем самым защищаем себя от нее.

— Ты должен согласиться, дон Хуан, что, не думая о смерти, мы тем самым защищаем себя от волнений по поводу нее.

— Да, это служит той же цели, — признался он. — но эта цель недостойна обычных людей, а для магов вообще является пародией. Без ясного взгляда на смерть не будет ни порядка, ни трезвости, ни красоты. Маги борются для достижения этого критического понимания для того, чтобы на самом глубочайшем уровне они могли признать, что у них нет уверенности, что их жизнь продлится хоть на миг дольше. Это признание дает магам мужество быть терпеливыми, и, тем не менее, совершать поступки, мужество быть покорными, не превращаясь в глупцов.

Дон Хуан смерил меня взглядом. Он улыбнулся и покачал головой.

— Да, — продолжал он, — идея смерти — это единственная вещь, которая дает магам мужество. Странно, не правда ли? Она дает магам мужество быть хитрыми, не становясь самодовольными, и прежде всего, она дает им мужество быть безжалостными без потакания собственной важности.

Он снова улыбнулся и подтолкнул меня. Я сказал ему, что меня бесконечно пугает идея моей смерти и то, что я должен думать о ней постоянно, причем она совершенно не давала мне мужества и не вдохновляла меня на совершение поступков. Единственно, она делала меня циничным или заставляла впадать в состояние глубокой меланхолии.

— Твоя проблема очень проста, — сказал он. — ты легко становишься одержимым. Я уже говорил тебе, что маги «выслеживают» самих себя, чтобы разрушить силу своих навязчивых идей. Есть много способов «выслеживать» себя. Если ты не хочешь использовать идею своей смерти, используй для «выслеживания» себя стихи, которые ты читаешь мне.

— Прости, не расслышал?

— Я говорил тебе уже, что есть много причин, по которым я люблю стихи, — сказал он. — с помощью их я «выслеживаю» себя. С помощью них я даю себе встряску.

Он объяснил, что поэты подсознательно тоскуют по миру магов. Но поскольку они не являются магами на пути знания, их тоска — единственное, что они имеют.

— Давай посмотрим, сможешь ли ты ощутить то, о чем я говорю, — сказал он, передав мне сборник стихов Жозе Геростиса.

Я открыл его на закладке, и он указал мне стихотворение, которое ему понравилось....

Это непрерывное, упорное умирание,
Это проживание смерти,
Которое убивает тебя, о боже,
В твоих строгих ваяниях,
В розах, в камнях,
В неукротимых звездах,
И во плоти, которая сгорит,
Как костер, зажженный песней,
Как сон, как оттенок,
Который бросился в глаза,
И ты, сам по себе,
Возможно, умер навсегда,
Не поставив нас в известность об этом,
Мы отбросы, крошки, пепел тебя,
Ты, который все еще существуешь
Как звезда, обманувшая нас своим светом,

Пустым светом без звезды,
Который идет к нам,
Предлагая свою бесконечную катастрофу.

— Пока я слушал слова, — сказал дон Хуан, когда я кончил читать. — Я чувствовал, что этот человек «видел» суть вещей, и я благодаря ему тоже мог «видеть». Меня не волнует, о чем это стихотворение. Меня волнует только чувство, которое страстное желание поэта донесло до меня. Я заимствовал его страстное желание и, благодаря ему, заимствовал красоту. И чудесно то, что он, как истинный воин, потратил ее на получателей и зрителей, сохранив для себя только свое страстное желание. Эта встряска, это потрясение красотой является «выслеживанием».

Я был очень тронут. Объяснение дон Хуана задело во мне необычную струну.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что смерть — единственный реальный враг, которого мы имеем? — спросил я его минутой позже.

— Нет, — убежденно возразил он. — смерть — не враг, хотя она им и кажется. Смерть не является нашим разрушителем, хотя мы и думаем о ней таким образом.

— Что же она собой представляет тогда? — спросил я.

— Маги говорят, что смерть — единственный достойный оппонент, которого мы имеем, — ответил он. — смерть — это то, что посылает нам вызов. Мы рождены, чтобы принять этот вызов — и обычный человек, и маг. Но маги знают об этом, а обычный человек — нет.

— Лично я скажу, дон Хуан, что жизнь, а не смерть, является вызовом.

— Жизнь — это процесс, с помощью которого смерть бросает нам вызов, — сказал он. — смерть — активная сила. Жизнь

— Это арена. И на этой арене есть только два соперника — ты и смерть.

— А я думаю, дон Хуан, что именно мы, люди, бросаем вызов, — сказал я.

— Вовсе нет, — возразил он. — мы пассивны. Подумай об этом. Если мы и начинаем шевелиться, то только тогда, когда чувствуем давление смерти. Смерть задает темп нашим действиям и чувствам и неумолимо толкает нас до тех пор, пока не ломает нас и не выигрывает схватку, или наоборот — мы поднимаемся выше всех возможностей и побеждаем смерть.

— Маги побеждают смерть, и смерть признает свое поражение, позволяя магам следовать свободно, и никогда она уже не бросит вновь свой вызов.

— И значит, эти маги становятся бессмертными?

— Нет. Не это имеется в виду, — ответил он. — смерть перестает бросать им вызов, и это все.

— Но что это означает, дон Хуан? — спросил я.

— Это значит, что мышление делает кувырок в невообразимое, — ответил он.

— А что является кувырком мышления в невообразимое? — спросил я, пытаюсь не показаться воинственным. — наша с тобой проблема в том, что мы не разделяем одних и тех же значений слов.

— Ты говоришь неправду, — перебил меня дон Хуан. — ты понимаешь то, что я имею в виду. Ты разыгрываешь пародию, требуя рационального объяснения «кувыркания мышления». Ты точно знаешь, чем оно является.

— Нет, не знаю, — возразил я.

А потом я понял, что действительно знаю или, скорее, интуитивно догадываюсь о том, что имеется в виду. Была какая-то часть меня, которая превосходила пределы моей рациональности и могла понять, и могла объяснить выше уровня метафор кувырkanie мышления в невообразимое. Но беда состояла в том, что эта часть меня была недостаточно сильной, чтобы выходить на поверхность по желанию.

Все это я и сказал дон Хуану. Он захохотал и заметил, что мое сознание подобно чертику на резинке. Иногда оно поднимается очень высоко, и мое управление им оказывается пронизательным, в другой же раз оно спускается, и я становлюсь рациональным идиотом. Но большую часть времени оно снует по недостойной медиане, где я ни рыба, ни мясо.

— Кувырkanie мышления в невообразимое, — объяснил он со смиренным вздохом. — является нашествием духа, разрушением наших перцептуальных барьеров. Это момент, когда восприятие человека достигает своих пределов. Маги, практикуя искусство следопыта, подвинутого курьера, зондируют наши перцептуальные пределы. Это еще один аспект того, почему мне нравятся стихи. Я воспринимаю их как продвижения курьеров. Но как я уже тебе говорил, поэты, в отличие от магов, не знают, что эти продвижения могут быть достигнуты.

Ранним вечером дон Хуан сказал, что мы обсудили уже массу вещей, и спросил, хочу ли я пойти погулять. У меня было своеобразное состояние ума. Я и раньше замечал в себе странную отрешенность, которая приходила и уходила. Сперва мне подумалось, что это физическая усталость омрачает мои мысли. Но мысли были кристально чисты. Это убедило

меня, что моя странная беспристрастность являлась продуктом моего перехода в повышенное сознание.

Мы вышли из дома и прогуливались вокруг городской площади. Я постарался побыстрее расспросить дон Хуана о своей отрешенности, пока он не начал говорить о чем-то еще. Он объяснил ее как перемещение энергии. Он сказал, что когда энергия, используемая обычно для поддержания фиксированного положения точки сборки, освобождается, она автоматически фокусируется на связующем звене. Он заверил меня, что у мага нет ни техники, ни способов научиться заранее тому, как перемещать энергию с одного места на другое. Скорее это мгновенное перемещение имеет место, когда достигается определенный уровень сноровки.

Я спросил его, чем же был уровень сноровки. «Чистым пониманием» — ответил он. Чтобы добиться этого мгновенного перемещения энергии, необходима четкая связь с «намерением», а четкая связь достигается только намеренно и благодаря чистому пониманию.

Естественно, я попросил его объяснить чистое понимание. Он засмеялся и сел на скамейку.

— Я расскажу тебе нечто фундаментальное о магах и их актах мышления, — продолжал он. — кое-какие вещи о кувыркании их мышления в невообразимое.

Он сказал, что некоторые маги были рассказчиками и сказочниками. Рассказывание историй для них было не только продвижением курьера, которое зондировало их перцептуальные границы, но и путем к совершенству, силе и духу. Он на секунду замолчал, очевидно, подыскивая подходящий пример. Потом он напомнил мне, что индейцы яки имеют набор исторических событий, которые они называют «памятными датами». Я знал, что памятные даты были устным пересказом их истории, как нации, в то время, когда они вели войну против захватчиков их отечества: сначала испанцев, затем мексиканцев. Дон Хуан, сам будучи яки, решительно заявил, что памятные даты были пересказом поражений и раскола его народа.

— А что ты, образованный человек, скажешь о том маге, который, основываясь на памятных датах, создаст рассказ — к примеру, сказки об истории Калисто Муни — но изменит окончание так, что вместо описания того, как Калисто Муни был разорван и четвертован испанскими палачами, что и было на самом деле, получится история победоносного бунтаря Калисто Муни, которому удалось освободить свой народ? — спросил он меня.

Я знал историю Калисто Муни. Это был индеец яки, который, согласно памятным датам, много лет плавал на пиратском судне в карибском море, обучаясь стратегии войны. Потом он вернулся в родную Сонору. Ему удалось организовать восстание против испанцев и провозгласить войну за независимость, но затем он был предан, схвачен и казнен.

Дон Хуан уговорил меня прокомментировать этот вопрос. Я рассказал ему о своем предположении, что изменение фактического изложения событий в той манере, о которой говорил он, будет психологическим приемом, типом желанных мечтаний мага в роли рассказчика. Или, возможно, это будет персональным, стилевым способом облегчения своего неудовлетворения. Я добавил, что даже могу назвать такого мага-рассказчика патриотом, поскольку он не может смириться с горьким поражением.

Дон Хуан смеялся до тех пор, пока не поперхнулся.

— Но вопрос упирается не только в одного мага-рассказчика, — возразил он. — они все поступают так.

— Тогда это социально санкционированный прием, выражающий желание всего общества, — ответил я. — социально признанный способ коллективного освобождения от психологического стресса.

— Твои аргументы сладкоречивы, убедительны и разумны, — отозвался он. — но поскольку твой дух мертв, ты не можешь видеть изъян твоих доводов.

Он взглянул на меня, как бы уговаривая понять то, что он сказал. У меня не было слов. Все, что я мог сказать, звучало бы несвязно и раздраженно.

— Маг-рассказчик, изменяя окончание «фактического изложения событий», — сказал он. — делает это по указанию и под покровительством духа. А так как он может манипулировать своей неуязвимой связью с «намерением», он может действительно изменить событие. Маг-рассказчик дает сигнал, что он намеренно делает это, снимая шляпу, кладя ее на землю и поворачивая ее на все триста шестьдесят градусов против часовой стрелки. Под покровительством духа это простое действие погружает его непосредственно вглубь духа. И он позволяет своему мышлению совершить прыжок в невообразимое.

Дон Хуан поднял руку выше головы и на миг вытянул ее к небу над горизонтом.

— Благодаря чистому пониманию того, что продвижения курьера зондируют вот эту безмерность, — сказал дон Хуан. — маг-рассказчик знает без тени сомнения, что где-то, как-

то в этой безграничности, именно в этот самый миг дух совершает свое нашествие. Калисто Муни — победитель. Он освободил свой народ. Его цель превзошла его личность.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ТОЧКИ СБОРКИ

Через пару дней дон Хуан и я отправились в горы. На полпути к вершине мы присели отдохнуть. Днем раньше дон Хуан решил отыскать подходящее место, где можно будет объяснить мне некоторые сложные аспекты мастерства сознания. Обычно ему нравилось идти к ближайшей западной горной цепи. Но на этот раз он избрал восточные вершины. Они были гораздо выше и дальше. Мне они казались более зловещими и мрачными, в них была какая-то массивность. Но я не могу сказать, было ли это впечатление моим собственным, или я каким-то образом впитывал чувства дон Хуана.

Я раскрыл свой рюкзак. Женщины-видящие из партии дон Хуана собрали его для меня, и теперь я обнаружил, что они вложили в него какой-то сыр. Я пережил момент раздражения, Потому что, хотя мне и нравился сыр, он был вреден для меня. И все же я не мог заставить себя отказаться от него, когда он был рядом.

Дон Хуан указывал на это, как на настоящую слабость, и постоянно высмеивал меня. Сначала это меня смущало, но затем я обнаружил, что когда со мной рядом сыра не было, я не томился по нему. Проблема же состояла в том, что практичные шутники из партии дон Хуана постоянно подкладывали мне большие куски сыра, которые, конечно же, я в конце концов всегда поедал.

— Покончи с ним одним махом, — посоветовал мне дон Хуан с озорной искоркой в глазах. — и ты никогда больше не будешь беспокоиться о нем.

Может быть, под влиянием этого предложения у меня появилось сильное желание сожрать весь кусок. Дон Хуан смеялся так, что я начал сомневаться, а не задумал ли он вместе со своей партией опять перевоспитывать меня.

Уже более серьезным тоном он предложил провести эту ночь в предгории, а через день или два добраться до высоких вершин. Я согласился.

Дон Хуан небрежно спросил меня, вспомнил ли я что-нибудь о четырех настроениях «намерения». Я признался, что пытался, но воспоминания не приходили ко мне.

— И ты не вспомнил, как я обучал тебя природе безжалостности? — спросил он. — безжалостность, противоположность самосожалению?

Я не помнил ничего. Дон Хуан, по-видимому, обдумывал, что говорить дальше. Уголки его губ опустились в жесте притворного бессилия. Он пожал плечами, встал и быстро зашагал к небольшому плоскому пятну на вершине ближайшего холма.

— Все маги безжалостны, — сказал он, когда мы сели на ровном месте. — ну да ты знаешь это. Мы долго говорили об этом понятии.

После продолжительного молчания он сказал, что мы продолжим обсуждение абстрактных ядер магических историй, и что он собирается говорить о них все меньше и меньше, так как все идет к тому, что время раскроет мне их и позволит им обнажить свой смысл.

— Как я тебе уже говорил, — сказал он. — четвертое абстрактное ядро магических историй называется нашествием духа или движением по воле «намерения». История гласит, что для того, чтобы позволить тайнам магии открыться человеку, о котором мы говорили, дух обязательно должен был наброситься на этого человека. Дух выбрал момент, когда человек был отвлечен и незащищен, и без всякой жалости позволил одним своим присутствием передвинуться точке сборки человека в особую позицию. Это положение известно магам с тех пор, как место отсутствия жалости. Вот так безжалостность стала первым принципом магии.

— Первый принцип не надо путать с первым следствием обучения магии, которое заключается в перемещении между обычным и повышенным сознанием.

— Я не понимаю того, о чем ты пытаешься мне рассказать, — пожаловался я.

— Я хотел рассказать тебе о том, что по всей видимости перемещение точки сборки является первой вещью, которая случается с учеником-магом, — ответил он. — поэтому для ученика естественно предполагать, что это выражает собой первый принцип магии. Но это не так. Безжалостность — вот первый принцип магии. И мы уже обсуждали с тобой это. Теперь я только пытаюсь помочь тебе вспомнить.

Я честно признался, что не имею понятия, о чем он говорит, но у меня было странное ощущение, что это не так.

— Постарайся вспомнить то, как я в первый раз обучал тебя безжалостности, — подгонял он. — сборка воспоминаний имеет дело с перемещением точки сборки.

Он остановился на секунду, наблюдая, смогу ли я последовать его предложению. Когда же стало ясно, что я не смогу выполнить это, он продолжил свое объяснение. Он сказал, что каким бы таинственным ни было перемещение в повышенное сознание, для достижения его необходимо только присутствие духа.

Я заметил, что в этот день либо его указания и изложение были неясными, либо я был набитым дураком. Я вообще не улавливал линии его размышления. Он жестко ответил, что мое замешательство значения не имеет, и настаивал, что единственно возможной вещью будет мое понимание того, что только контакт с духом может вызвать любое передвижение точки сборки.

— Я уже говорил тебе, что нагваль является проводником духа, — продолжал он. — и поскольку он тратит всю свою жизнь, безупречно определяя заново звено, связующее его с «намерением», поскольку он обладает большей энергией, чем обычный человек, он может позволить духу выражаться через него. Поэтому первой вещью, которую переживает обучающийся магии, является перемещение на его другой уровень сознания, перемещение, вызываемое одним присутствием нагваля. И мне хотелось бы, чтобы ты знал, что на самом деле нет процедуры, с помощью которой можно было бы передвигать точку сборки. Дух касается ученика, и его точка сборки смещается. Как видишь, все очень просто.

Я сказал ему, что его утверждения беспокоят меня, поскольку они противоречат тому, что я с болью научился воспринимать через личное переживание: что повышенное сознание было реальным, хотя и необъяснимым маневром, выполняемым дон Хуаном, с помощью которого он манипулировал моим восприятием. В течение многих лет нашего общения он время от времени заставлял меня входить в повышенное сознание, хлопая меня по спине. Я указал на это противоречие.

Он ответил, что хлопки по моей спине были скорее приемом ловли моего внимания и устранения сомнений в моем уме, чем действительным маневром манипуляции моим восприятием. Он заметил, и довольно серьезно, что мне повезло в том, что он простой человек без странного поведения. Иначе вместо простых приемов я должен был бы переносить эксцентричные ритуалы перед тем, как он освободил бы мой ум от сомнений, тем самым позволяя духу передвинуть мою точку сборки.

— Чтобы магическое настигло нас, мы должны изгнать из наших умов все сомнения, — сказал он. — когда сомнений нет

— Возможно все.

Он напомнил мне событие, очевидцем которого мне довелось быть несколько месяцев тому назад в городе мексико, и которое я находил непонятным до тех пор, пока он не объяснил мне его, используя парадигму мага.

Я оказался свидетелем хирургической операции, которую выполняла известная целительница. Пациентом был мой приятель. Целительница, оперируя его, вошла во внушительное состояние транса.

Мне удалось заметить, что, используя кухонный нож, она вспорола ему брюшную полость, обнажив пупочную область, отделила его большую печень, промыла ее в ковше со спиртным, вложила назад и закрыла бескровное отверстие простым нажатием своих рук.

В полутемной комнате было полно людей, и все они были свидетелями операции. Некоторые из них, как и я, с интересом наблюдали. Другие, по-видимому, были помощниками целительницы.

После операции я вкратце переговорил с тремя наблюдателями. Все они были согласны, что видели такие же события, что и я. Когда я обратился к своему приятелю-пациенту, он рассказал мне, что чувствовал операцию как тупую, постоянную боль в животе и палящее ощущение в правом боку.

Обо всем этом я рассказал дон Хуану и даже отважился выдвинуть циничное объяснение. Я сказал ему, что полумрак комнаты, по моему мнению, идеально подходил для всех проявлений ловкости рук, которой и объяснялось зрелище внутренних органов, вынутых из брюшной полости, и промывание их в спиртной жидкости. Эмоциональный шок, вызванный внушительным трансом целительницы, который я воспринимал как надувательство — помог создать атмосферу почти религиозной веры.

Дон Хуан тут же заметил, что это циничное мнение, а не циничное объяснение, так как оно не объясняет того факта, что мой приятель действительно выздоровел. Потом дон Хуан предложил другую точку зрения, основанную на знании мага. Он объяснил, что событие опирается на тот замечательный факт, что целительница могла передвигать точки сборки определенного числа людей в ее публике. Единственным надувательством — если это можно называть надувательством — было то, что число людей, находящихся в комнате, не должно было превышать числа, с которым она могла справиться.

Но впечатляющий транс и сопутствующая театральность, по его мнению, были или хорошо продуманными приемами, которыми целительница пользовалась для ловли внимания присутствующих, или бессознательными маневрами, подсказанными самим духом. Чем бы они ни были, это были наиболее уместные средства, с помощью которых целительница могла способствовать развитию единства мышления, необходимого для устранения сомнений из умов присутствующих людей и введения их в состояние повышенного сознания.

Когда она разрезала тело кухонным ножом и вынимала внутренние органы, это не было ловкостью рук, подчеркнул дон Хуан. Это были настоящие события, которые, протекая в повышенном сознании, находились за пределами повседневного здравого смысла.

Я спросил дон Хуана, как целительнице удавалось перемещать точки сборки тех людей, не дотрагиваясь до них. Он ответил, что сила целительницы, дар или колоссальное достижение, служили как проводник духа. Точки сборки передвигал дух, а не целительница, сказал он.

— Я объяснил тебе тогда, хотя ты не понял ни слова, — продолжал дон Хуан. — что искусство целительницы и сила очищали умы присутствующих от сомнений. Совершая это, она могла позволить духу перемещать их точки сборки. Когда же точки перемещались, становилось возможным все. Они входили в область, где чудеса банальны.

Он категорически утверждал, что целительница определенно была магом, и что если я попытаюсь вспомнить операцию, я найду, что она была безжалостна с людьми вокруг нее, и особенно с пациентом. Я повторил ему, что с легкостью могу вспомнить весь ход операции. Я помню, как высота и тон ровного, женственного голоса целительницы внезапно изменились, когда она вошла в транс, и слышался дребезжащий, низкий мужской бас. Этот голос сообщил, что дух воина доколумбийской эпохи овладел телом целительницы. После сообщения осанка целительницы резко изменилась. Она стала одержимой. Она, по-видимому, абсолютно не сомневалась в себе и провела операцию с полной уверенностью и непоколебимостью.

— Словам «уверенность» и «непоколебимость» я предпочитаю слово «безжалостность», — заявил дон Хуан, а затем продолжил. — эта целительница была безжалостной, создавая надлежащую обстановку для вмешательства духа.

Он утверждал, что события, такие, как эта операция, трудно объяснить, хотя на самом деле они очень просты. Они трудны, когда мы по собственному настоянию размышляем о них. Если же о них не думать, все встанет на свои места.

— Но это действительно абсурдно, дон Хуан, — сказал я.

Я напомнил ему, что он требовал серьезности размышления от всех своих учеников, и даже критиковал своего учителя за то, что тот не был хорошим мыслителем.

— Конечно, я настаиваю, чтобы каждый, кто находится рядом со мной, размышлял ясно и понятно, — ответил он. — и я объясняю каждому, кто захочет меня выслушать, что единственный способ думать ясно и понятно заключается в том, чтобы не думать вообще. Я очень прошу тебя понять это отрицание магов.

Я громко запротестовал против запутанности его утверждения. Он засмеялся и начал высмеивать мою необходимость защищать себя. А потом еще раз объяснил, что для мага существует два типа размышления. Первый был обычным повседневным размышлением, которое управлялось нормальным местоположением точки сборки. Это беспорядочное размышление не отвечает действительным нуждам человека и оставляет огромную неясность в его голове. Другой тип является точным размышлением. Оно функционально, экономично и оставляет необъясненными очень мало вещей. Дон Хуан заметил, что этот тип размышления преобладает тогда, когда точка сборки передвинута. Или по крайней мере, повседневный тип мышления, прекращаясь, позволяет перемещаться точке сборки. Поэтому видимое отрицание вообще не является отрицанием.

— Мне бы хотелось, чтобы ты вспомнил что-нибудь из того, чем ты занимался в прошлом, — сказал он. — я хотел, чтобы ты вспомнил особое передвижение точки сборки. Сделав это, ты перестанешь думать тем способом, которым думаешь обычно. И тогда другой тип мышления, который я называю ясным мышлением, придет ему на смену и заставит тебя вспоминать.

— А как мне остановить мышление? — спросил я, хотя и знал то, что он мне скажет в ответ.

— «Намеренным» движением твоей точки сборки, — сказал он. — «намерение» приманивается глазами. Я сказал дон Хуану, что мой ум мечется между моментом потрясающей ясности, когда все вокруг меня кристально ясно, и провалом в глубокую ментальную усталость, где я не могу понять ничего из того, что он говорит мне. Он попытался приободрить меня, объяснив, что моя нестабильность была вызвана незначительными колебаниями моей точки сборки, которая не могла удержаться в новой позиции, достигнутой несколькими годами ранее. Колебания были результатом остаточного чувства самосожаления.

— Что еще за новая позиция, дон Хуан? — спросил я.

— Несколько лет назад — и именно это я хочу, чтобы ты вспомнил — твоя точка сборки достигла места отсутствия жалости, — ответил он.

— Прости, не понимаю, — признался я.

— Место отсутствия жалости — это положение безжалостности, — сказал он. — ну да ты все это знаешь. Но до той поры, пока ты вспомнишь, я скажу, что безжалостность, будучи особым положением точки сборки, проявляется в глазах мага. Она подобна мерцающей пленке по всей поверхности глаз. Глаза мага блестят. Чем больше блеск, тем более безжалостен маг. Но сейчас твои глаза тусклы.

Он объяснил, что когда точка сборки передвигается в место отсутствия жалости, глаза начинают блестять. Чем тверже новая позиция схвачена точкой сборки, тем больше сияют глаза.

— Попытайся призвать назад то, что ты уже знаешь об этом, — побуждал он меня.

Он немного помолчал, а затем сказал, не глядя на меня:

— Призывать назад — это не то же самое, что вспоминать, — продолжал дон Хуан. — воспоминание диктуется повседневным типом мышления, в то время, как призывание назад, восстановление, управляется движением точки сборки. Пересмотр своей жизни, который совершает каждый маг, является ключом к движению точки сборки. Маги начинают свой пересмотр через размышление, вспоминая наиболее важные этапы своей жизни. После простого размышления о них, они переходят к тому, что действительно было на месте события. Когда они могут делать это — быть на месте события — они добиваются передвижения точки сборки именно в то место, где она была в тот миг, когда происходило событие. Возвращение полного события с помощью передвижения точки сборки известно как воспоминание магов.

Секунду он смотрел на меня, пытаюсь понять, слышал ли я его.

— Наши точки сборки постоянно перемещаются, — объяснил он. — это незаметное перемещение. Маги верят, что для передвижения точки сборки в определенные, точные позиции, они должны овладеть «намерением». А так как нет способа узнать, что является «намерением», маги позволяют своим глазам приманивать его.

— Все это совершенно непонятно для меня, — сказал я.

Дон Хуан закинул руки за голову и лег на землю. Я сделал то же самое. Наступила длинная пауза молчания. Ветер гнал облака. От их движения у меня почти закружилась голова. И головокружение вдруг резко перешло в знакомое чувство тоски.

Каждый раз, когда я был с доном Хуаном, я чувствовал, особенно в минуты покоя и тишины, подавляющее чувство отчаяния — тоски о чем-то, чего я не мог описать. Когда я был один или в обществе других людей, я никогда не имел этого чувства. Дон Хуан объяснял, что я чувствовал и интерпретировал как тоску то, что на самом деле было внезапным движением моей точки сборки.

Когда дон Хуан заговорил, звук его голоса встряхнул меня, и я сел.

— Ты должен вспомнить тот миг, когда твои глаза заблестели в первый раз, — потому что в тот миг твоя точка сборки достигла места отсутствия жалости. Вспомни, как безжалостность овладела тобой. Безжалостность заставляет блестять глаза магов, и этот блеск выманивает «намерение». Каждое положение, достигнутое точкой сборки, выражается особым блеском в глазах мага. А так как глаза мага обладают своей особой памятью, они могут вызвать воспоминание любого положения через особый блеск, причастный к этому положению.

Он объяснил, что маги уделяют блеску своих глаз и своему взгляду огромное внимание, поскольку глаза напрямую соединены с «намерением». Как бы это ни звучало, но истина в том, что глаза только поверхностно связаны с миром повседневной жизни. На более глубоком уровне они соединены с абстрактным. Я не представлял, как мои глаза могут снабдить меня таким видом информации, и спросил об этом. Ответом дон Хуана было то, что возможности человека так велики и таинственны, что маги, вместо того, чтобы думать о них, предпочитают исследовать их, надеясь когда-нибудь понять хоть что-то.

Я спросил его, влияет ли «намерение» на глаза обычного человека.

— Конечно! — воскликнул он. — ты все знаешь. Но знаешь на таком глубоком уровне, что это безмолвное знание. У тебя нет достаточной энергии, чтобы объяснить это даже самому себе.

— Обычный человек знает о своих глазах то же самое, но у него энергии еще меньше, чем у тебя. Единственным превосходством магов над обычными людьми является то, что они сберегли свою энергию, а это означает более точное и чистое звено, связующее с намерением. Естественно, это означает и то, что они могут вспоминать по своей воле, используя блеск своих глаз для передвижения их точки сборки.

Дон Хуан остановил рассказ и уставился на меня пристальным взглядом. Я отчетливо почувствовал, как его глаза подводили, толкали и подтягивали что-то неопределенное во мне. Я не мог уйти из под его взгляда. Его концентрация была так сильна, что фактически вызывала во мне физическое ощущение. Я чувствовал себя так, словно находился в печи. И совершенно внезапно я заглянул внутрь. Это было ощущение, очень похожее на бытие в

рассеянных мечтаниях, но с необычным сопровождающим ощущением сильного осознания себя и отсутствия мыслей. Будучи в высшей мере сознательным, я заглянул внутрь, в ничто.

Огромными усилиями я вытянул себя оттуда.

— Что ты со мной делаешь, дон Хуан?

— Иногда ты совершенно невыносим, — сказал он. — твоя расточительность может взбесить кого угодно. Твоя точка сборки находилась в наиболее выгодном месте для того, чтобы вспомнить все, что тебе бы захотелось, а что сделал ты? Ты позволил всему уйти, а потом спрашиваешь, что я с тобой делаю.

Он помолчал некоторое время, а потом улыбнулся, когда я вновь сел рядом с ним.

— Но быть несносным — это, воистину, твой величайший плюс, — добавил он. — так что же я жалуясь?

Мы громко рассмеялись. Это была просто шутка.

Годами ранее меня очень трогало и смущало огромное участие ко мне дон Хуана. Я не мог себе представить, почему он был так добр ко мне. По его жизни было вполне очевидно, что во мне потребности никакой не было. Он ничего от меня не ожидал. Но я был обучен через болезненный опыт жизни, что никто не бывает беспристрастным, и тем не менее, не мог предвидеть того, что вознаграждение дон Хуана может сделать меня ужасно встревоженным.

Однажды я спросил дон Хуана в упор, довольно циничным тоном, что ему дает наше общение. Я сказал, что не могу догадаться об этом.

— Ты ничего не поймешь, — ответил он.

Его ответ разозлил меня. Я воинственно высказал ему, что глупцом себя не считаю, и что он мог бы по крайней мере попробовать объяснить мне это.

— Отлично, но я должен сказать, что, хотя ты и можешь это понять, ответ тебе определенно не понравится, — сказал он с той улыбкой, которая появлялась всегда, когда он хотел подшутить надо мной. — как видишь, я просто хочу пощадить тебя.

Я был пойман на крючок, и настаивал, чтобы он рассказал яснее, что имеется в виду.

А ты уверен, что тебе захочется слушать правду? — спросил он, зная, что я не скажу нет, даже если бы жизнь моя зависела от этого.

— Конечно, я хочу слышать все, что ты можешь выложить мне, — резко ответил я.

Он захохотал над этим, как над забавной шуткой, и чем дольше он смеялся, тем большим становилось мое раздражение.

— Я не вижу здесь ничего смешного, — сказал я.

— Иногда основную истину нельзя подделать, — сказал он. — основная истина в таком случае как глыба на дне огромной кучи вещей, эдакий краеугольный камень. Если мы жестко посмотрим на нижнюю глыбу, нам может не понравиться результат. Я предпочел бы избежать этого.

Он снова засмеялся. Его глаза, сверкая озорством, казалось, приглашали меня продолжать затронутую тему. И я вновь заявил, что хочу знать, о чем он говорит. Мне хотелось казаться спокойным, но настойчивым.

— Хорошо, если ты и вправду этого хочешь, — сказал он со вздохом человека, которому надоели бесконечными просьбами. — прежде всего, я должен сказать, что все, что я делаю для тебя — я делаю бесплатно. Ты ничего мне не должен. И как ты знаешь, я безупречен с тобой. Причем моя безупречность с тобой не является капиталовложением. Я не ухаживаю за тобой в надежде, что когда я стану немощным, ты присмотришь за мной. Но я все же извлекаю некоторую неисчислимую выгоду из нашего общения, и этот вид вознаграждения безупречно имеет дело с той нижней глыбой, о которой я упоминал. Но извлеченная мною вещь наверняка или будет для тебя непонятной, или просто не понравится тебе.

Он остановился и посмотрел на меня с дьявольским блеском в глазах.

— Расскажи мне об этом, дон Хуан! — воскликнул я, разъяренный его тактикой проволок.

— Мне бы хотелось, чтобы ты держал в уме то, что я рассказываю тебе об этом по твоему настоянию, — сказал он, по-прежнему улыбаясь.

Он сказал правду. Я был просто возмущен.

— Если бы ты судил обо мне по моим действиям с тобой, — начал он. — ты бы признал, что я образец терпения и последовательности. Но ты не знаешь, что, достигая этого, я борюсь за безупречность, которую раньше никогда не имел. Для того, чтобы проводить с тобой время, я ежедневно трансформирую себя, сдерживая себя благодаря ужасно мучительным усилиям.

Дон Хуан был прав. Мне не понравилось то, что он сказал. Я попытался сохранить свое лицо и саркастически отпарировал удар.

— Не такой уж я плохой, дон Хуан, — сказал я.

Мой голос прозвучал неожиданно неестественно.

— Да нет же, ты плохой, — сказал он довольно серьезно. — ты мелочный, расточительный, упрямый, насильственный, раздражительный и самодовольный. Ты угрюмый, тяжелый и неблагодарный. Твоя способность к самоиндугированию неистощима. И что хуже всего, у тебя есть возвышенная идея о себе самом, которая, кстати, ничем не подкреплена.

— И если говорить честно, одно твое присутствие вызывает во мне чувство, чем-то похожее на тошноту.

Я хотел рассердиться. Я хотел протестовать и выразить недовольство, что он не прав, говоря так обо мне, но не мог произнести ни одного слова. Я был уничтожен. Я оцепенел.

Мой вид, после того, как я выслушал нужную истину, был таким, что дон Хуана буквально ломало в приступах смеха, и я даже боялся, как бы он не задохнулся.

— Я же говорил, что тебе это не понравится, или ты вообще ничего не поймешь, — сказал он. — доводы воина очень просты, но радикально его ухищрение. Воин считает редчайшей возможностью реализацию подлинного шанса быть безупречным, несмотря на свои базовые чувства. Ты даешь мне этот уникальный шанс.

Акт отдавания, свободно и безупречно, омолаживает меня и возобновляет мое удивление. То, что я извлекаю из нашего общения, имеет неоценимое значение для меня. Я просто у тебя в долгу.

Когда он посмотрел на меня, его глаза блестели, но уже без озорства.

Дон Хуан начал объяснять то, что он делал.

— Я нагваль, и передвигаю твою точку сборки блеском своих глаз, — сказал он сухо. — глаза нагваля могут делать это. И это нетрудно. В конце концов, глаза всех живых существ могут передвигать точку сборки кого-либо еще, особенно если их глаза сфокусированы на «намерении». В нормальных условиях, однако, глаза людей сфокусированы на мире, выискивая пищу... Выискивая убежище... Он подтолкнул меня.

— Выискивая любовь, — добавил он, и громко захохотал.

Дон Хуан постоянно дразнил меня «выискиванием любви». Он все не мог забыть наивный ответ, который я дал ему, когда он спросил меня, чего же я действительно ищу в жизни. Он подводил меня к признанию того, что я не имею ясной цели, и буквально завыл от смеха, когда я сказал, что ищу любовь.

— Хороший охотник гипнотизирует свою жертву глазами, — продолжил он. — своим взглядом он передвигает точку сборки своей жертвы, и все же его глаза обращены на мир в поисках пищи.

Я спросил его, могут ли маги гипнотизировать людей своим взглядом. Он тихо хохотнул и сказал, что на самом деле я хочу знать, могу ли я гипнотизировать своим взглядом женщин, несмотря на то, что мои глаза уже сфокусированы на мире в поисках любви. Он добавил уже серьезно, что предохранительным клапаном магов было то, что со временем их глаза действительно фокусируются на «намерении», и их больше не интересует их гипнотическое воздействие на других людей.

— Но магам, чтобы использовать блеск своих глаз для передвижения своей точки сборки или кого-либо еще, — продолжал он. — необходимо быть безжалостными. Вот поэтому они и знакомятся с той особой позицией точки сборки, которая называется местом отсутствия жалости. Это особенно верно для нагваля.

Он сказал, что каждый нагваль развивает специфический сорт безжалостности наедине с самим собой. Он взял для примера мой случай и сказал, что благодаря моей неустойчивой естественной конфигурации, я представляюсь для видящих не как сфера светимости, составленная из четырех шаров, вдавленных друг в друга — обычная структура нагваля, — а как сфера, составленная только из трех сжатых шаров. Эта конфигурация автоматически скрывает мою безжалостность за маской индугирования и неряшливости.

— Нагвали всегда вводят в заблуждение, — сказал дон Хуан. — они производят впечатление того, что являются не теми, причем делают это так совершенно, что все, включая тех, кто хорошо знает их, верят в их маскарад.

— Я действительно не понимаю, неужели ты хочешь сказать, что я маскируюсь, дон Хуан? — запротестовал я.

— Ты выдаешь себя за индугированного, расслабленного человека, — сказал он. — ты создаешь впечатление щедрого добряка с огромным состраданием. И все уверены в твоей искренности. Они могут даже поклясться, что ты действительно такой.

— Но я действительно такой!

Дон Хуан скорчился от смеха.

Направление беседы приняло оборот, который был мне не по душе. Я хотел двигаться только прямо, я ему возразил, что искренен во всех своих поступках. Я требовал, чтобы он дал мне пример моей инаковости. Он сказал, что я насильственно подсовываю людям свою неоправданную щедрость, давая им доказательство моей непринужденности и открытости. Я

возразил, что быть открытым — черта моей натуры. Он засмеялся и ответил, что если это так, то почему я всегда требую, правда, не выражая этого вслух, чтобы люди, с которыми я имею дело, осознавали, что я обманываю себя. Доказательством служит то, что когда им не удается осознать мою маску, и они принимают мою псевдо-слабость за чистую монету, я обрушиваю им на голову свою холодную безжалостность, которую пытаюсь замаскировать.

Его замечание вызвало во мне чувство отчаяния, так как я был не согласен с ним. Но я молчал. Я не пытался доказать ему, что я обижен. И просто не знал, что делать, когда он встал и пошел прочь. Я остановил его, схватив за рукав. Это было незапланированное движение какой-то части меня, это она пугала меня и заставляла его смеяться. Он снова сел, изобразив на лице чувство удивления.

— Мне не хочется показаться грубым, — сказал я, — но я должен узнать об этом больше, хотя это и расстраивает меня.

— Заставь свою точку сборки двигаться, — посоветовал он. — мы уже говорили о безжалостности раньше. Ну вспоминай же!

Он смотрел на меня с искренним ожиданием, хотя и видел, что я ничего не могу вспомнить. Он снова заговорил об образах безжалостности нагвалей. Он сказал, что его собственный метод состоит в том, чтобы подвергать людей порывам принуждения и отрицания, скрываемым за обаянием понимания и рассудительности.

— А что собой представляют все эти объяснения, которые ты даешь мне? — спросил я. — неужели они результат истинной рассудительности и желания помочь мне понять?

— Нет, — ответил он. — они являются результатом моей безжалостности.

Я страстно возразил, что мое собственное желание понять было искренним. Он похлопал меня по плечу и объяснил, что мое желание понять действительно искренне, но вот великодушие и моя щедрость — напускные. Он сказал, что нагвали маскируют свою безжалостность автоматически, даже против своей воли.

Пока я слушал его объяснения, у меня появилось странное ощущение в задней части моего мозга, что когда-то мы уже подробно останавливались на концепции безжалостности.

— Я не рациональный человек, — продолжал он, взглянув мне в глаза. — я только кажусь им, поскольку моя маска очень эффективна. То, что ты принимаешь за рассудительность, является моим отсутствием жалости. Ведь безжалостность

— Это полное отсутствие жалости.

— В твоём случае, поскольку ты маскируешь свое отсутствие жалости великодушием и щедростью, ты кажешься легким и открытым. Хотя на самом деле ты так же щедр, как я рассудителен. Мы оба с тобой мошенники. Мы совершенствуем искусство маскировки того факта, что не чувствуем жалости.

Он сказал, что полное отсутствие жалости его бенефактора было замаскировано за фасадом добродушного, практичного шутника с непреодолимой потребностью подшутить над каждым, с кем он входил в контакт.

— Маской моего бенефактора был счастливый, спокойный человек без мирских забот, продолжал дон Хуан. — но под всем этим, как и все нагвали, он был таким же холодным, как арктический ветер.

— Но ты же не холодный, дон Хуан, — сказал я искренне.

— Нет, я холодный, — настаивал он. — просто эффективность моей маски дает тебе ощущение теплоты.

Он продолжал объяснять, что маска нагваля Элиаса состояла в доводящей до бешенства дотошности относительно деталей и точности, которая создавала ложное впечатление внимательности и основательности.

Он начал описывать поведение нагваля Элиаса. Рассказывая, он по-прежнему смотрел на меня. И может быть из-за того, что он смотрел на меня так внимательно, я никак не мог сконцентрироваться на том, что он мне говорил. Я сделал невероятное усилие, стремясь собрать свои мысли.

Он секунду наблюдал за мной, а потом вернулся к объяснению безжалостности, но я больше не нуждался в его объяснении и сказал ему, что вспомнил все, что он хотел — тот день, когда мои глаза блестели в первый раз. В самом начале моего ученичества мне удалось самостоятельно переменить свой уровень сознания. Моя точка сборки достигла позиции, которую называли местом отсутствия жалости.

МЕСТО ОТСУТСТВИЯ ЖАЛОСТИ

Дон Хуан сказал мне, что особой необходимости говорить подробно о моем воспоминании нет, во всяком случае, не сейчас, поскольку разговор используется только для подведения к воспоминанию. А раз точка сборки передвинулась, полное переживание проживается вновь. Еще он сказал, что для меня лучшим способом подойти к полному воспоминанию была прогулка.

После этого мы встали и пошли очень медленно и молчаливо по тропам этих гор. Мы шли до тех пор, пока я не вспомнил все.

Мы находились на окраине Гуаямоса, в Северной Мексике, по пути из Ногалеса, штат Оризона, когда мне стало ясно, что с дон Хуаном что-то не так. Уже час или больше того он был необычно молчалив и мрачен. Я бы ничего и не подумал об этом, но потом, внезапно, его тело бесконтрольно задрожало. Его подбородок ударился о грудь, как будто мышцы шеи больше не удерживали тяжесть его головы.

— Тебя затошнило от езды, дон Хуан? — спросил я в испуге.

Но он ничего не отвечал и только тяжело дышал через рот.

На первом этапе нашего путешествия, который занял несколько часов, с ним было все в порядке. Мы много говорили обо всем и ни о чем. А когда мы остановились в городе Санта Ана на заправку, он даже немного поотжимался на капоте машины, разминая мышцы плеч.

— Что с тобой, дон Хуан? — спросил я.

Я почувствовал приступ беспокойства в животе. Как только я открыл дверь машины со своей стороны, он вцепился в мою руку железной хваткой. Очень тяжело и с моей помощью дон Хуан выбрался из машины через водительское кресло. Очутившись на тротуаре, он, схватив мои плечи обеими руками, с трудом выпрямил свою спину. В зловещем молчании мы дотащились по улице до ветхого строения, где находился ресторан.

Дон Хуан всей тяжестью повис на моей руке. Его дыхание было таким быстрым, а дрожь тела такой пугающей, что я запаниковал. Я оступился и оперся о стену, удерживая наши тела от падения. Мое беспокойство было таким сильным, что я даже не мог думать. Я взглянул в его глаза. Они были тусклы. В них не было обычного блеска.

Мы неуклюже ввалились в ресторан, и заботливый официант, бросившись нам навстречу, помог дон Хуану.

— Как ты себя чувствуешь сегодня? — крикнул он в ухо дон Хуану.

Он фактически перенес дон Хуана от дверей к столику, усадил его и потом куда-то исчез.

— Ты знаешь его, дон Хуан? — спросил я, когда мы уселись.

Не глядя на меня, он прошептал что-то неразборчивое. Я встал и вышел на кухню, разыскивая непоседливого официанта.

— Ты знаешь старика, который со мной? — спросил я его, когда наконец наткнулся на него.

— Да, конечно, я знаю его, — сказал он, своим видом показывая, что у него есть достаточно терпения, чтобы ответить на один вопрос. — Это старик, которого мучают припадки.

Такое заявление расставило все на свои места. Теперь я знал, что, пока мы ехали, у дон Хуана случился легкий припадок. Здесь ничего нельзя было сделать, чтобы избежать его, но я чувствовал себя беспомощным и взволнованным. Чувство, что едва не произошло нечто худшее, вызывало тошноту в моем желудке.

Я вернулся к столику и молчаливо сел. Вдруг все тот же официант возник перед нами с двумя тарелками свежих креветок и двумя большими мисками с черепаховым супом. Мне пришло в голову, что либо в ресторане обслуживают только креветками и черепаховым супом, либо дон Хуан, бывая здесь, заказывал только эти блюда.

Официант закричал дон Хуану так громко, что на миг заглушил гомон посетителей.

— Надеюсь, тебе понравится твоя еда! — кричал он. — Если я буду нужен тебе, махни рукой. Я тут же подойду.

Дон Хуан утвердительно кивнул головой, и официант скрылся, ласково похлопав его по спине.

Дон Хуан ел с жадностью, улыбаясь чему-то про себя. Я был так обеспокоен, что мысль о еде вызывала во мне только тошноту. Но когда я достиг знакомого мне порога беспокойства, получилось так, что чем больше я волновался, тем более голодным себя чувствовал. Я попробовал еду и нашел ее невероятно вкусной.

После еды я почувствовал себя немного лучше, но ситуация не изменилась и мое беспокойство не уменьшалось.

Когда дон Хуан поел, он помахал рукой, подняв ее над головой. Тут же подскочил официант и протянул мне счет.

Я заплатил ему, и он помог дон Хуану подняться. Он вывел его под руку из ресторана и даже помог ему перейти через улицу и экспансивно попрощался с ним.

Мы с трудом дотащились до машины, дон Хуан тяжело опирался на мою руку, пыхтя и останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы перевести дыхание. Официант стоял в дверях, словно желая убедиться, что я не дам дон Хуану упасть.

Понадобилось две или три минуты, чтобы усадить дон Хуана в машину.

— Скажи, чем я могу помочь тебе, дон Хуан? — умолял я.

— Разверни машину, — велел он запинаящимся, едва слышным голосом, — мне надо в другой конец города, в магазин. Там меня знают. Там мои друзья.

Я сказал ему, что не имею понятия, о каком магазине он говорит. Дон Хуан начал что-то шептать бессвязно, у него началась истерика. Он яростно бил ногами о пол машины и, надувая губы, сплевывал прямо себе на рубашку. Потом у него наверняка был момент ясного сознания. Я был ужасно расстроен, наблюдая, с каким усилием он пытается привести в порядок свои мысли. В конце концов ему удалось объяснить мне, где находится нужный магазин.

Мой дискомфорт достиг наивысшего предела. Я боялся, что припадок дон Хуана окажется гораздо серьезнее, чем я думал. Мне захотелось вылечить его, отвезти к родным или к его друзьям, но я не знал их. Я не знал, что мне делать дальше. Я развернулся и поехал к магазину, который, как он сказал, был на другом конце города.

Я подумывал о том, чтобы вернуться в ресторан и спросить у официанта, не знает ли он родных дон Хуана. Я надеялся, что кто-нибудь в магазине узнает его. Чем больше я размышлял о своем неловком положении, тем больше начинал жалеть себя. Дон Хуан приходил конец. У меня появилось ужасное чувство потери, чувство судьбы. Мне будет нехватать его. Но чувство потери сходило на нет от досады, что при худшем исходе все заботы о нем свалятся на мои плечи.

Я колесил почти час, высматривая магазин, и не мог найти его. Дон Хуан признался, что, возможно, он ошибается, и что магазин может быть в другом городе. Вот тогда я полностью выдохся и понятия не имел о том, что делать дальше.

В моем нормальном состоянии сознания у меня всегда было странное чувство, что я знаю гораздо больше, чем говорит мне мой рассудок. Теперь же под влиянием его умственного кризиса я был уверен, не зная почему, что его друзья ждут дон Хуана где-то в мексике, хотя не знал, где именно.

Мое изнеможение было более чем физическим. Это была смесь заботы и вины. Меня тревожило, что я связался с хилым стариком, который, как я теперь знал, по-видимому, был смертельно болен. И я чувствовал вину от того, что оказался неверным ему.

Я остановил машину около береговой черты. Потребовалось около десяти минут, чтобы вытащить дон Хуана из машины, мы пошли к океану, но стоило нам приблизиться к нему, как дон Хуан шарахнулся в сторону и отказался идти дальше. Он шептал, что воды залива Гуаямос пугают его.

Он повернулся и повел меня к большому квадрату — пыльной площади, на которой не было даже скамеек. Дон Хуан опустился на бордюру. Пылеуборочная машина прошла мимо нас, вращая стальными щетками, а так как вода не увлажняла их, я задохнулся, кашляя, в облаке пыли.

Ситуация настолько беспокоила меня, что в моем уме мелькнула мысль, а не бросить ли мне его прямо здесь. Я даже смутился, осознав такую мысль, и похлопал дон Хуана по спине.

— Ты должен сделать усилие и сказать, куда мне везти тебя, — сказал я мягко. — куда ты хочешь пойти со мной.

— Я хочу, чтобы ты пошел к черту, — ответил он ломаным, скрипучим голосом.

Услышав его ответ, у меня появилось подозрение, что дон Хуан, возможно, и не страдает от приступа, а просто переживает какое-то другое разрушительное состояние, которое лишило его ума и сделало буйным.

Внезапно он встал и пошел от меня. Я отметил, каким слабым он выглядел. Он постарел за несколько часов. Присущая ему энергия иссякла, и теперь я видел перед собой ужасно старого и немощного человека.

Я поспешил помочь ему. Волна огромной жалости затопила меня. Я увидел себя старым и слабым, почти неспособным передвигаться. Это было невыносимо. Я был готов заплакать, но не за дон Хуана, а за себя. Я поддерживал его за руку и молча пообещал, что буду присматривать за ним, что бы там ни случилось.

Я погрузился в мечтательные самосожаления, когда вдруг почувствовал цепящую силу пощечины. Прежде чем я пришел в себя от неожиданности, дон Хуан ударил меня по шее. Он стоял лицом ко мне, дрожа от бешенства. Его губы были полуоткрыты и бесконтрольно дрожали.

— Кто ты? — крикнул он натянутым голосом.

Он повернулся к куче зевак, которые собрались к этому времени.

— Я не знаю, кто этот человек, — сказал он им. — помогите мне. Я одинокий старый индеец. А он чужак и хочет убить меня. Они все ищут одиноких старых людей и убивают их для удовольствия.

Поднялся шум неодобрения. Несколько молодых, здоровенных парней смотрели на меня с явной угрозой.

— Что ты делаешь, дон Хуан? — спросил я его как можно громче. Мне хотелось убедить толпу, что я с ним.

— Я не знаю тебя, — закричал дон Хуан. — оставь меня в покое.

Он повернулся к толпе и попросил помочь ему. Он просил поддержать меня, пока не придет полиция.

— Держите его, — кричал он. — ну кто-нибудь, прошу вас, вызовите полицию. Уж там знают, что делать с этим типом.

У меня возник образ мексиканской тюрьмы. Никто не узнает, где я. Возможно, пройдет несколько месяцев, прежде чем кто-то заметит мое исчезновение. Мысль об этом заставила меня действовать с какой-то злобной выдержкой. Я лягнул первого парня, который приблизился ко мне, и бросился наутек в паническом бегстве. Я знал, что бегу, спасая свою жизнь. Несколько парней погнались за мной.

Пока я мчался к главной улице, я понял, что в таком маленьком городке, как Гуаямос, полисмен должен наверняка патрулировать пешком по площади. Во всяком случае, в поле зрения не было ни одного, и прежде чем я рванулся дальше, мне попался первый магазин на моем пути. Я притворился, что интересуюсь антикварными вещами.

Молодой человек, бежавший вслед за мной, шумно пронесся мимо меня. Я быстро придумал краткий план: купить как можно больше вещей. Я должен показаться людям в магазине обычным туристом. Потом я попрошу кого-нибудь помочь мне донести покупки до машины.

Я так и сделал, выбрав то, что хотел. Потом заплатил пареньку в магазине, чтобы он помог мне донести мои пакеты, но стоило мне приблизиться к машине, как я увидел дон Хуана, стоявшего возле нее в окружении толпы. Он что-то рассказывал полицейскому, который делал записи.

Все оказалось бесполезным. Мой план рухнул. К машине было не пройти. Я велел молодому пареньку оставить пакеты на тротуаре и сказал ему, что за мной скоро должен подехать мой друг, который отвезет меня в гостиницу. Паренек ушел, а я, прикрываясь пакетами, которые держал перед собой, наблюдал за дон Хуаном и людьми вокруг него.

Я видел, как полицейский проверил мои калифорнийские номерные знаки, и это меня окончательно убедило, что мне пришел конец. Обвинение безумного старика было слишком серьезным. К тому же, я убежал, а это только подтверждало мою виновность в глазах полицейского. Кроме того, я был уверен, что полицейский не поверит мне и с удовольствием арестует иностранца.

Я стоял в подворотне, наверное, целый час. Полицейский ушел, но толпа по-прежнему окружала дон Хуана, который что-то кричал и взволнованно размахивал руками. Я был далеко и не мог слышать того, что он говорил, но вполне представлял суть его быстрых и нервных выкриков.

Мне позарез нужен был другой план. Я решил остановиться в гостинице и переждать там пару дней, а уж потом рискнуть и добраться до машины. Я подумывал вернуться в магазин и вызвать там такси. Я никогда не нанимал такси в Гуаямосе и понятия не имел, есть ли оно тут вообще. Но мой план рухнул тут же, как только я понял, что если в полиции служат не дураки, а рассказ дон Хуана принят серьезно, они наверняка проверят все гостиницы. Может быть, полицейский, оставив дон Хуана, уже этим и занимается.

В уме появилась другая мысль — отправиться на автобусную станцию и дожждаться автобуса в какой-нибудь город у международной границы. Или любой другой автобус, лишь бы уехать из Гуаямоса. Я тут же отбросил и эту идею. Конечно же, дон Хуан дал мои данные полицейскому, и полиция уже предупредила всех на автобусной станции.

Мой ум был охвачен слепой паникой. Я постарался чаще дышать, чтобы успокоить свои нервы.

Я заметил, что толпа возле дон Хуана начинает расходиться. Полицейский вернулся с коллегой, и они медленно двинулись к концу улицы. В этот миг я почувствовал внезапное бесконтрольное желание. Было так, будто мое тело отсоединилось от моего мозга. Я пошел к своей машине, неся с собой все пакеты. Без малейшего страха или следов беспокойства я открыл багажник, сложил туда пакеты, затем открыл водительскую дверь.

Дон Хуан стоял на тротуаре возле машины, рассеянно наблюдая за мной. Я взглянул на него с совершенно не свойственной мне холодностью. Никогда в жизни у меня не было такого чувства. Я не чувствовал ненависти или даже гнева. Я даже не сердился на него. Это чувство не было ни смирением, ни терпением. И уж конечно, оно не было добротой. Скорее это было холодное безразличие, пугающее отсутствием жалости. В этот миг меня совершенно не заботило, что случится с дон Хуаном или со мной. Дон Хуан встряхнулся верхней частью тела, как собака после купания. И тут же, словно все было только плохим сном, он вновь превратился в человека, которого я знал. Он быстро вывернул наизнанку свою куртку. Это была какая-то двухлицевая куртка, бежевая с одной стороны и черная с

другой. Теперь он был одет в черную куртку. Дон Хуан бросил свою соломенную шляпу в машину и аккуратно пригладил свои волосы. Он вытащил воротничок рубашки поверх воротника куртки, и это тут же сделало его гораздо моложе. Ни слова не говоря, он помог мне сложить оставшиеся пакеты в машину.

Когда оба полицейских бросились к нам, думая что есть мочи в свои свистки, привлеченные стуком дверей машины, дон Хуан очень проворно побежал им навстречу. Он внимательно выслушал их и заверил, что им не о чем беспокоиться. Он объяснил, что они, по-видимому, встретили его отца, слабого старого индейца, который страдал умственной недостаточностью. Пока он рассказывал им все это, дон Хуан то открывал, то закрывал двери машины, как бы проверяя замки. Он перенес пакеты из багажника на заднее сидение. Его подвижность и юношеская сила были полной противоположностью вялым движениям старика, который был здесь несколько минут назад. Я знал, что он все это делает для того полицейского, который видел его раньше. На его месте я бы и секунды не сомневался, что передо мной стоит сын того умалишенного старика-индейца.

Дон Хуан назвал им ресторан, где они могут узнать про его отца, а потом без слов и всякого стыда сунул им взятку.

Я даже не потрудился что-либо объяснить полицейскому. Что-то вынуждало меня чувствовать себя твердым, холодным, деловым и безмолвным.

Мы молча влезли в машину. Полицейский не спрашивал меня ни о чем. Казалось, он слишком устал, чтобы заниматься опросом. Мы двинулись вперед.

— Что за ерунду ты вытворял здесь, дон Хуан? — спросил я, и холодность моего тона удивила меня.

— Это был первый урок по безжалостности, — ответил он.

Дон Хуан заявил, что по пути в Гуаямос он предупредил меня о предстоящем уроке по безжалостности. Я признался, что не обратил на это внимания, так как считал, что мы просто беседуем друг с другом, скрашивая монотонность езды.

— Я никогда просто так не беседую, — строго сказал он. — ты должен знать, что было потом. После полудня я создал ситуацию, необходимую для того, чтобы сдвинуть твою точку сборки в позицию, где исчезает жалость. Эта позиция известна как место отсутствия жалости.

— Проблема, которую решают маги, — продолжал он, — состоит в том, что место отсутствия жалости может быть достигнуто только с минимальной помощью. Нагваль создает сцену, но точку сборки должен сдвинуть сам ученик.

— Сегодня ты сделал это. Я помог тебе, возможно, несколько драматично, сдвинув твою точку сборки в особую позицию, которая превратила меня в немощного и непредсказуемого старика. Я не просто действовал как старый и немощный человек. Я был им.

Озорной огонек в его глазах подсказал мне, что он наслаждается этим моментом.

— Совершенно необязательно было поступать именно так, — продолжал он. — я мог бы заставить тебя сдвинуть точку сборки и без такой жесткой тактики, но видишь, не удержался. Поскольку эта ситуация никогда не повторится вновь, мне хотелось узнать, смогу ли я действовать так, как действовал мой бенефактор. Поверь мне, я удивлялся себе не меньше, чем ты.

Я почувствовал себя до невероятности легко. Я без труда принял все, что он сказал мне. И не было вопросов, я понял все и не нуждался в его объяснениях.

Потом он сказал то, что я уже знал, но не мог выразить в словах, потому что не мог найти подходящего выражения, чтобы описать это. Он сказал, что все, выполняемое магами, есть движения точки сборки, а такие движения управляются количеством энергии, которое маги вкладывают в свои команды.

Я упомянул дону Хуану, что знал все это, и даже больше того. А он ответил, что внутри каждый человек является гигантским, темным озером безмолвного знания, которое каждый из нас интуитивно чувствует. Он сказал мне, что я могу интуитивно чувствовать его немного яснее, чем обычный человек, благодаря своей вовлеченности на путь воина. Потом он добавил, что маги — единственные существа на земле, которые преднамеренно выходят за интуитивный уровень, обучаясь двум трансцендентальным вещам: во-первых, постигая существование точки сборки, и во вторых, заставляя точку сборки двигаться.

Он подчеркивал снова и снова, что наиболее сложным знанием, которым обладали маги, был наш потенциал чувствующих существ и знание того, что содержание восприятия зависит от положения точки сборки.

В этот момент я начал переживать уникальное затруднение в концентрации на том, о чем он говорил, не потому, что был чем-то отвлечен или утомлен, но потому, что мой ум сам по себе начал играть в игру предвосхищения его слов, словно какая-то неизвестная часть меня безуспешно пыталась найти слова, которые были бы адекватны мыслям. И пока дон Хуан говорил, я чувствовал, что могу предсказать, как он выразит мои собственные безмолвные

мысли. Я вздрогнул, осознав, что его выбор слов в любом случае был лучше, чем мой. Но предвосхищение его фраз уменьшало мою концентрацию.

Я резко прижался к краю дороги. И правда, впервые в жизни у меня было ясное знание дуализма во мне, как-будто внутри меня находились две совершенно отдельные части. Одна была очень старой, спокойной и безразличной. Она была тяжелой, темной и связанной с чем-то еще. Эта часть во мне не волновалась ни о чем, потому что она была одинакова со всем остальным. Она пользовалась всем без ожиданий. Другая часть была светлой, новой, пушистой и возбужденной. Она была нервной и быстрой. Она волновалась о себе, так как была ненадежной и не пользовалась ничем, просто потому, что не обладала способностью связывать себя с чем-либо. Она была одинока и уязвима, располагалась на поверхности. Это была часть, из которой я смотрел на мир.

Я преднамеренно осмотрелся из этой части. Куда бы я не посмотрел, везде были обширные возделанные земли. И эта ненадежная, пушистая и обеспокоенная часть меня была схвачена между гордостью за трудолюбие человека и грустью от зрелища великолепной древней сонорской пустыни, переходившей в опрятную картину пашни и культивированных растений.

Старая, темная, тяжелая часть меня ни о чем не волновалась. И эти две части вступили в спор. Пушистая часть хотела взволновать тяжелую часть, а та, наоборот, хотела остановить волнение легкой части и научить ее пользоваться и наслаждаться.

— Почему ты остановился? — спросил дон Хуан.

Его голос вызвал реакцию, но было бы неточным сказать, что это я прореагировал. Звук его голоса, казалось, укреплял пушистую часть, и внезапно я узнал самого себя.

Я описал дон Хуану осознание своего дуализма. Как только он начал объяснять это в терминах позиции точки сборки, я потерял свою твердость. Пушистая часть стала такой же пушистой, какой была в тот миг, когда я заметил мою двойственность, и я вновь знал все, что мне объяснял дон Хуан.

Он говорил, что, когда точка сборки движется и достигает места отсутствия жалости, позиции рациональности и здравого смысла ослабевают. Ощущение, которое я имел о старой, темной, молчаливой стороне, было взглядом того, что предшествовало разуму.

— Я точно знал, о чем ты говорил, — сказал я ему, — я знаю огромное количество вещей, но не могу высказать то, что знаю. Я не знаю, как начать.

— Я уже упоминал тебе об этом, — объяснил он. — то, что ты переживал и называл дуализмом, является взглядом из другой позиции твоей точки сборки. Из этой позиции ты смог почувствовать древнюю сторону человека. А то, что знает древняя сторона человека, называется безмолвным знанием. Именно это знание ты и не можешь выразить.

— А почему не могу? — спросил я.

— Потому что, чтобы выразить его, тебе необходимо владеть и пользоваться непомерным количеством энергии, — ответил он. — в данный момент ты еще не накопил ее.

— Безмолвное знание есть у каждого из нас, — продолжал он. — это полнейшее мастерство, полнейшее знание обо всем. Но это еще не значит, что нельзя говорить о том, что знаешь.

— Маги верят, что когда человек осознает то, что он знает, и хочет быть сознательным к тому, что он знает, он теряет из поля зрения то, что он знал. Это безмолвное знание, которое ты не в силах описать, конечно же, является «намерением», духом, абстрактным. Ошибка человека в том, что он хочет знать его прямо, так, как он знает повседневную жизнь. И чем больше он того хочет, тем более эфемерным становится знание.

— Ты простыми словами скажи, что это значит? — попросил я.

— Это значит, что человек отказывается от безмолвного знания ради мира разума, — ответил он. — чем больше он цепляется за мир разума, тем более эфемерным становится «намерение».

Я завел машину, и мы двинулись в полном молчании. Дон Хуан больше не показывал мне дорогу и не объяснял, как надо ехать — что он часто делал, стараясь раздражить мою собственную важность. У меня не было ясного представления о том, куда надо ехать, но что-то внутри меня знало и это. Я позволил этой части взять руководство на себя.

Поздним вечером мы под» ехали к большому дому, который группа дон Хуана имела в сельской местности штата Синалса в Северо-западной Мексике. Наше путешествие, казалось, вообще не потребовало много времени. Я не мог вспомнить подробности нашей поездки. Все, что я знал о ней, пожалуй, было то, что мы ни о чем не говорили. Дом казался пустым. Не было никаких признаков, что в нем жили люди. Но я знал, что друзья дон Хуана находятся в доме. Я чувствовал их присутствие, хотя и не видел их.

Дон Хуан зажег керосиновые лампы, и мы сели за массивный стол. Казалось, что дон Хуан собирается поесть. Мне было интересно, что он скажет или сделает, но в этот момент бесшумно вошла женщина и поставила на стол большую тарелку с едой. Я не был готов к ее

появлению, и когда она вышла из темноты на свет, как бы возникнув из ниоткуда, я непроизвольно открыл рот.

— Не пугайся, это я, Кармела, — сказала она и исчезла, вновь растворившись в темноте.

А я все сидел с открытым ртом. Дон Хуан захохотал так сильно, что, мне кажется, все, кто был в доме, услышали его. Я думал, что они придут сюда, но никто не появился.

Я попробовал есть, но голодным не был. Тогда я начал размышлять о женщине. Я не знал ее. То есть я почти узнал ее, но я не мог заставить свое воспоминание подняться из тумана, который окутывал мои мысли. Я яростно боролся с самим собой, проясняя свой ум, а когда почувствовал, что на это потребуется слишком много энергии, то просто сдался.

Сразу после того, как я прервал свое размышление о ней, я начал переживать странное, цепенящее беспокойство. Сначала мне казалось, что это темный, массивный дом и безмолвие в нем и вокруг него угнетали меня. Но потом моя тоска выросла до невероятных размеров, особенно когда я услышал слабый собачий лай вдалеке. На миг мне показалось, что мое тело вот-вот должно взорваться. Дон Хуан немедленно вмешался. Он подскочил ко мне и начал давить мне на спину, пока она не затрещала. Давление на спину немедленно вызвало облегчение.

Когда я успокоился, то понял, что вместе с беспокойством, которое почти уничтожило меня, я потерял ясное чувство знания обо всем. Я больше не мог предвещать того, как дон Хуан выразит словами то, что я знал.

А дон Хуан тем временем начал очень своеобразное объяснение. Сначала он сказал, что причина беспокойства, заставшего меня врасплох с быстротой молнии, заключалась во внезапном движении моей точки сборки, вызванным неожиданным появлением Кармелы и моей неизбежной попыткой передвинуть свою точку сборки в то место, где я мог бы вспомнить ее полностью.

Он посоветовал мне воспользоваться идеей периодических атак того же типа беспокойства, и благодаря этому поддерживать движение моей точки сборки.

— Любое движение точки сборки подобно умиранию, — сказал он. — все в нас становится несвязным, а потом присоединяется к источнику огромнейшей силы. Это увеличение энергии чувствуется как уничтожение беспокойства.

— И что же мне делать, когда это случится? — спросил я.

Ничего, — ответил он. — просто жди. Вспышка энергии пройдет. Опасно не знать, что может случиться с тобой. А когда ты знаешь — это уже не реальная опасность.

Потом он рассказал о древних людях. Он сказал, что древние люди знали, и даже более прямым образом, что делать и как лучше обходиться с этим. Но поскольку они все выполняли очень хорошо, у них начало развиваться чувство самости, которое дало им веру, что они могут предсказывать и планировать действия, которые были нужны им для использования. Так появилась идея об индивидуальном «я», и это индивидуальное «я» начало определять природу и сферу человеческих поступков.

А когда чувство индивидуального «я» стало сильнее, люди потеряли естественную связь с безмолвным знанием. Современный человек, будучи наследником такого развития, теперь находит себя так безнадежно удаленным от источников всего, что все, что бы он ни делал, выражает его отчаяние в яростных и циничных актах самоуничтожения. Дон Хуан утверждал, что причина отчаяния и цинизма человека заключена в небольшом остатке безмолвного знания, который остался у него, и этот остаток совершает две вещи: во-первых, он дает человеку представление о его древней связи с источником всего, и во-вторых, создает у человека чувство, что без этой связи у него не будет надежды на мир, удовлетворение и успех.

Мне показалось, что я поймал дон Хуана на противоречии. Я указал ему, что он говорил мне когда-то, что борьба является естественным состоянием воина, тогда как мир был аномалией.

— Это верно, — признался он. — но борьба для воина не означает актов индивидуальной или коллективной глупости или бессмысленного насилия. Война для воина является тотальной борьбой против этого индивидуального «я», которое лишает человека его силы.

Затем дон Хуан сказал, что сейчас самое время поговорить о безжалостности — наиболее основной предпосылке магии. Он рассказал об открытии магов, что любое движение точки сборки означает удаление от излишнего интереса к индивидуальному «я», который отличает современных людей. Он продолжал говорить, что маги верят в существование позиции точки сборки, которая делает человека убийственным эгоистом, полностью вовлеченным в свой образ самого себя. Потеряв надежду когда-нибудь вернуться к источнику всего, человек ищет утешения в своей самости. А поступая так, он все сильнее и сильнее фиксирует свою точку сборки в той самой позиции, которая увековечивает его образ самого себя. Поэтому можно с уверенностью сказать, что любое движение точки сборки удаляет ее от привычной позиции, а это в свою очередь приводит к удалению от самоотражения человека и его

спутника — собственной важности. Дон Хуан описывал собственную важность как силу, порожденную человеческим образом самого себя. Он повторял, что именно эта сила держит точку сборки фиксированно там, где она находится в настоящее время. По этой причине напор пути воина свергает с пьедестала собственную важность. И все, что делают маги, направлено на достижение этой цели.

Он объяснил, что маги срывают маску с собственной важности и находят, что это самосожаление, замаскированное подо что-то еще.

— Возможно, это не очень звучит, но зато правда, — сказал он. — Самосожаление — это реальный враг и источник человеческих несчастий. Не имея жалости к себе, человек не позволит себе быть схваченным собственной важностью. Но если сила собственной важности имеет место, она образует свой собственный импульс. И это, по-видимому, независимое свойство собственной важности придает ей ложное чувство ценности. Его объяснение, которое я при нормальных обстоятельствах нашел бы невразумительным, показалось мне очень убедительным. Но из-за двойственности во мне, которая все еще имела место, оно казалось немного упрощенным. Дон Хуан устремлял свои мысли и слова на определенную цель. И я, в моем нормальном состоянии сознания, как раз и был этой целью.

Он продолжил свое объяснение, сказав, что маги абсолютно убеждены, что, перемещая свои точки сборки с их привычной позиции, мы достигаем состояния бытия, которое может быть названо только безжалостностью. Маги знают, благодаря своим практическим действиям, что как только их точки сборки смещаются, их собственная важность разлетается в клочья. Без привычного положения их точек сборки образ личного «я» больше не подтверждается. А без тяжелой фокусировки на образе самих себя они теряют и жалость к себе и собственную важность. Поэтому маги правы, говоря, что собственная важность — это просто замаскированное самосожаление.

Затем он взял мое послеобеденное переживание и проследил его шаг за шагом. Он заявил, что нагваль в своей роли лидера или учителя проявляет себя в наиболее деловой, и в то же время в наиболее безупречной манере. Поскольку он не в силах рационально планировать ход своих поступков, нагваль всегда позволяет определять свой курс духу. Например, сказал дон Хуан, он сам не планировал, что ему следует делать, пока дух не дал ему знак, когда ранним утром мы завтракали в Ногалесе. Он посоветовал мне восстановить это событие и рассказать ему, что я вспомнил.

Я припомнил, что во время завтрака я был очень смущен, так как дон Хуан подшучивал надо мной.

— Подумай об официантке, — посоветовал дон Хуан.

— Все, что я могу вспомнить о ней, это то, что она была очень грубой.

— Но что она делала? — настаивал он. — что она делала, пока ждала, когда мы сделаем заказ?

После секундной паузы я вспомнил, что она была суровой на вид девушкой, которая кинула мне меню и стояла, почти касаясь меня, молчаливо требуя, чтобы я поторопился сделать заказ.

Пока девушка ждала, нетерпеливо постукивая ногой о пол, она заколола шпилькой свои длинные черные волосы — и перемена была изумительной. Она стала выглядеть более привлекательной, более зрелой. Меня откровенно потрясла перемена в ней. Фактически, из-за этого я даже не обращал внимания на ее плохие манеры.

— Это было предзнаменование, — сказал дон Хуан. — суровость и трансформация представляли собой знак духа.

Он сказал, что его первым действием, как нагваля, было дать мне знать о своих намерениях. Поэтому он сказал мне очень ясным языком, но исподтишка, что хочет дать мне урок по безжалостности.

— Ну, вспоминай же, — попросил он. — я заговорил с официанткой и старой дамой за соседним столиком.

Понукаемый им, я вспомнил, что дон Хуан фактически флиртовал со старой женщиной и грубой официанткой. Он болтал с ними почти все время, пока я ел. Он рассказывал им идиотски смешные истории о взяточничестве и коррупции в правительстве, пересыпая это анекдотами о фермерах, приехавших в город. Потом он спросил официантку, была ли она американкой. Она сказала, что нет, и засмеялась. Дон Хуан заметил, что это очень хорошо, поскольку я был мексикано-американец, который живет в поисках любви. И что я могу начать любовь прямо здесь, особенно проглотив такой прекрасный завтрак.

Женщины расхохотались. Мне показалось, что они смеются над моим смущением. Дон Хуан сказал им, причем очень серьезно, что я направляюсь в мексико, чтобы отыскать жену для себя. Он спросил, не знают ли они какую-нибудь честную, скромную, целомудренную девушку, которая хотела бы выйти замуж и не была бы слишком требовательной в вопросах мужской красоты. Он представился моим сватом.

Женщины чуть не падали от хохота. Я был ужасно раздосадован. Дон Хуан повернулся к официантке и спросил, не хочет ли она выйти замуж за меня. Она ответила, что помолвлена. Мне показалось, что она приняла слова дон Хуана за чистую монету.

— Почему ты не даешь ему говорить самому за себя? — спросила старая дама у дон Хуана.

— У него дефект речи, — ответил он. — мальчик ужасно заикается.

Официантка заметила, что я говорил вполне нормально, когда заказывал завтрак.

О! Ты очень наблюдательна, — сказал дон Хуан. — он говорит нормально только тогда, когда заказывает пищу. Я говорил ему, и не раз, что если он хочет научиться говорить нормально, ему надо стать безжалостным. Я даже привел его сюда, чтобы дать ему несколько уроков по безжалостности.

— Бедный малый, — вздохнула старая женщина.

— Ладно, нам, наверное, лучше собираться в путь, если мы хотим сегодня найти любовь для него, — сказал дон Хуан, вставая и раскланиваясь.

— Вы так серьезно подходите к этому сватовству, — заметила молодая официантка дон Хуану.

— Держу пари, — ответил он. — я сумею помочь ему в том, в чем он нуждается, и он сможет пересечь границу и достичь места отсутствия жалости.

Мне подумалось, что дон Хуан называет местом отсутствия жалости или брак, или сша. Я засмеялся этой метафоре, и вдруг начал так ужасно заикаться, что напугал женщин до полусмерти, а дон Хуан истерически захохотал.

— Мне обязательно надо было заявить тебе о своей цели, — сказал дон Хуан, продолжая свое объяснение. — я сделал это, но обвел тебя вокруг пальца, как только мог.

Он сказал, что с того момента, как дух манифестирует себя, каждый шаг ведет к своему удовлетворительному завершению с абсолютной легкостью. И моя точка сборки достигла места отсутствия жалости, когда под давлением его трансформации она была вынуждена оставить свое привычное место самоотражения.

— Позиция самоотражения, — сказал дон Хуан. — вынуждает точку сборки собирать мир фальшивого сострадания, но вполне реальной жестокости и самососредоточения. В этом мире единственно реальными чувствами являются те, которые удобны тому, кто их переживает.

— Для мага безжалостность — не жесткость, не жестокость. Безжалостность — это противоположность самосожалению и собственной важности. Безжалостность — это трезвость.

5. ТРЕБОВАНИЯ «НАМЕРЕНИЯ». РАЗРУШЕНИЕ ЗЕРКАЛА САМООТРАЖЕНИЯ.

Ночь мы провели на том месте, где я воссоздал мое переживание в Гуаямосе. В течение этой ночи, благодаря тому, что моя точка сборки была податлива, дон Хуан помог мне достичь новых позиций, которые тут же стали смутными пятнами забвения. На следующий день я уже не мог вспомнить ни того, что случилось, ни того, что я понял, и все же у меня было острое ощущение, что я имел странные переживания. Дон Хуан согласился, что моя точка сборки передвигалась выше его ожиданий, но отказался дать мне даже намек на то, что я делал. Его единственное замечание состояло в том, что однажды я смогу все восстановить заново.

Около полудня мы продолжили под» ем на вершины. Мы шагали молча, не останавливаясь до позднего вечера. Когда мы медленно взобрались на пологий горный хребет, дон Хуан внезапно заговорил. Я ничего не понял из того, что он мне сказал. Он повторил это несколько раз, прежде чем я понял, что он хочет остановиться на широком уступе, который было видно с того места, где находились мы. Он объяснил мне, что там мы будем защищены от ветра валунами и большими, ветвистыми кустами.

— Скажи мне, какое место на уступе будет лучшим для нас, чтобы провести там всю ночь? — спросил он.

Прежде, когда мы только поднимались, я разглядел почти незаметный уступ. Он виделся как пятно темноты на поверхности горы. Я различал его очень быстрым взглядом. Теперь, когда дон Хуан спрашивал мое мнение, я обнаружил пятно еще большей темноты, почти черное, на нижней стороне уступа. Темный уступ и почти черное пятно на нем не вызывали никакого чувства страха или беспокойства. Я чувствовал, что мне нравится этот уступ. И мне еще больше нравилось его темное пятно.

— Это пятно, вон там, очень темное, но оно нравится мне, — сказал я, когда мы достигли уступа.

Он согласился, что это лучшее место, чтобы просидеть всю ночь. Он сказал, что это место обладает особым уровнем энергии, и что ему тоже нравится его приятная темнота.

Мы направились к каким-то выступающим скалам. Дон Хуан очистил площадь около валунов, и мы сели спина к спине.

Я рассказал ему, что с одной стороны выбор этого пятна был счастливой догадкой, хотя с другой — я не отрицал и тот факт, что заметил его с помощью глаз.

— Не могу сказать, что ты заметил его исключительно с помощью глаз, — ответил он. — все немного сложнее, чем ты думаешь.

— Что ты этим хочешь сказать, дон Хуан? — спросил я.

— Я хотел сказать, что у тебя есть способности, которые ты пока не осознал, — ответил он. — но поскольку ты ужасно небрежен, ты можешь думать, что все замеченное тобой является обычным чувственным восприятием.

Он сказал, что если я не верю ему, он отправится со мной вновь к подножию горы и докажет, что он прав. Дон Хуан предсказывал, что я не смогу увидеть темный выступ, просто разыскивая его взглядом.

Я страстно заявил, что не имею причин, чтобы сомневаться в нем. Мне не хотелось спускаться с горы.

Он настаивал на спуске. Я думал, что он просто хочет подразнить меня. И даже расстроился, когда до меня дошло, что, возможно, он говорит вполне серьезно. Дон Хуан громко захохотал и даже задохнулся от смеха.

Затем он осветил тот факт, что все животные способны находить в своем окружении места с особым уровнем энергии. Большинство животных боятся этих мест и избегают их. Исключением были горные львы и койоты, которые лежат и даже спят в таких местах, когда они оказываются рядом. И только маги преднамеренно ищут такие места из-за их эффектов.

Я спросил его, что это за эффекты. Он сказал, что подобные места создают неощутимые выбросы бодрящей энергии. Он подчеркнул, что обычный человек, живущий в нормальной обстановке, может отыскать такие пятна, хотя и не осознает того, что нашел их, как не осознает и их эффекта.

— А как он знает, что нашел их? — спросил я.

— Он никогда не узнает об этом, — ответил он. — маги, наблюдая за передвижениями людей по исхоженным тропам, вскоре заметили, что люди всегда устают и отдыхают справа от пятна с положительным уровнем энергии. Если, с другой стороны, они пересекают место с вредоносным потоком энергии, они становятся нервными и торопливыми. Если ты спросишь их об этом, они скажут тебе, что торопятся преодолеть это место, поскольку чувствуют себя возбужденными. Но все как раз наоборот — единственное место, которое возбуждает их — это то, где они чувствуют себя усталыми.

Он сказал, что маги могут находить такие пятна, различая всем своим телом мельчайшие всплески энергии в своем окружении. Повышенная энергия магов, извлеченная из сокращения их самоотражения, возносит их чувства на высший ранг восприятия.

— Я пытаюсь втолковать тебе, что единственным стоящим образом действия и для магов, и для обычных людей является ограничение нашей увлеченности нашим образом самих себя, — продолжал он. — то, к чему устремляет своих учеников нагваль, я называю разрушением зеркала самоотражения.

Он добавил, что каждый ученик имеет свой индивидуальный случай, и что нагваль позволяет духу решать вопрос о деталях.

— Каждый из нас имеет различную степень привязанности к своему самоотражению, — продолжал он. — и эта привязанность чувствуется, как необходимость. Например, прежде чем я встал на путь знания, моя жизнь была переполнена различными нуждами. И даже через годы, когда нагваль Хулиан принял меня под свое крыло, я был по-прежнему таким же нуждающимся, если не более того.

— Но имеются примеры людей: магов и обычных людей, которые не нуждались ни в чем. Они черпали мир, гармонию, смех, знание прямо от духа. Они не нуждались в посредниках. Для меня и для тебя все иначе. Я твой посредник, а нагваль Хулиан был моим. Посредники, кроме предоставления минимального шанса — осознания «намерения» — помогают людям разбивать зеркала их самоотражения.

— Единственная реальная помощь, когда-либо полученная тобой от меня, заключается в том, что я нападал на твое самоотражение. И не будь того, так ты просто бы потратил со мной зря свое время. Это единственно реальная помощь, которую ты получил от меня.

— Дон Хуан, ты научил меня большему, чем кто-либо другой за всю жизнь, — протестовал я.

— Я обучал тебя всем этим вещам, чтобы поймать в ловушку твое внимание, — сказал он. — и все-таки ты клянешься, что это обучение было важной частью. Нет! В инструкциях мало проку. Маги утверждают, что только передвижение точки сборки имеет значение. А ее движение, как ты прекрасно знаешь, зависит от увеличившейся энергии, а не от инструкций.

Затем он сделал нелепое заявление. Он сказал, что каждый человек, который следует определенной и простой последовательности действий, может научиться передвигать свою точку сборки.

Я отметил, что он противоречит самому себе. Для меня последовательность действий означала инструкции, она означала процедуры.

— В мире магов есть только логические противоречия, — ответил он. — но в практике противоречий нет. Последовательность действий, о которой я говорил, исходит из того, чтобы быть сознательным. Для того, чтобы осознать эту последовательность, тебе нужен нагваль. Вот почему я говорю, что нагваль предоставляет минимальный шанс, но этот минимальный шанс не инструкции, подобные тому, что нужны тебе для обучения управлению машиной. Минимальный шанс заключается в осознании духа.

Он объяснил, что особая последовательность, которую он имеет в виду, призывает к осознанию того, что собственная важность является силой, которая держит точку сборки фиксированной. Когда же собственная важность ограничена, энергия, которая требовалась для нее, больше не растрачивается. И тогда возросшая энергия служит трамплином для запуска точки сборки, автоматически и непреднамеренно, в невообразимое путешествие.

Когда точка сборки сдвигается, движение само по себе влечет отход от самоотражения, а это, в свою очередь, обеспечивает очищение звена, связующего с духом. Он высказался, что в конце концов, именно самоотражение отсоединило человека от духа.

— Как я тебе уже говорил, — продолжал дон Хуан. — магия — это путешествие-возвращение. Мы победоносно возвращаемся к духу, спускаясь в ад. И из ада мы выносим трофеи. Одним из них является понимание.

Я сказал ему, что его последовательность кажется очень легкой и простой, когда он говорит о ней, но когда я пытаюсь ввести ее в практику, то нахожу ее в полной антитезе легкости и простоте.

— Нашей трудностью в этом простом продвижении, — сказал он. — является то, что большинство из нас не желают признать, что для его достижения нам нужно очень мало. Мы нацелены ожидать инструкции, учения, руководства и мастеров. И когда нам говорят, что мы не нуждаемся ни в чем, мы не верим этому. Мы становимся нарвными, потом недоверчивыми, и в конце концов, рассерженными и разочарованными. Если мы и нуждаемся в помощи, то она не в методах, а в подчеркивании. Если кто-то заставляет нас осознавать, что нам необходимо сокращение нашей собственной важности, то эта помощь реальна.

— Маги говорят, что мы не нуждаемся в тех, кто убеждал бы нас в том, что мир бесконечно сложнее самых безумных наших фантазий. Тогда почему же мы зависимы? Зачем мы умоляем кого-то руководить нами, когда можем сделать это сами? Мощный вопрос, не правда ли?

Дон Хуан замолчал. Очевидно, он хотел, чтобы я обдумал вопрос. Но в моем уме царили другие заботы. Мое воспоминание подорвало определенный фундамент, в который я непоколебимо верил, и теперь я отчаянно нуждался в том, чтобы он определил его вновь. Я нарушил долгое молчание и выразил свою озадаченность. Я сказал ему, что давно уже смирился с неизбежностью забывать целые эпизоды, от начала до конца, если они происходили в повышенном сознании. Вплоть до этого дня я мог вспомнить все, что я делал под его руководством в моем состоянии обычного сознания. Однако, завтрака с ним в Ногалесе в моем уме не существовало, пока я не воссоздал мое воспоминание о нем. А это событие должно было происходить в мире повседневных дел.

— Ты забываешь нечто очень существенное, — сказал он. — присутствия нагваля вполне достаточно для того, чтобы сдвинуть точку сборки. Я все время ублажал тебя ударом нагваля. Удар между лопатками, который я обычно наносил, был успокоительным средством. Он служил для того, чтобы устранить твои сомнения.

Маги используют физический контакт как толчок по телу. Он ничего не создает, но вызывает доверие ученика, который подлежит манипуляции.

— Тогда кто же сдвигает точку сборки, дон Хуан? — спросил я.

— Это делает дух, — ответил он тоном человека, потерявшего свое терпение.

Он, казалось, сдерживал себя, улыбаясь и покачивая головой из стороны в сторону смиренным жестом.

— Мне трудно это принять, — сказал я. — мой ум управляется законом причин и следствий.

Мои слова вызвали обычный приступ его необъяснимого смеха — необъяснимого с моей точки зрения, конечно. Я, наверное, выглядел раздосадованным. Он положил свою руку на мое плечо.

— Я смеюсь вот так периодически, потому что ты сумасшедший, — сказал он. — ответы на все вопросы, которые ты задаешь мне, прямо бросаются тебе в глаза, и ты не видишь их. Я думаю, слабоумие — это твой бич.

Его глаза были такими блестящими, такими безумными и озорными, что я в конце концов рассмеялся сам.

— Я настаиваю до изнеможения, что в магии нет процедур, — продолжал он. — нет методов, нет ступеней. Имеет значение только одна вещь — движение точки сборки. И нет процедуры, чтобы вызвать его. Это действие случается всегда само по себе.

Он подтолкнул меня, как бы выпрямляя мои плечи, а затем посмотрел на меня, взглянув прямо в глаза. Мое внимание стало прикованным к его словам.

— Давай посмотрим как ты понял это, — сказал он. — я сейчас сказал, что движение точки сборки случается само по себе. Но я также говорил, что присутствие нагваля передвигает точку сборки его ученика, и что нагваль маскирует свою безжалостность либо помогая, либо препятствуя этому передвижению. Как ты разрешишь это противоречие?

Я признался, что только что хотел спросить его об этом противоречии, но не могу и подумать о том, чтобы решить его. Я же не практикующий магию.

— А кто ты тогда? — спросил он.

— Я студент-антополог, пытающийся понять, чем занимаются маги, — ответил я.

Мое утверждение было не совсем верно, но не было и обманом.

Дон Хуан бесконтрольно расхохотался.

— Слишком поздно ты спохватился, — сказал он. — твоя точка сборки уже сдвинута. А именно ее движение и делает тебя магом.

Он заявил, что кажущееся противоречие на самом деле является двумя сторонами одной монеты. Нагваль увлекает точку сборки в движение, помогая разбить зеркало самоотражения. И это все, что может сделать нагваль. Действительной причиной движения является дух, абстрактное, то, что невозможно ни увидеть, ни ощутить, то, что кажется несуществующим, и которое тем не менее здесь. По этой причине маги утверждают, что точка сборки движется сама по себе. Или они говорят, что ее движет нагваль. Нагваль, будучи проводником абстрактного, позволяет ему выразиться через свои действия.

Я вопросительно взглянул на дон Хуана.

— Нагваль движет точку сборки, и тем не менее он сам не вызывает ее действительное движение, — сказал дон Хуан. — или, возможно, более уместно сказать, что дух выражает себя в соответствии с безупречностью нагваля. Дух может передвигать точку сборки при одном присутствии безупречного нагваля.

Он сказал, что хочет пояснить этот пункт, так как если он не будет понят, нагваль возвратится к собственной важности, и это будет его разрушением.

Он сменил тему и сказал, что, поскольку дух лишен воспринимаемой сущности, маги имеют дело скорее с особыми случаями и способами, благодаря которым они могут разбить зеркало самоотражения.

Дон Хуан заметил, что здесь важно понять практическую ценность различных способов, которыми нагвали маскируют свою безжалостность. Он сказал, что моя маска великодушия, к примеру, соответствует тому, чтобы иметь дело с людьми на поверхностном уровне, но она бесполезна для разрушения их самоотражения, поскольку вынуждает меня требовать от них почти невозможных решений. Я жду, что они прыгнут в мир магов без всякой подготовки.

— Такое решение, как этот прыжок, должно быть подготовлено заранее, — продолжал он. — а для того, чтобы подготовить его, пригодна любая маска, скрывающая безжалостность нагваля, кроме маски великодушия.

Может быть, потому, что мне отчаянно хотелось поверить, что я действительно великодушен, его замечания о моем поведении вызвали во мне ужасное чувство вины. Он заверил меня, что мне здесь нечего стыдиться и что единственным нежелательным следствием было то, что мое псевдо-великодушие не приводило к позитивному надувательству.

В этом отношении, сказал он, хотя я и напоминаю его бенефактора во многом, моя маска великодушия слишком груба, слишком очевидна, чтобы ценить меня как учителя. Маска рассудительности, такая, как его собственная, наоборот, очень эффективна в создании атмосферы, благоприятной для передвижения точки сборки. Его ученики полностью уверены в его псевдорассудительности. Фактически, она так вдохновляет их, что он без труда может обманом заставлять их напрягаться как угодно.

— То, что случилось с тобой в Гуаямосе, было примером того, как замаскированная безжалостность нагваля разрушает самоотражение, — продолжил он. — моя маска стала твоим падением. Ты, как и все вокруг меня, веришь в мою рассудительность. И конечно, ты ожидаешь прежде всего продолжения моей рассудительности.

— Когда я представил перед тобой не только старческое поведение немощного старика, но и себя в качестве старого больного человека, твой ум бросался из крайности в крайность, пытаясь восстановить последовательность моей рассудительности и твое самоотражение. И тогда ты сказал самому себе, что у меня, по-видимому, припадок.

— В конце концов, когда было уже невозможно поверить в продолжение моей рассудительности, твое зеркало начало трещать. С этого момента движение твоей точки сборки стало делом времени. Единственное, что было под вопросом, сможет ли она достичь места отсутствия жалости.

Наверное я казался дон Хуану излишне скептическим. Он объяснил, что мир нашего самоотражения или нашего ума очень непрочен и скреплен несколькими ключевыми идеями, которые служат его основным порядком. Когда эти идеи оказываются несостоятельными, основной порядок перестает функционировать.

— А чем являются эти ключевые идеи, дон Хуан? — спросил я.

— В твоём случае, в таком частном примере, как твое посещение целительницы, о котором мы говорили, ключевой идеей была последовательность, — ответил он.

— Что за последовательность? — спросил я.

— Идея того, что мы прочные болванки, — сказал он. — в наших умах наш мир поддерживается уверенностью, что мы неизменны. Мы можем принять, что наше поведение может быть модифицировано, что наши реакции и мнения могут быть изменены, но идея того, что мы можем менять свой внешний вид или быть кем-то еще, не является частью порядка нашего основного самоотражения. Когда маг прерывает этот порядок, мир разума останавливается.

Я хотел спросить его, достаточно ли нарушить последовательность человека, чтобы вызвать движение точки сборки. Он, кажется, предвидел мой вопрос и сказал, что ломка последовательности — это только смягчающее средство, а сдвинуться точке сборки помогает безжалостность нагваля.

Потом он сравнил действия, исполненные им в Гуаямосе, с действиями целительницы, которые мы обсуждали раньше. Он сказал, что целительница разрушила самоотражение людей, присутствовавших на операции, серией действий, которые не имели эквивалента в их повседневной жизни — драматическая одержимость духом, изменение голоса, вскрытие человеческого тела. Как только последовательность идеи самих себя была нарушена, точки сборки посетителей были подготовлены для передвижения.

Он напомнил мне, что в прошлом описывал для меня концепцию остановки мира. Он сказал, что остановка мира так же необходима для магов, как для меня необходимо читать и писать. Она состоит из введения диссонирующего элемента в сплетение повседневного поведения с целью остановки уже приглаженного потока повседневных событий — событий, которые внесены в каталог наших умов нашим разумом.

Диссонорующий элемент называется «неделанием» или противоположностью делания. «Деланием» называется все, что является частью целого, о котором у нас есть познавательный опыт. Неделание — элемент, который не принадлежит этому картографированному целому.

— Маги, будучи «сталкерами», понимают человеческое поведение бесподобно. — сказал он. — они, например, понимают, что люди — творение описи вещей. Знание всех обстоятельств дела частной описи вещей делает человека знатоком или мастером в своей области.

Маги знают, что когда опись вещей обычного человека становится несостоятельной, человек либо расширяет свою опись, либо его мир самоотражения разрушается. Обычный человек охотно включает в свою опись новые пункты, если они не противоречат основному порядку описи. Но если какие-то пункты противоречат этому порядку, ум человека разрушается. Опись вещей — это и есть ум. Маги рассчитывают на это, когда пытаются разбить зеркало самоотражения.

Дон Хуан объяснил, что в тот день он тщательно выбирал опоры для своего акта разрушения моей последовательности. Он медленно трансформировал себя, пока действительно не превратился в немощного старика, а затем, чтобы укрепить разрушение моей последовательности, он подсунул мне ресторан, где все знали его как старика.

Я прервал его, так как осознал противоречие, которого не замечал раньше. Он говорил тогда, что трансформировал себя, так как хотел узнать, каково оно быть старым. Повод был благосклонный и неповторимый. Я понял это заявление так, что он не был стариком до этого времени. И тем не менее все в ресторане знали его как немощного старого человека, который страдал припадками.

— Безжалостность нагваля имеет множество аспектов, — сказал он. — она подобна инструменту, который сам по себе годен для многоцелевого использования. Безжалостность — это состояние бытия. Это уровень «намерения», которого достигает нагваль.

— Он использует ее, чтобы вызвать движение своей точки сборки или точки сборки своих учеников. Или же он использует ее для «выслеживания». Я начал тот день как «сталкер», претендующий быть старым, и в конце концов, как действительно старый и немощный

человек. Моя безжалостность, управляемая моими глазами, заставила двигаться мою точку сборки.

— И хотя я был в этом ресторане много раз как старый больной человек, я тогда «выслеживал», просто разыгрывая из себя старика. Никогда прежде до этого дня моя точка сборки не сдвигалась в точную позицию старости и дряхлости.

Он сказал, что как только он вознамерился быть старым, его глаза потеряли свой блеск, и я тут же заметил это. Тревога была написана на моем лице. Потеря блеска в его глазах была следствием «намеренного» использования его глазами позиции старого человека. Когда его точка сборки перешла в эту позицию, он стал старым и на вид, и по поведению, и по чувствам.

Я попросил его пояснить идею вызова «намерения» с помощью глаз. У меня было слабое представление, что я понимаю ее, но не могу сформулировать даже для себя то, что я знаю.

— Единственно, что можно сказать об этом, это то, что «намерение» «намеренно» вызывается с помощью глаз, — сказал он. — я знаю, что это так. И тем не менее, как и ты, я не могу определить точно, что я знаю. Маги разрешили это частное затруднение принятием того, что является крайне ясным

— Люди бесконечно сложнее и таинственнее самых буйных наших фантазий.

Я настаивал, что он почти не ответил на этот вопрос.

— Все, что я могу сказать — это то, что глаза делают это, — сказал он резко. — я не знаю, как, но они делают это. Они вызывают «намерение» чем-то неопределенным, что имеется в них, в их блеске. Маги говорят, что «намерение» переживается глазами, а не разумом.

Он отказался добавить еще что-нибудь и вернулся к объяснению моего воспоминания. Он сказал, что, когда его точка сборки достигла определенной позиции, которая сделала его действительно старым, в моем уме больше уже не оставалось сомнений. Но от того, что я очень заботился о своей сверхрациональности, я тут же решил, что мне следует объяснить его трансформацию.

— Я говорю тебе вновь и вновь, что быть слишком рациональным — значит ставить себя в невыгодное положение, — сказал он. — у людей есть очень глубокое чувство магии. Мы

— Часть таинственного. Рациональность — только поверхностный лоск. Если мы сдерем этот слой, то внизу увидим мага. Некоторые из нас, однако, с огромным трудом спускаются ниже поверхностного уровня, другие, наоборот, делают это с удивительной легкостью. И ты и я одинаковы в этом отношении — мы оба здорово попотели, прежде чем позволили уйти себе от нашего самоотражения.

Я объяснил ему, что для меня поддержание своей рациональности всегда было вопросом жизни и смерти. И даже больше того, когда это касалось моих переживаний в его мире.

Он заметил, что в тот день в Гуаямосе моя рациональность была исключительно изнурительной для него. С самого начала он был вынужден использовать каждый прием, который он знал, чтобы подорвать ее. В конце концов он начал насильно цепляться руками за мои плечи, почти сгибая меня под своей тяжестью. Этот прямой физический маневр был первым толчком моего тела. И это, вместе с моим страхом, вызванным потерей его последовательности, наконец пробило мою рациональность.

Но пробивания твоей рациональности было недостаточно, — продолжал дон Хуан. — я знал, что если твоя точка сборки достигнет места отсутствия жалости, я смогу разрушить любой остаток моей последовательности. Это произошло тогда, когда я стал действительно стариком и заставил тебя объезжать город, а под конец разозлился на тебя и вlepил тебе пощечину.

— Это шокировало тебя, но ты был на пути мгновенного выхода, когда я нанес твоему зеркалу самоотражения то, что оказалось его финальным ударом. Я крикнул, что ты кровавый убийца. Я не ожидал, что ты убежишь. Я забыл о твоих буйных вспышках.

Он сказал, что несмотря на мою тактику немедленного выхода, моя точка сборки достигла места отсутствия жалости, когда я рассердился на его старческое поведение. Или все наоборот — я рассердился, поскольку моя точка сборки достигла места отсутствия жалости. Но и это уже не имеет значения. Считается только то, что моя точка сборки перешла туда.

И пока она была там, мое собственное поведение заметно изменилось. Я стал холодным, расчетливым и безразличным к личной безопасности.

Я спросил дон Хуана, «видел» ли он все это. Я не помнил, чтобы я рассказывал ему об этом. Он ответил, что знает все мои чувства благодаря самонаблюдению и воспоминанию своего собственного опыта.

Он сказал, что моя точка сборки зафиксировалась в новой позиции, когда он вернулся в свое обычное состояние. К тому времени мое убеждение о его нормальной последовательности перенесло такой глубокий сдвиг, что последовательность больше не функционировала как связанная сила. И в этот миг, со своей новой позиции, моя точка сборки позволила мне создать другой тип последовательности, который я выражал в

терминах необычной, объективной жесткости — жесткости, которая стала с тех пор моим обычным образом поведения.

— Последовательность так важна в нашей жизни, что если ее разрушить, она тут же восстанавливается вновь, — продолжал он. — в случае магов, однако, когда их точки сборки достигают места отсутствия жалости, последовательность никогда не бывает той же.

— Поскольку ты естественно медлителен, ты не заметил, что в тот день в Гуаямосе ты, среди прочих вещей, мог принимать любой вид отсутствия последовательности по его номинальной стоимости, после символической борьбы твоего разума, конечно.

Его глаза лучились смехом.

— А еще в этот день ты приобрел свою замаскированную безжалостность, — продолжил он. — твоя маска, конечно, не была так хорошо развита, как теперь, но то, что ты получил потом, является рудиментом того, во что превратилась твоя маска великодушия.

Я попытался возразить. Мне не нравилась идея замаскированной безжалостности, независимо от того, как он излагал ее.

— Не надо пробовать свою маску на мне, — сказал он, улыбаясь. — побереги ее для лучших времен — для тех, кто не знает тебя.

Он посоветовал мне вспомнить точный момент, когда у меня появляется эта маска.

— Как только ты чувствуешь, что холодная ярость накатывает на тебя, — продолжал он. — ты начинаешь маскировать ее. Ты не шутишь с ней, как делал это мой бенефактор. Ты не пытаешься рассуждать о ней вслух, подобно мне. Ты не притворяешься, что она интригует тебя, как нагваль Элиас. Это три маски нагвалей, которых я знал. А что сделал ты? Ты спокойно подошел к своей машине и отдал половину пакетов мальчишке, который помогал тебе их нести.

До этой минуты я не помнил, что кто-то действительно помогал мне нести пакеты. Я сказал дон Хуану, что видел огоньки, танцующие перед моими глазами, и думал, что вижу их, потому что, движимый своей холодной яростью, нахожусь на грани обморока.

— Ты не был на грани обморока, — ответил дон Хуан. — ты был на грани входа в состояние «сновидения» и самостоятельного «видения» духа, подобно талии и моему бенефактору.

Я сказал дон Хуану, что не великодушие заставило меня отдать пареньку пакеты, а холодная ярость. Я должен был что-то сделать, чтобы успокоить себя, и это было первым, что пришло мне в голову.

— Но это же точно то, о чем я говорил тебе. Твое великодушие — ложь, — ответил он и начал смеяться над моей тревогой.

СВИДЕТЕЛЬСТВО БЕЗУПРЕЧНОСТИ

Пока дон Хуан рассказывал о разрушении зеркала самоотражения, совсем стемнело. Я сказал дон Хуану, что выбился из сил, и, возможно, нам будет лучше отменить путешествие и вернуться домой, но он утверждал, что мы должны использовать каждую минуту отведенного нам времени для пересмотра магических историй или воспоминания о движениях моей точки сборки, насколько это возможно.

Мне захотелось пожаловаться. Я сказал, что состояние глубокой усталости, такое, как мое, порождает только неопределенность и отсутствие уверенности.

— Твоя неопределенность ожидаема, — деловым тоном произнес дон Хуан. — в конце концов, ты имеешь дело с новым типом последовательности. Нужно время, чтобы привыкнуть к нему. Воины тратят годы в преддверии ада, где они уже не обычные люди, но еще и не маги.

— И что в конце концов происходит с ними? — спросил я. — они выбирают, какую из сторон принять?

— Нет, у них нет выбора, — ответил он. — каждый из них осознает, что он уже маг. Трудность в том, что зеркало самоотражения очень крепкое и отпускает свои жертвы только после жестокой борьбы.

Он замолчал и как бы ушел в раздумия. Его тело вошло в состояние жесткости, которое я наблюдал всегда, когда им овладевало то, что я характеризовал как мечтания, а он описывал как моменты передвижения его точки сборки, в течение которых он мог вспоминать.

— Я хочу рассказать тебе историю о свидетельстве безупречности мага, — сказал он неожиданно после получаса полнейшего молчания. — я хочу рассказать тебе историю моей смерти.

Он начал говорить о том, что случилось с ним после приезда в Дуранго, все в той же женской одежде, после многих месяцев путешествия через центральную Мексику. Он сказал, что старый Белисарио отвел его в гасиенду, чтобы спрятать от человека-чудовища, который гнался за ним.

После прибытия на место дон Хуан — очень отважно для своей молчаливой природы — познакомился с каждым, кто жил в этом доме. Здесь находились семь красивых женщин и странный, необщительный мужчина, который не пожелал с ним и слова сказать. Дон Хуан восхищался чудесными женщинами и избавлением от попыток чудовища поймать его. А они еще больше восхищались его маскировкой и историей, которая произошла с ним. Они никогда не уставали выслушивать подробности его путешествия, и каждая из них поражалась тому, как совершенно знание, полученное им во время долгого пути. Правда, дон Хуана немного удивляла их осанка и самоуверенность, которые были просто невероятными для него.

Семеро женщин были удивительны, и общение с ними делало дон Хуана счастливым. Он любил их и верил им. Они обходились с ним с должным уважением и вниманием. Но что-то в их глазах говорило ему, что за фасадом очарования скрывается ужасающая холодность и равнодушие, которое он никогда не сможет постичь.

Ему приходило в голову, что при такой легкости поведения и презрении к формальностям, эти сильные и красивые женщины должны быть свободными. Но для него было ясно, что это не так.

Дон Хуану нравилось в одиночестве бродить по имению. Его поражал огромный особняк и прилегающие к нему земли. Он никогда не видел ничего подобного. Это был старый колониальный дом с высокой оградой. Внутри были балкончики с цветочными горшками и внутренние дворики с громадными фруктовыми деревьями, которые дарили тень, уединение и тишину.

Вокруг двориков на первом этаже располагались огромные комнаты с просторными коридорами. Выше находились таинственные спальни, куда дон Хуану не позволяли ступить и ногой.

В течение следующих дней дон Хуана поразил глубокий интерес женщин к его благополучию. Они буквально все делали для него и ловили каждое его слово. Никогда прежде люди не были так добры к нему. И все же, никогда прежде он не чувствовал себя таким одиноким. Он постоянно находился в обществе красивых, необычных женщин и, тем не менее, он никогда не был так одинок.

Дон Хуан был уверен, что его чувство одиночества возникало от неспособности предсказывать поведение женщин или знать их действительные чувства. Он только знал, что они говорят с ним о самих себе.

Через несколько дней после приезда женщина, которая казалась лидером остальных, дала ему совершенно новую мужскую одежду и сказала, что притворяться девушкой ему больше необязательно, поскольку, кем бы ни было чудовище, его теперь нигде не видно. Она сказала ему, что он может идти, куда пожелает.

Дон Хуан попросил повидаться с Белисарио, которого не видел со дня приезда. Женщина сказала, что Белисарио ушел, и уходя сказал, что дон Хуан может оставаться в доме, сколько захочет — но при условии, если ему будет грозить опасность.

Дон Хуан заявил, что ему угрожает смертельная опасность. В течение нескольких дней, находясь в доме, он постоянно видел монстра, который крался по полям, окружавшим дом. Женщина не поверила ему и сказала без обиняков, что он жульничает и говорит о чудовище только затем, чтобы они не прогоняли его. Она сказала ему, что в их доме нет места для бездельника. Она заявила, что они серьезные люди, которые усердно работают, и они не могут себе позволить держать у себя лодыря.

Дон Хуан был оскорблен. Он выбежал из дома, но тут же заметил чудовище, которое скрывалось за декоративными кустами, примыкавшими к стене. Его гнев мгновенно сменился на испуг.

Он бросился назад к дому и начал умолять женщину, что-бы она позволила ему остаться. Он обещал работать, как пеон, без платы, только за то, чтобы оставаться в гасиенде.

Она согласилась при уговоре, что дон Хуан примет два условия, что он не будет задавать никаких вопросов и все будет делать только так, как ему прикажут, не требуя никаких объяснений. Она предупредила его, что, если он нарушит правила, его прибытие в доме будет невозможным.

— Я остался в доме, хотя все внутри меня протестовало против этого, — продолжал дон Хуан. — мне ужасно не хотелось принимать ее условия, но я знал, что снаружи меня поджидает монстр. А в доме я был в безопасности. Я знал, что человек-чудовище всегда натывается на невидимую линию — границу, окружавшую дом примерно на расстоянии ста шагов. Внутри этого круга я был надежно защищен. Как я понимал, в этом доме было что-то, что отпугивало человека-чудовище, и это что-то интересовало меня больше всего.

Еще я понял, что когда люди из этого дома были рядом со мной, они не видели чудовища.

После того, как несколько недель в его ситуации не было никаких перемен, вернулся тот молодой человек, который, как верил дон Хуан, жил в доме монстра под видом старого

Белисарио. Он рассказал дон Хуану, что только что приехал. Его настоящее имя было Хулиан, и он был владельцем этой гасиенды.

Дон Хуан, естественно, спросил о его маскировке. Но молодой человек, глядя ему прямо в глаза и без малейших колебаний, сказал, что понятия не имеет ни о какой маскировке.

— Как ты можешь, находясь здесь, в моем доме, говорить такую чушь? — закричал он на дон Хуана. — за кого ты меня принимаешь?

— Но — ты же Белисарио — или это не ты? — настаивал дон Хуан.

— Нет, — ответил молодой человек. — Белисарио старик. А я Хулиан, и я молод. Ты что, не видишь?

Дон Хуан мягко признался, что он не был полностью убежден, что все дело заключается в маскировке, и тут же понял абсурдность своего заявления. Если старость не была маскировкой, то она была трансформацией, превращением, а это было еще более абсурдным.

Замешательство дон Хуана становилось все большим и большим. Он спросил о чудовище, и молодой человек ответил, что не имеет представления, о каком чудовище его спрашивают. Он допускал, что дон Хуан был чем-то напуган, иначе старый Белисарио не дал бы ему приюта. Но по какой бы причине дон Хуан тут не скрывался, это его личное дело.

Дон Хуан был обижен холодным тоном и манерами своего хозяина. Риска вызвать его гнев, дон Хуан напомнил ему, что они уже встречались. Его хозяин ответил, что до этого дня никогда не видел дон Хуана прежде, но он должен уважать желания Белисарио, так как кое-чем обязан ему.

Молодой человек добавил, что он является не только владельцем этого дома, но и властвует над каждым человеком этого дома, в том числе и дон Хуаном, который при их обоюдной договоренности может стать частью этого строения. Если дон Хуану такое предложение не нравится, он может уйти и рискнуть встретиться с монстром, которого, кстати, никто еще не видел.

Прежде чем выбрать то или иное решение, дон Хуан разумно предпочел узнать, что значит быть частью дома.

Молодой человек указал дон Хуану на крыло особняка, которое еще строилось, и сказал, что эта часть дома будет символом его собственной жизни и его поступков. Она незавершена. Строительство действительно продвигается вперед, но есть вероятность, что оно никогда не будет закончено.

— Ты будешь одним из элементов этой незаконченной постройки, — сказал он дон Хуану. — ну, скажем, ты будешь балкой, которая поддерживает крышу. Пока мы не поставим ее на место и не возведем на ней крышу, неизвестно, сможет ли она выдержать ее вес. Мастер-плотник сказал, что сможет. Это я мастер-плотник.

Такое метафорическое объяснение для дон Хуана ничего не значило. Он хотел знать, что ждет его в отношении физического труда.

Молодой человек сделал другую попытку, — я нагваль, — объяснил он. — я приношу свободу. Я лидер людей этого дома. Ты находишься в этом доме, и поэтому становишься его частью, нравится тебе это или нет.

Дон Хуан ошеломлено смотрел на него, не в силах ничего спросить.

— Я нагваль Хулиан, — сказал, улыбаясь, его хозяин. — без моего вмешательства нет пути к свободе.

Дон Хуан по-прежнему не понимал. Но он начал беспокоиться о своей безопасности — у человека перед ним явно было что-то не в порядке с головой. Он был так ошарашен неожиданным развитием событий, что даже не заинтересовался прозвучавшим словом «нагваль». Он знал, что нагваль — это маг, но не мог принять в полной мере слова нагваля Хулиана. Или скорее, он понимал их каким-то образом, а вот его ум — нет.

Молодой человек пристально взглянул на него и сказал, что физической работой дон Хуана будет исполнение обязанностей его личного камердинера и помощника. Платить ему за это не будут, но он получит отличную комнату и питание. Время от времени дон Хуан будет выполнять другие небольшие поручения, которые потребуют особого внимания. В его власти будет выбор — выполнять эти поручения самому или смотреть, как их выполняют другие. За такие особые услуги он будет получать немного денег, которые пойдут на его счет, учрежденный другими членами домохозяйства. Таким образом, даже если он захочет уйти, у него будет небольшая сумма денег, чтобы дотянуть до лучших времен.

Молодой человек подчеркнул, что дон Хуан не должен считать себя заключенным, но если он решит остаться, ему надо будет работать. И еще важнее, чем работа, были три требования, которые он должен был выполнять. Он должен был прилагать все усилия, чтобы научиться всему, чему его будут обучать женщины. Его поведение со всеми людьми в доме должно быть образцовым, а это значит, что он должен был изучать свое поведение и отношение к окружающим каждую минуту каждого дня. Когда же он будет обращаться к

молодому человеку в прямой беседе или говорить о нем, ему следует называть его нагвалем Хулианом.

Дон Хуан неохотно принял условия. И хотя он часто впадал в свою привычную мрачность и угрюмость, он быстро научился своей работе. Одного он не мог понять, что от него хотят в вопросах отношений и поведения. И хотя ему не удавалось подыскать конкретный пример, он честно верил, что его обманывают и эксплуатируют.

Когда его замкнутость взяла верх, он впал в непрерывную угрюмость и с трудом выдавливал из себя слова.

Тогда нагваль Хулиан собрал всех членов своего хозяйства и объяснил им, что хотя он и очень нуждается в помощнике, ему следует оставаться верным их решению. Если им не нравится угрюмое и непривлекательное отношение его нового ординарца, они вправе высказать это. Если большинство голосов не одобрит поведение дон Хуана, юноша уйдет, рискуя встретить все, что ждет его за оградой, будь то чудовище или его собственная ложь.

Потом нагваль Хулиан пригласил их выйти из дома и приказал дон Хуану показать им человека-чудовище. Дон Хуан сразу заметил его, но никто кроме него чудовища не видел. Дон Хуан безумно бегал от одного человека к другому, настаивая, что монстр здесь. Он умолял их помочь ему. А они пропускали его просьбы мимо ушей, называя его сумасшедшим.

И тогда нагваль Хулиан поставил судьбу дон Хуана на голосование. Необщительный мужчина отказался голосовать. Он пожал плечами и пошел прочь. Все женщины высказались против пребывания дон Хуана в доме. Они утверждали, что он слишком замкнут и невоспитан. В пылу обсуждения нагваль Хулиан внезапно изменил свое мнение и стал защищать дон Хуана. Он предположил, что женщины слишком неверно оценивают бедного юношу, и что, может быть, он совсем не сумасшедший и действительно видит монстра. Он сказал, что его замкнутость, вероятно, является результатом его беспокойства. Последовал ужасный спор. Мнения столкнулись, возникла ссора, женщины кричали на нагваля.

Дон Хуан слышал все, но был по-прежнему озабочен другим. Он знал, что они выгонят его, и что человек-чудовище поймает его и сгноит в рабстве. Он заплакал от полной беспомощности.

Его отчаяние и слезы смягчили несколько раз» яренных женщин. Женщина-лидер предложила другой вариант: трехнедельный испытательный срок, в течение которого действия дон Хуана и его отношение будут ежедневно оцениваться всеми женщинами. Она предупредила дон Хуана, что если за это время поступит хоть одна жалоба о его плохом отношении, его вышвырнут навсегда. Дон Хуан рассказал, как нагваль Хулиан по отечески отвел его в сторону и еще глубже вонзил в него клин страха. Он прошептал дон Хуану, что знает наверняка о том, что монстр не только существует, но и скрывается в окрестностях. Тем не менее, выполняя определенные предыдущие соглашения с женщинами, соглашения, о которых он должен молчать, ему нельзя было рассказывать женщинам то, что он знал. Он посоветовал дон Хуану прекратить демонстрацию своей упрямой, угрюмой личности и притвориться ее противоположностью.

— Притворись счастливым и довольным, — сказал он дон Хуану. — если ты не сделаешь этого, женщины выкинут тебя отсюда. Одна перспектива этого должна пугать тебя. Используй свой страх как движущую силу. Это все, что у тебя осталось.

Все колебания и мысли, которые осаждали дон Хуана, вмиг испарились при виде человека-чудовища. Монстр нетерпеливо ожидал на краю невидимой линии, осознавая, по-видимому, какой ненадежной была позиция дон Хуана. Казалось, что он страшно голоден, и теперь с тревогой ожидает долгожданного пира.

Нагваль Хулиан вбил клин страха еще глубже.

— Если бы я был на твоём месте, — сказал он дон Хуану. — я бы вел себя как ангел. Я делал бы все, что понравится этим женщинам, только бы быть подальше от этой дьявольской скотины.

— Теперь ты видишь монстра? — спросил дон Хуан.

— Конечно, — ответил он. — и я вижу, что если ты уйдешь, или женщины прогонят тебя, это чудовище поймает тебя и закует в оковы. Это наверняка изменит твоё отношение. У рабов нет выбора. Они должны хорошо вести себя со своим господином. Они говорят, что боль, причиняемая тираном, превосходит границы возможного.

Дон Хуан знал, что его единственная надежда в том, чтобы стать настолько приятным, насколько это возможно вообще. Страх стать жертвой этого человекообразного чудовища был действительно мощной психологической силой.

Дон Хуан сказал мне, что по какой-то причуде своего характера он был грубым только с женщинами, но никогда не вел себя плохо в присутствии нагваля Хулиана. По какой-то причине, которую дон Хуан не мог определить, в его уме сложилось мнение, что нагваль — не тот человек, с кем можно притворяться, ни сознательно, ни подсознательно.

Другой домочадец — необщительный мужчина — для дон Хуана не имел значения. Дон Хуан составил о нем мнение еще при первой встрече с ним и в расчет его не принимал. Ему казалось, что мужчина был слабым, ленивым и находился под каблуком красивых женщин. Позднее, когда дон Хуан лучше осознал личность нагваля, он узнал, что блеск других определенно затмевал этого мужчину.

С течением времени природа лидерства и авторитета среди них стала ясна для дон Хуана. Он был удивлен и даже восхищен, поняв, что здесь нет ни лучших, ни худших. Некоторые из них выполняли обязанности, которые другим были недоступны, но это не давало им превосходства, а просто делало их разными. Однако, окончательное решение всегда автоматически оставалось за нагвалем Хулианом, и он, по-видимому, получал огромное удовольствие, выражая свои решения в форме грубых шуток, которые он направлял на каждого.

Еще среди них существовала тайна о женщине, которую они называли талией, женщиной-нагваль. Никто не говорил дон Хуану, кто она была или что значит быть женщиной-нагваль. Для него все же было ясным, что одна из семи женщин была талией. Все они так много говорили о ней, что любопытство дон Хуана поднялось до огромных высот. Он задавал так много вопросов, что женщина, которая была лидером остальных, пообещала научить его читать и писать, чтобы он мог лучше использовать свои дедуктивные способности. Она сказала, что он должен научиться скорее описывать вещи, чем загонять их в память. Таким образом он соберет огромную коллекцию фактов о талии, фактов, которые он должен будет перечитывать и изучать до тех пор, пока истина не станет очевидной.

Как бы предвосхищая циничный ответ, который возник в его уме, она заявила, что хотя это и может показаться абсурдным усилием, попытка узнать, кем была талия, является одной из наиболее трудных и стоящих задач, которые кто-либо может взять на себя.

Все это, сказала она, было шутилкой частью. И уже серьезно добавила, что дон Хуану необходимо изучить основы счетоводства, чтобы помогать нагвалю управлять хозяйством.

Она немедленно принялась за ежедневные уроки, и за один год дон Хуан продвинулся так далеко, что мог читать, писать и вести расчетные книги.

Все шло так гладко, что он не замечал перемен в себе, наиболее значительной из которых было появление чувства беспристрастности. Пока он занимался этим, у него продолжало оставаться впечатление, что в доме ничего не происходит, наверное, потому, что он никак не мог распознать своих домочадцев. Они были зеркалами, которые не давали отражения.

— Я укрывался в этом доме почти три года, — продолжал дон Хуан. — за это время со мной происходили бесчисленные вещи, но я не думал тогда, какими важными они были на самом деле. Или, скорее всего, я предпочитал считать их неважными. Я был убежден, что все эти три года я только и делал, что скрывался, трясся от страха и работал, как мул.

Дон Хуан засмеялся и рассказал, что именно тогда, по настоянию дон Хулиана, он согласился обучаться магии, что-бы избавиться от страха, который уничтожал его каждый раз, когда он видел чудовище, бессменно стерегущее его. И хотя нагваль Хулиан рассказывал ему об очень многом, ему, казалось, больше нравилось подшучивать над ним. Поэтому, если говорить честно, он был уверен, что ничему не научится здесь, даже добровольно связавшись с магией, потому что было совершенно ясно, что никто в этом доме не знает и не практикует магию.

Но однажды он обнаружил себя целеустремленно идущим, без какой-либо охоты со своей стороны, к невидимой черте, которая удерживала чудовище на расстоянии. Монстр, как всегда, был здесь и наблюдал за домом. Но в этот день вместо того, чтобы повернуть назад и убежать в дом в поисках защиты, дон Хуан продолжал идти вперед.

Невероятная волна энергии заставляла его идти, не заботясь о своей безопасности.

Чувство тотальной беспристрастности позволило ему предстать перед чудовищем, которое терроризировало его много лет. Дон Хуан ждал, что монстр бросится на него и схватит за горло, но эта мысль больше не ужасала его. На расстоянии нескольких дюймов он взглянул на чудовище, а потом переступил линию. Но монстр не бросился на него, чего всегда боялся дон Хуан, вместо этого он стал расплываться, потеряв свои очертания, и наконец превратился в туманную бесцветность, в едва различимое пятно тумана.

Дон Хуан подошел к туману, и пятно отступило как бы в страхе. Он гнал пятно тумана через поля, пока не понял, что от монстра ничего не осталось. И тогда у него появилось знание, что здесь никогда ничего не было. И все же он не мог объяснить себе, чего же он боялся. У него появилось смутное ощущение, что, хотя он точно знал о существовании монстра, что-то мешало ему думать о нем. Он тут же понял, что этот негодяй, нагваль Хулиан, знает все, что происходило здесь, знает всю истину. До этой минуты дон Хуан даже не предполагал, что нагваль Хулиан способен на такое надувательство.

Перед тем, как свести с ним счеты, дон Хуан решил отдалиться удовольствию обойти без провожатых все владения этого дома. Никогда бы раньше он не позволил себе этого.

Прежде, когда ему надо было выйти за невидимую черту, его сопровождал кто-нибудь из хозяев этого дома. Это ставило серьезные ограничения на его передвижения. Два или три раза он пытался пройтись в одиночку, но понял, что рискует быть уничтоженным в лапах монстра.

Переполненный необычной мощью, дон Хуан вошел в дом, но вместо того, чтобы похвастать своей новой свободой и силой, он собрал всех домочадцев и гневно потребовал, чтобы они объяснили причину своей лжи. Он обвинил их в том, что они заставляли его работать, как раба, играя на его страхе перед несуществующим чудовищем.

Женщины рассмеялись, словно он рассказал им веселую шутку. И только у нагваля Хулиана был вид провинившегося, особенно когда дон Хуан, ломающимся от сильной обиды голосом описал три года своего постоянного страха. Нагваль Хулиан не выдержал и заплакал во весь голос, когда дон Хуан потребовал извинения за то беспокойство, с каким его эксплуатировали.

— Но мы же говорили тебе, что чудовища не существует, — сказала одна из женщин.

Дон Хуан возмущенно посмотрел на нагваля Хулиана, который тут же испуганно с» ежился.

— Он знал, что монстр существует, — закричал дон Хуан, тыча пальцем в сторону нагваля.

И вдруг он понял, что сказал неправду, так как нагваль Хулиан первоначально говорил ему, что чудовища не существует.

— Чудовища не было, — поправился дон Хуан, дрожа от ярости. — это был один из его трюков.

Нагваль Хулиан, бесконтрольно зарывав, попросил прощения у дон Хуана, в то время как женщины выли от хохота. Дон Хуан никогда не видел их в таком состоянии.

— Ты знал с самого начала, что никакого чудовища не было. Ты обманул меня, — кричал он нагвалю Хулиану, который, опустив голову, с глазами, полными слез, признал свою вину.

— Конечно, я обманул тебя, — прошептал он. — здесь никогда не было никакого монстра. А то, что ты принимал за чудовище, было просто сгустком энергии. Твой страх превратил его в чудовище.

— Ты говорил мне, что монстр хочет сожрать меня. Как ты посмел мне так лгать? — кричал на него дон Хуан.

— Пожирание монстром было символом, — мягко ответил нагваль Хулиан. — твой реальный враг — твоя глупость. Ты находишься в смертельной опасности, потому что твой монстр пожирает тебя сейчас.

Дон Хуан завопил, что ему не нужны заявления слабоумного. Он настаивает, чтобы они все дали ему обещание больше никогда не ограничивать его стремление уйти от них.

— Можешь уходить, когда захочешь, — резко ответил нагваль Хулиан.

— Ты хочешь сказать, что я могу уйти прямо сейчас? — спросил дон Хуан.

— А ты хочешь этого? — спросил нагваль.

— Да, я хочу уйти из этого гадкого места и гадкой кучки лгунов, которые живут здесь, — закричал дон Хуан.

Нагваль Хулиан приказал выплатить дон Хуану все его сбережения и с сияющими глазами пожелал ему счастья, процветания и мудрости.

Женщины не пожелали попрощаться с ним. Они пристально смотрели на него до тех пор, пока он не опустил голову, избегая их палящего взора.

Дон Хуан сложил свои деньги в карман, и, не оборачиваясь, ушел, радуясь окончанию этого испытания. Мир вокруг был для него знаком вопросом. Он тосковал по нему, находясь внутри дома, он был оторван от него. А теперь, молодой и сильный, он имел и деньги в своем кармане, и жажду к жизни.

Он ушел от них, не сказав ни слова благодарности. Его гнев, так долго сдерживаемый страхом, буквально вырвался на поверхность. А ведь он даже учился, чтобы понравиться им — а теперь чувствовал себя обманутым и преданным. Ему захотелось убежать отсюда как можно дальше.

В городе у него возникли первые нежелательные трудности. Путешествовать оказалось очень дорого и трудно. Его научили тому, что если он хочет побыстрее уехать из города, ему не следует выбирать направление, а надо просто найти таких погонщиков мулов, которые захотели бы взять его с собой. Через несколько дней он уехал с надежным погонщиком в порт Мазатлан.

— Хотя в то время мне было только двадцать три года, — сказал дон Хуан. — я чувствовал, что прожил целую жизнь. Единственной вещью, которую я еще не испытал, был секс. Нагваль Хулиан говорил мне, что благодаря тому, что я еще ни разу не был с женщиной, я и обладаю такой силой и выносливостью. Нагваль Хулиан говорил, что у него оставалось совсем немного времени для работы со мной, прежде чем мир поймает меня.

— Что он этим хотел сказать, дон Хуан? — спросил я.

— Он хотел сказать, что я и понятия не имею о той чертовщине, на которую напрашивался, — ответил дон Хуан. — и что у него было мало времени, чтобы выстроить мои баррикады, моих молчаливых защитников.

— Что такое молчаливый защитник, дон Хуан? — спросил я.

— Это спаситель, — ответил он. — молчаливый защитник — это волна необъяснимой энергии, которая приходит к воину, когда ничто другое больше не помогает.

Мой бенефактор знал, какое направление примет моя жизнь, когда я выйду из-под его влияния. Поэтому он изо всех сил пытался дать мне как можно больше точек зрения магов. Эти точки зрения магов должны были стать моими молчаливыми защитниками.

— А что такое точки зрения магов? — спросил я.

— Позиции точки сборки, — ответил он. — бесконечное количество позиций, которых могла бы достигнуть точка сборки. В каждом и любом из этих поверхностных или глубоких передвижений маг может укрепить свою новую последовательность.

Он повторил, что все пережитое им благодаря его бенефактору или при его руководстве было результатом либо мельчайших, либо значительных передвижений его точки сборки. Его бенефактор заставлял его переживать бесчисленное множество точек зрения или выборов, количество которых было более чем достаточно, поскольку он знал, что судьбой дон Хуана было быть призванным объяснить то, что делалось магами, и кем они были.

— Эффект этих перемещений точки сборки оказался кумулятивным, — продолжал он. — он давит на тебя, независимо от того, понимаешь ли ты это или нет. Такое накопление сработало, в конце концов, и со мной.

— Вскоре после того, как я вошел в контакт с нагвалем, моя точка сборки сдвинулась настолько глубоко, что я мог «видеть». Я «видел» энергетическое поле в виде монстра. И моя точка зрения сдерживала дальнейшее движение, пока, наконец, я не «увидел» монстра тем, чем он был на самом деле — энергетическим полем. Я преуспел в «видении», но не знал этого. Я думал, что ничего не делаю и ничему не обучаюсь. Я был глуп до невероятности.

— Ты был слишком молод, дон Хуан, — сказал я. — ты не мог поступить иначе.

Он засмеялся и хотел что-то сказать, но затем, казалось, переменял свое решение. Он пожал плечами и продолжил свой рассказ.

Дон Хуан сказал, что, когда он прибыл в Мазатлан, он был практически уже опытным погонщиком мулов, и ему предложили постоянную работу в караване мулов. Такая договоренность была ему по душе, а идея, что он будет курсировать между Дуранго и Мазатланом, безмерно радовала его. Но были две вещи, которые беспокоили его: что он до сих пор не был с женщиной, и сильное, хотя и необъяснимое желание уйти на север. Он не знал, зачем ему это. Он знал только, что где-то на севере что-то ожидает его. Это чувство было таким сильным, что в конце концов он отказался от гарантированной, постоянной работы, намереваясь отправиться на север.

Его огромная сила и новая, непостижимая хитрость помогали ему находить работу даже там, где ее бы не нашел никто. Так, зарабатывая себе на дорогу, он упорно продвигался на север, в город Синалоа. И здесь его путешествие закончилось. Он встретил молодую вдову, индейку из племени яки, жену человека, которому дон Хуан был многим обязан.

Стараясь оплатить свой долг, он помогал вдове и ее детям, и, не осознавая этого, полностью вошел в роль мужа и отца.

Эта новая ответственность легла на его плечи тяжелым бременем. Он потерял свою свободу идти, куда захочешь, он даже потерял свое желание идти на север. Эту потерю ему компенсировала глубокая привязанность женщины и ее детей.

— Как муж и отец, я переживал моменты возвышенного счастья, — сказал дон Хуан. — но это было до тех пор, пока я первый раз не заметил нечто поистине ужасное. Я понял, что потерял чувство беспристрастности и отрешенности, которое я приобрел во время пребывания в доме нагваля Хулиана. И тогда я нашел себя похожим на тех людей, что окружали меня.

Дон Хуан сказал, что год неумолимой шлифовки заставил его потерять последние следы той новой индивидуальности, которую он получил в доме нагваля. Он начал с глубокой, но отчужденной привязанности к женщине и ее детям. Эта беспристрастная привязанность позволяла ему играть роль мужа и отца непринужденно и со вкусом. Но с течением времени его беспристрастная привязанность превратилась в безудержную страсть, которая привела его к потере своей эффективности.

Отход от чувства беспристрастности дал ему силу любить. Потеря беспристрастности наделила его банальными потребностями, отчаянием и безнадежностью — отличительными приметами мира повседневной жизни. И все же уход был его инициативой. За годы пребывания в доме нагваля он приобрел динамизм, который прекрасно служил ему, когда он нападал на самого себя.

Но более иссушающей карой было знание того, что его физическая энергия убывает. Фактически, будучи в полном здравии, однажды он остался полностью парализованным. Он не чувствовал боли. У него не было паники. Было так, словно его тело, наконец, поняло, что он может получить так отчаянно желаемые им мир и спокойствие только после того, как он перестанет двигаться.

Лежа беспомощно в постели, он мог только думать. И тогда к нему пришло понимание — он сломался, поскольку не имел абстрактной цели. Он знал, что люди в доме нагваля были экстраординарными, потому что стремились к свободе, как к своей абстрактной цели. Он не мог понять, чем была свобода, но знал, что она являла собой противоположность его собственным конкретным нуждам.

Отсутствие абстрактной цели сделало его больным и беспомощным. Он больше не мог спасти свою приемную семью от чудовищной нищеты. Вместо этого они втянули его в ту же бедность, печаль и безнадежность, которую он знал до встречи с нагвалем.

Пересматривая свою жизнь, он осознал, что только годы, проведенные с нагвалем, были временем, когда он не был жалким и не имел конкретных нужд. Нищета оказалась состоянием бытия, освоенного им в момент, когда конкретные потребности пересилили его.

В первый раз с того момента, как он был ранен много лет назад, дон Хуан понял до конца, что нагваль Хулиан действительно был нагвалем, лидером, его бенефактором. Он понял, что хотел сказать его бенефактор, говоря, что нет свободы без вмешательства нагваля. Теперь у дон Хуана не оставалось сомнений, что его бенефактор и все члены дома его благодетеля были магами. С пронзающей душу болью дон Хуан понял, что упустил свой шанс быть с ними.

Когда же давление его физической беспомощности показалось невыносимым, его паралич прошел так же таинственно, как и возник. Однажды он просто встал с постели и пошел на работу. Но его судьба не стала лучше. Он с трудом сводил концы с концами.

Прошел еще один год. Ему по-прежнему не везло, единственное, в чем он преуспел сверх своих ожиданий, оказалось полным пересмотром своей жизни. И тогда он понял, почему он любит и не может оставить этих детей, он понял, почему не должен оставаться с ними, он понял, почему не может предпочесть один выбор другому.

Дон Хуан знал, что он зашел в тупик и что единственным действием, которое бы соответствовало тому, чему он научился в доме нагваля, было одно — умереть, как воин. Однажды ночью, после тяжелого дня передрыг и бессмысленного труда, он стал терпеливо ожидать прихода своей смерти.

Он был так уверен в своей кончине, что его жена и дети присоединились к нему в знак солидарности — они тоже хотели умереть. Все четверо садились в полнейшей неподвижности, ожидая смерть, и ночь за ночью пересматривали свои жизни.

Дон Хуан убедил их теми же словами, которые использовал его бенефактор.

— Не желай ее, — говорил его бенефактор. — просто жди, пока она не придет. Не пытайся воображать, на что похожа смерть. Просто будь здесь, пока она не затащит тебя в свой поток.

Тихо шло время, усиливая их ментально, на физическом же плане их истощенные тела говорили о своей безнадежной борьбе.

Но однажды дон Хуан подумал, что его судьба начала изменяться. Он нашел временную работу, с группой сельскохозяйственных рабочих был нанят на уборочный сезон. Но дух имел другие планы на него. Через пару дней после того, как он начал работу, кто-то украл его шляпу. И так как ему не на что было купить себе новую, он работал без нее под палящим солнцем.

Защищаясь от солнца, он накрыл голову тряпкой и пучком соломы. Рабочие, бывшие рядом с ним, начали смеяться и издеваться над ним. Он их игнорировал. В сравнении с тем, что жизнь троих людей зависела от его труда, то, как он выглядел, мало заботило его. Но люди на этом не остановились. Они кричали и смеялись до тех пор, пока бригадир, испугавшись, что рабочие взбунтуются, на всякий случай не решил уволить дон Хуана.

Дикая ярость одолела чувство трезвости дон Хуана и его осторожность. Он знал, что с ним поступают подло. Моральное право было на его стороне. Он издал холодный, пронзительный крик, схватил одного из мужчин и поднял к себе на плечи, намереваясь сломать ему спину. Но он подумал о голодных детях. Он подумал об их дисциплинированных маленьких телах, когда они сидят с ним ночь за ночью, ожидая смерть. Он опустил человека вниз и зашагал прочь.

Дон Хуан сказал, что он сел тогда на краю поля, где работали люди, и все отчаяние, которое скопилось в нем, в конце концов прорвалось. Это была молчаливая ярость — но не на людей вокруг него. Он неистовствовал на самого себя, неистовствовал до тех пор, пока весь его гнев не прошел.

— Я сел на виду всех этих людей и заплакал, — продолжал дон Хуан. — они смотрели на меня как на сумасшедшего, которым я в конце концов и был, но это не волновало меня. Я был выше всех волнений.

— Бригадир почувствовал жалость ко мне и подошел, чтобы успокоить меня. Он думал, что я плачу о самом себе. Он не мог знать, что я плачу о духе.

Дон Хуан сказал, что, когда его ярость прошла, к нему пришел молчаливый защитник. Он появился в форме непостижимой волны энергии, которая покидала его с ясным чувством, что смерть вот-вот набросится на него. Он знал, что больше никогда не сможет увидеть свою приемную семью. Он извинился перед ними громким голосом за то, что его стойкости и мудрости не хватило для того, чтобы вырвать их из этого ада на земле.

Рабочие продолжали смеяться и передразнивать его. Он смутно слышал их голоса. Слезы набухли в его груди, когда он обратился к духу и поблагодарил его за то, что он поставил его на пути нагваля, дав тем самым незаслуженный шанс быть свободным. Он слышал вопли непонимающих людей. Он слышал их оскорбления и крики, он слышал их как бы внутри себя. Они имели право насмеяться над ним. Он был у входа в вечность и не осознал этого.

— Я понял, как был прав мой бенефактор, — сказал дон Хуан. — моя глупость была монстром, и она все-таки пожрала меня. В тот миг, когда возникла эта мысль, я понял, что все, что я мог сказать или сделать, было бесполезно. Я потерял свой шанс. Теперь я был только посмешищем для этих людей. Духа наверняка не волновало мое отчаяние. Здесь нас было слишком много — людей со своим мелким, личным адом, порожденным нашей глупостью, чтобы дух мог обращать на каждого внимание.

— Я встал на колени и повернулся лицом на юго-восток. Я еще раз поблагодарил моего бенефактора и рассказал духу, как мне стыдно. О, как стыдно! На последнем дыхании я попрощался с миром, который мог быть прекрасным, имей бы я мудрость. Огромная волна надвигалась на меня. Сначала я чувствовал ее. Потом услышал, и, наконец, увидел ее, несущуюся на меня с юго-востока через поля. Она достигла меня и накрыла своей чернотой. И луч моей жизни ушел. Мой ад подошел к концу. Наконец-то я был мертв! Наконец-то я был полностью свободен!

История дон Хуана опустошила меня. Он игнорировал все мои попытки поговорить о ней. Он сказал, что в другое время и в другом месте мы сможем обсудить ее. Дон Хуан потребовал, чтобы мы занялись тем, зачем пришли сюда — разъяснением мастерства сознания. Через пару дней, когда мы спустились с гор, он внезапно начал говорить о своей истории. Мы присели отдохнуть. Фактически, это я нуждался в том, чтобы перевести дух. Дон Хуан, казалось, ничуть не устал.

— Сражение мага за уверенность в себе — самое драматическое сражение, — сказал дон Хуан. — оно болезненно и дается дорогой ценой. Во многих, очень многих случаях оно стоит магам их жизней.

Он объяснил, что для того, чтобы маг обрел новую и полную уверенность в своих действиях или в своей позиции в мире магов, или для того, чтобы разумно использовать свою новую последовательность, он должен сделать недействительной последовательность своей прежней жизни. Только тогда его действия будут обладать уверенностью, необходимой для того, чтобы укрепить и сбалансировать незначительность и нестабильность его новой последовательности.

— Маги-видящие наших времен называли этот процесс недействительности свидетельством безупречности или символической, но окончательной смертью магов, — сказал дон Хуан. — на том поле в Синалоа я получил свое свидетельство безупречности. Я умер там. Незначительность моей новой последовательности стоила мне моей жизни.

— Но ты умер, дон Хуан, или просто упал в обморок? — спросил я, пытаюсь не показаться циничным.

— Я умер на том поле, — ответил он. — я чувствовал, как мое сознание струится из меня и движется к орлу. Но поскольку я безупречно сделал пересмотр своей жизни, орел не проглотил мое сознание. Орел выплюнул меня. И так как мое тело умерло на том месте, орел не позволил мне пройти к свободе. Было так, словно он приказал мне вернуться и попробовать все заново.

— Я взошел на вершины темноты и спустился вновь к свету жизни, к свету земли. Я обнаружил, что лежу в мелкой могиле на краю поля, прикрытый камнями и кусками глины.

Дон Хуан сказал, что он тут же знал, что ему надо делать. Откопав себя, он подправил могилу, чтобы сохранить впечатление, что тело по-прежнему здесь, а затем незаметно удалился. Он чувствовал себя сильным и решительным. Он знал, что вернется в дом своего бенефактора. Но прежде чем начать свой обратный путь, ему хотелось повидать свою семью, ему хотелось объяснить им, что он маг, и по этой причине не может оставаться с ними. Ему хотелось объяснить им, что его падение было вызвано незнанием того факта, что маги

никогда не смогут создать мост, который соединил бы их с людьми этого мира. Но если люди захотят, они смогут создать мост, соединяющий их с магами.

— Я пошел домой, — продолжал дон Хуан. — но дом был пуст. Шокированные соседи рассказали мне, что люди, с которыми я работал в поле, принесли известие о том, что я умер на работе, и что моя жена и ее дети ушли.

— Как долго ты был мертвым, дон Хуан? — спросил я.

— Кажется, целый день, — ответил он.

Улыбка играла на губах дон Хуана. Его глаза блестели как вулканическое стекло. Он ждал моей реакции, ждал моих замечаний.

— Что стало с твоей семьей, дон Хуан? — спросил я.

— О, вопрос разумного человека, — заметил он. — а ведь я думал, что ты спросишь меня о моей смерти.

Я признался, что хотел спросить о ней, но понял, что он «увидел» мой вопрос, пока я формировал его в своем уме, и из-за упрямства решил спросить о чем-нибудь еще. Я вовсе не шутил, но мое признание заставило его рассмеяться.

— Моя семья в тот день исчезла, — сказал он. — кстати, моя жена уцелела. Она и теперь живет в условиях, в которых мы жили прежде. Поскольку тогда я ожидал свою смерть, она уверена, что я добился того, чего хотел. На старом месте ей было нечего делать, поэтому она ушла.

Я потерял детей, и утешаю себя мыслью, что не моей судьбой было оставаться с ними. Однако, маги имеют своеобразную склонность. Они живут исключительно в сумерках чувства, которое описывают слова «и все же...» Когда все рушится вокруг них, маги признают, что ситуация ужасна, а потом тут же убегают в сумерки «и все же...»

— Я так поступаю с моими чувствами, которые связаны с той женщиной и ее детьми. Они очень дисциплинированно пересматривали свои жизни вместе со мной, особенно это касается старшего мальчика. Только дух может решить исход этого воздействия. Он напомнил мне, что уже обучал меня тому, как воины действуют в подобных ситуациях. Они делают все, что могут, а затем без зазрения совести и сожалений расслабляются и позволяют духу вершить исход.

— Что такое решение духа, дон Хуан? — спросил я. Не ответив, он внимательно изучал меня. Я знал, что он полностью осознает мой повод для вопроса. Я тоже пережил такую привязанность и такую потерю.

— Решение духа — это следующее основное ядро, — сказал он. — магические истории выстраиваются вокруг него. Мы поговорим об этом специфическом решении, когда будем обсуждать это основное ядро.

— Ну, а как же вопрос о моей смерти, который ты хотел задать?

— Если они думали, что ты умер, почему могила оказалась неглубокой? — спросил я. — почему они не вырыли настоящую могилу и не похоронили тебя?

— Это уже больше похоже на тебя, — рассмеялся он. — Я задавал себе этот вопрос и понял, что все эти рабочие были набожными людьми. Я был христианин. А христиан не хоронят так, их не оставляют разлагаться, как собак. Я думаю, они ждали, что моя семья придет и потребует тело, чтобы предать его земле, настоящему захоронению. Но моя семья не пришла.

— А ты искал их, дон Хуан? — спросил я.

— Нет. Маги никогда никого не ищут, — ответил он. — а я был магом. Я заплатил своей жизнью за ошибку незнания того, что я маг, и что маги никогда не становятся доступными для кого-то.

— С того дня я допускал общение или заботу только о тех людях или магах, которые умерли, также как и я.

Дон Хуан сказал, что он вернулся назад в дом своего бенефактора, где каждый тут же узнал то, что обнаружил он. И они отнеслись к нему так, словно он никогда от них не уходил.

Нагваль Хулиан отметил, что это из-за его своеобразной природы дон Хуану потребовалось так много времени, чтобы умереть.

— Мой бенефактор сказал мне затем, что свидетельством мага к свободе была его смерть, — продолжал дон Хуан. — он сказал, что тоже оплатил своей жизнью свидетельство свободы, как и каждый, кто был в его доме. И что теперь мы равны, как и все покойники.

— Я тоже умер, дон Хуан? — спросил я.

— Да, ты умер, — ответил он. — однако, величайшим трюком магов является осознание того, что они умерли. Их свидетельство безупречности должно быть обернуто в сознание. В этой обертке, говорят маги, их свидетельство всегда как новенькое.

— Вот уже шестьдесят лет я всегда как новенький.

6. УПРАВЛЕНИЕ «НАМЕРЕНИЕМ». ТРЕТЬЯ ТОЧКА.

Дон Хуан часто брал меня и остальных своих учеников в короткие экскурсии к западной гряде, что была неподалеку. В этот раз мы оставались там до рассвета и к вечеру были на пути к дому. Мне захотелось пойти рядом с дон Хуаном. Рядом с ним я всегда чувствовал себя успокоенным и расслабленным, в то время как его веселые ученики вызывали во мне противоположный эффект: они заставляли меня чувствовать себя ужасно усталым.

Когда мы все спустились с гор и достигли равнины, я и дон Хуан были немного впереди. Шквал глубокой меланхолии настиг меня с такой быстротой и силой, что я только и мог, что сесть на землю. Затем, следуя совету дон Хуана, я лег на живот на вершине большого круглого валуна.

Остальные ученики, подразнив меня, пошли дальше. Я слышал их смех и крики, которые слабели с расстоянием. Дон Хуан посоветовал мне расслабиться и позволить своей точке сборки, которая, по его словам, двигалась с неожиданной скоростью, войти в свою новую позицию.

— Не волнуйся, — сказал он мне. — в скором времени ты почувствуешь некоторый рывок или шлепок по твоей спине, словно что-то коснулось тебя. Тогда ты будешь в норме.

Лежа неподвижно на валуне, ожидая шлепка по моей спине, я каким-то образом вызвал непровольное воспоминание, такое сильное и ясное, что так и не заметил шлепка, которого ожидал. Но я уверен, что он был, так как меланхолия действительно мгновенно исчезла. Я быстро описал дон Хуану свое воспоминание. Он предложил мне остаться на валуне и передвинуть мою точку сборки в точное место, где она была в то время, когда я переживал событие, которое вспомнилось мне.

— Не упusti ни одной детали, — предупредил он. Это произошло много лет назад. В то время дон Хуан и я находились в городе Чиуауа в северной мексике в высокогорной пустыне. Я сопровождал его, поскольку эта местность была богата медицинскими травами, которые он собирал. С антропологической точки зрения эта местность вызвала во мне огромный интерес. Не так давно археологи нашли здесь остатки того, что они считали крупным, доисторическим местом торговли. Они предполагали, что торговый пункт, стратегически расположенный на перепутье, был эпицентром коммерции между торговыми путями, которые соединяли американский юго-запад с южной мексикой и центральной америкой.

Я несколько раз был в этой плоской, высокогорной пустыне, и это укрепляло мое убеждение, что археологи правы, делая вывод, что это естественное перепутье. Я, конечно же, прочитал дон Хуану целую лекцию о влиянии этого перепутья в доисторическом распространении культурных традиций на северо-американский континент. В то время я сильно интересовался развитием магии среди индейцев американского юго-запада, Мексики и Центральной Америки, как системы убеждений, которая передавалась по торговым путям, и которая привела к созданию, на определенном абстрактном уровне, вида доколумбийского прединдеанизма.

Естественно, дон Хуан громко смеялся каждый раз, когда я излагал свои теории.

Событие, которое мне вспомнилось, началось в середине дня. После того, как я и дон Хуан собрали два небольших мешка очень редких медицинских трав, мы устроили привал и сели на вершине огромного валуна. Но перед тем, как двинуться назад к месту, где я оставил свою машину, дон Хуан предложил поговорить об искусстве «выслеживания». Он сказал, что окружающая обстановка очень подходит для объяснения его сложностей, но чтобы понять их, мне следует сначала войти в повышенное сознание.

Я попросил, чтобы он, перед тем, как сделать это, объяснил мне еще раз, чем в действительности было повышенное сознание.

Дон Хуан, проявляя огромное терпение, начал разъяснять повышенное сознание в терминах движения точки сборки. Пока он говорил, я понял шутливость своей просьбы. Я знал все, что он говорил мне. Тогда я заявил ему, что на самом деле не нуждаюсь в объяснении этого вопроса, но он сказал, что объяснения никогда не бывают лишними, поскольку они отпечатываются в нас для немедленного или более позднего использования, или помогают нам подготовить свой путь достижения безмолвного знания.

Когда я попросил его более подробно рассказать о безмолвном знании, он тут же ответил, что безмолвное знание является главной позицией точки сборки, что много лет назад оно было естественной позицией людей, но по причинам, которые невозможно определить, точка сборки людей вышла из этого особого места и заняла новое положение, известное как «рассудок».

Дон Хуан отметил, что эта новая позиция характерна не для каждого человека. Точки сборки большинства из нас расположены не прямо в точке рассудка, а в ее непосредственной близости. То же самое было и в случае безмолвного знания — не каждый человек имел точку сборки прямо в таком положении.

Он сказал, что «место отсутствия жалости», будучи другой позицией точки сборки, предшествует безмолвному знанию, также как другая позиция точки сборки, называемая «местом озабоченности», предшествует рассудку.

Я не находил ничего неясного в этих скрытых заявлениях. По мне, они объясняли самих себя. Я понимал все, что он говорил, и в то же время ожидал его обычного удара по моим лопаткам, который бы заставил меня войти в повышенное сознание. Но удара все не было, и я придерживался понимания того, о чем он говорил, на самом деле не осознавая факта, что я уже понимаю все. Чувство легкости, принятия вещей само собой разумеющимися, которое соответствовало моей обычной сознательности, оставалось со мной, и я не интересовался моей способностью понимать.

Дон Хуан пристально взглянул на меня и порекомендовал мне лечь вниз лицом на вершину круглого камня, расставив ноги и руки, как лягушка.

Я пролежал около десяти минут, основательно расслабившись и почти засыпая, пока не был вытряхнут из своей дремоты звуком тихого, шипящего рычания. Я поднял голову, осмотрелся, и мои волосы встали дыбом. Чуть ли не в двадцати шагах от меня, немного выше того места, где сидел дон Хуан, на валуне громоздился гигантский, черный ягуар. Оголив клыки, он пристально смотрел прямо на меня. Мне показалось, что он готовится прыгнуть на меня.

— Не двигайся, — приказал мне тихо дон Хуан. — и не смотри ему в глаза. Уставься ему на нос и не мигай. Твоя жизнь зависит от твоего взгляда.

Я сделал так, как он сказал. Ягуар и я смотрели друг на друга до тех пор, пока дон Хуан не объявил ничью, швырнув свою шляпу прямо в голову ягуара. Ягуар отскочил назад, уклоняясь от шляпы, а дон Хуан издал громкий, продолжительный и пронзительный свист. Потом он закричал высоким голосом и хлопнул в ладоши два или три раза. Это прозвучало как приглушенные выстрелы.

Дон Хуан дал мне знак спуститься с валуна и присоединиться к нему. Мы оба закричали и хлопали в ладоши до тех пор, пока он не решил, что мы, наконец, напугали ягуара и он убежал прочь.

Мое тело тряслось, но я не был испуган. Я сказал дон Хуану, что мой величайший страх был вызван в первый момент не внезапным рычанием кошки и не ее взглядом, а уверенностью, что ягуар разглядывал меня еще до того, как я услышал его и поднял голову.

Дон Хуан не сказал о пережитом ни слова. Он был в глубоком раздумии. Когда я начал расспрашивать его, видел ли он ягуара прежде, чем я, его повелительный жест заставил меня замолчать. У меня появилось впечатление, что он немного болен или даже смущен.

После долгого молчания дон Хуан дал мне знак отправляться в путь и взял инициативу на себя. Мы уходили от скал, петляя в быстром темпе между кустов.

Примерно через полчаса мы достигли прогалины в чапареле, где и остановились немного передохнуть. Мы не произнесли ни одного слова, а мне не терпелось узнать, о чем размышляет дон Хуан.

— Зачем мы шли таким образом? — спросил я. — не лучше ли было и быстрее добираться сюда по прямой?

— Нет! — настойчиво произнес он. — это бы нам не помогло. Ягуар был самцом. Он голоден и сейчас преследует нас.

— Тем более нам надо было бежать сюда побыстрее, — настаивал я.

— Не все так просто, — ответил он. — ягуар не обременен рассудком. Он точно знает, что надо делать, чтобы заполучить нас. И поверь моему слову, он читает наши мысли.

— Ты хочешь сказать, что ягуар читает наши мысли? — спросил я.

— Это не метафора, — ответил он. — я хотел сказать то, что сказал. Большие животные, подобные этому, могут читать мысли. Я не говорю о догадке. Я говорю о том, что они все знают прямо.

— Что же нам тогда делать? — спросил я, действительно забеспокоившись.

— Мы должны стать менее рациональными и попытаться выиграть битву, сделав невозможной вероятность того, что ягуар разгадает нас, — ответил он.

— А если мы будем менее рациональными, как это поможет нам? — спросил я.

— Рассудок заставляет нас выбирать то, что, по-видимому, звучит в уме, — сказал он. — например, твой рассудок уже говорит тебе, что ты должен бежать изо всех сил по прямой линии. Но твой рассудок не может понять, что нам надо пробежать около шести миль, прежде чем мы окажемся в безопасности в твоей машине. А ягуар перегонит нас. Он окажется впереди и будет ждать в подходящем месте момента, чтобы наброситься на нас.

— Более лучшее, но менее рациональное решение — петлять.

— А как ты знаешь, что это лучше, дон Хуан? — спросил я.

— Я знаю это, потому что моя связь с духом чиста, — сказал он. — или лучше сказать, моя точка сборки находится в позиции безмолвного знания. Отсюда я смог распознать, что это

голодный ягуар, но он не из тех, кто уже пожирал людей. И он озадачен нашими действиями. Поскольку мы петляли между кустов, ягуару потребуется усилие, чтобы разгадать нас.

— А был другой выход, кроме петляния? — спросил я.

— Были только рациональные решения, — ответил он. — но у нас нет того снаряжения, чтобы можно было последовать рациональным решениям. К примеру, мы могли залезть на высокую скалу, но нам нужно ружье, чтобы сдерживать ягуара.

— Мы должны найти решения ягуара. Эти решения продиктованы безмолвным знанием. Мы должны сделать так, чтобы безмолвное знание заговорило с нами, не считаясь с тем, каким бы безрассудным оно не казалось.

Он начал свою петляющую рысь. Я следовал за ним почти по пятам, но у меня не было уверенности, что такое бегство спасет нас. У меня только сейчас появилась паника. Мысль о темном, маячившем вдали силуэте огромной кошки завладела мной.

Пустынный чапарель состоял из высоких зазубренных кустов, расположенных через четыре-пять шагов. Скучные осадки в высокогорной пустыне не позволяют растениям обзавестись густой листвой и плотным частоколом стеблей. Но на вид чапарель казался густым и непроходимым.

Дон Хуан двигался с удивительным проворством, и я из последних сил пытался не отстать. Он посоветовал мне смотреть туда, куда я наступаю, и создавать поменьше шума. Он сказал, что шум ветвей, хрустящих под моей тяжестью, был смертельно предательским.

Я старательно пытался наступать на следы дон Хуана, избегая треска сухих ветвей. Мы пропетляли около ста метров, как вдруг я уловил краем глаза огромную темную массу ягуара не более чем в тридцати шагах позади себя.

Я заорал на пределе своего голоса. Не останавливаясь, дон Хуан оглянулся и успел заметить, как большая кошка скрылась из поля зрения. Тогда он издал пронзительный свист и начал хлопать в ладоши, имитируя звук приглушенных выстрелов.

Он сказал очень тихим голосом, что кошки не любят подниматься в гору, и поэтому нам надо перебраться на предельной скорости через широкий и глубокий овраг, который был справа от меня в нескольких метрах отсюда.

Он дал знак, и мы метнулись через кусты с невероятной скоростью. Мы соскользнули вниз по одной стороне оврага и, достигнув дна, помчались к другой стороне. Отсюда у нас была ясная перспектива спуска, дна оврага и ровного участка, где находились мы. Дон Хуан шепнул, что ягуар идет по нашим следам, и что, если нам повезет, мы увидим его бегущим по дну оврага, вблизи нашей трассы.

Пристально наблюдая за оврагом под нами, я с тревогой ожидал появления животного. Но так и не увидел его. Я уже подумывал о том, что ягуар, должно быть, убежал, когда вдруг услышал пугающее рычание большой кошки в чапареле за нашей спиной. Вместе с ознобом пришло понимание — дон Хуан был прав. Раз он был там, значит, ягуар действительно читает наши мысли

— Он пересек овраг раньше нас.

Ни слова не сказав, дон Хуан бросился бежать с огромной скоростью. Я последовал его примеру, и мы петляли довольно долго. Я был на последнем дыхании, когда дон Хуан решил остановиться и передохнуть.

Страха, что ягуар настигнет нас, не было, но что-то мешало мне восхищаться великолепной физической удачей дон Хуана. Он бегал так, словно был молодым человеком. Я начал говорить ему, что он напоминает мне кого-то в моем детстве, кто сильно впечатлял меня своими спринтерскими данными, но он дал мне знак замолчать. Он внимательно прислушивался, то же сделал и я.

Послышался мягкий шорох в кустарнике справа от нас. Затем на миг на фоне чапареля показался силуэт черного ягуара, возможно в пятидесяти метрах от нас.

Дон Хуан пожал плечами и указал в направлении животного.

— Похоже, нам не избавиться от него, — сказал он с безнадежным смирением. — пойдём спокойненько, словно мы совершаем чудесную прогулку по парку, ты расскажешь мне сейчас историю из твоего детства. Для этого самое время и, как никогда, подходящее окружение. Ягуар последует за нами, урча от жадности и голода, а ты будешь вспоминать о прошлом — идеальное неделание бегства от ягуара.

Он громко рассмеялся. Но когда я сказал ему, что полностью потерял интерес ко всяким историям, его даже скрючило от хохота.

— Ты наказываешь меня теперь за то, что я не захотел тебя выслушать, не так ли? — спросил он.

И я, конечно же, начал оправдываться. Я сказал ему, что его обвинение просто нелепо. Я действительно потерял нить истории.

— Если маг не имеет собственной важности, он не вешает лапшу на уши о том, что потерял нить истории, — сказал он со злобным блеском в глазах. — и поскольку у тебя не осталось ни грамма собственной важности, ты должен рассказать свою историю сейчас. Расскажи ее духу, ягуару и мне так, словно ты вообще не терял никакой нити.

Я хотел сказать ему, что мне не хочется подчиняться его желаниям, потому что история была очень глупой, а окружающая обстановка подавляла меня. Я хотел предложить более подходящую обстановку для этого, другое время, как он сам поступал со своими историями.

Я еще ничего не сказал, а он уже отвечал мне.

— И ягуар, и я можем читать мысли, — сказал он, улыбаясь. — если я выбираю нужное окружение и время для моих магических историй, то это потому, что они служат обучению, и я хочу выжать из них максимальный эффект.

Он дал мне знак, и мы пошли. Мы спокойно прогуливались бок о бок. Я сказал, что восхищен его бегом и выносливостью, и что остатком собственной важности была сердцевина моего восхищения, поскольку я считал себя хорошим бегуном. Потом я рассказал ему историю из моего детства. История вспомнилась мне, когда я увидел, что он так прекрасно бежит.

Я рассказал ему, что мальчишкой играл в футбол и очень хорошо бежал. Фактически, я был так проворен и быстр, что чувствовал свою безнаказанность в любых проделках, так как мог ударить от любого, кто погнался бы за мной, особенно это касалось стариков-полицейских, которые пешком патрулировали по улицам моего родного города. Стоило мне разбить уличное освещение или сделать что-нибудь в этом роде, я тут же бросался наутек и был в безопасности.

Но однажды, а я этого не знал, старых полицейских поменял новый полицейский корпус из военного училища. Кошмарный момент наступил, когда я разбил окно в магазине и побежал, надеясь, что моя быстрота гарантирует спасение. Молодой полицейский помчался за мной. Я бежал так, как не бежал никогда прежде, но все было напрасно. Офицер, который оказался отличным центр-форвардом полицейской футбольной команды, был более быстр и вынослив, чем мое десятилетнее тело. Он схватил меня и гнал пинками до самого магазина, где я разбил окно. Он мастерски называл все свои удары, словно тренировался на футбольном поле. Он бил меня не больно, только беззлобно пугая меня, и все же мое сильное унижение смягчалось восхищением десятилетнего мальчика перед его удачей, его талантом настоящего футболиста.

Я сказал дон Хуану, что в этот день я почувствовал то же самое по отношению к нему. Он был способен обогнать меня, несмотря на солидную разницу лет и мою старую склонность быстро удирать.

Еще я сказал ему, что в течение нескольких лет у меня был часто повторяющийся сон, в котором я бежал так быстро, что молодой полицейский больше не мог обогнать меня.

— Твоя история более важна, чем я думал, — заявил дон Хуан. — я думал, что будет рассказ о том, как твоя мама шлепала тебя по заднице.

Он так интересно произносил слова, что его заявление получилось очень забавным и насмешливым. Он добавил, что в некоторых случаях дух, а не наш рассудок, доводят до конца наши истории. Это был один из таких случаев. Дух запустил эту историю в мой ум, без сомнения, потому, что она имела дело с моей неразрушенной собственной важностью. Он сказал, что факел гнева и унижения горит во мне с тех самых лет и мое чувство неудачи и подавленности по-прежнему остается целым.

— Психологу понадобился бы целый день на твою историю и ее настоящий контекст, — продолжал он. — в твоём уме я, по-видимому, отождествился с молодым полицейским, который разбил твою идею непобедимости.

Как только он высказался, я тут же признал, что это и было мое чувство, хотя я сознательно не размышлял над ним, пытаюсь выразить его.

Мы шагали в молчании. Я был захвачен его аналогией и совершенно забыл, что ягуар отслеживает нас, но дикое рычание напомнило мне о нашей ситуации.

Дон Хуан приказал мне подпрыгивать вверх и опускаться на длинные, низкие ветви кустов. Сломал несколько ветвей, я собрал что-то наподобие метлы. Он сделал то же самое. Когда мы побежали, волоча метлы по сухой песчаной почве, за нами поднялось целое облако пыли.

— Это должно беспокоить ягуара, — сказал он, когда мы остановились, чтобы перевести дыхание. — у нас осталось всего несколько часов светлого времени. Ночью ягуар непобедим, поэтому нам лучше всего бежать к тем скалистым холмам.

Он указал на какие-то холмы, которые находились примерно в полумиле к югу.

— Нам надо бежать на восток, — возразил я. — эти холмы уходят далеко на юг. Если мы пойдем туда, мы никогда не доберемся до моей машины.

— В любом случае мы не дойдем до нее сегодня, — спокойно ответил он. — а возможно, даже и завтра. Кто сказал, что мы вообще когда-нибудь вернемся к ней?

Я почувствовал приступ страха, а затем необычное спокойствие овладело мной. Я сказал дон Хуану, что если мне суждено погибнуть в этой пустыне, я надеюсь, что смерть моя будет безболезненной.

— Не волнуйся, — сказал он. — смерть мучительна только тогда, когда она влезает в твою постель во время болезни. В битве за свою жизнь ты не почувствуешь боли. А если и почувствуешь что-нибудь, так только ликование.

Он сказал, что наиболее впечатляющим различием между цивилизованным человеком и магом был образ, в котором к ним приходит смерть. Только с магами-воинами смерть добра и ласкова. Даже будучи смертельно ранены, они не чувствуют боли. Но еще более удивительным было то, что смерть останавливается в ожидании до тех пор, пока маги сами не призовут ее.

— Величайшая разница между обычным человеком и магом заключается в том, что маг своей быстротой управляет своей смертью, — продолжал дон Хуан. — что бы там ни случилось, ягуар не съест меня. Он сожрет тебя, поскольку ты не знаешь достаточной скорости, чтобы сдержать натиск своей смерти.

Затем он подробно изложил все сложности идеи магов о скорости и смерти. Он сказал, что в мире повседневной жизни наши слова или наши решения могут быть с легкостью изменены. Единственной бесповоротной вещью в нашем мире была смерть. В мире магов, с другой стороны, естественную смерть можно отменить, но слова магов — ни в коем случае. В мире магов решения нельзя ни изменить, ни переработать. Единственное, что они могут сделать, это остановиться навсегда.

Я сказал ему, что его заявления, какими бы впечатляющими они ни были, не убедили меня в том, что смерть можно отменить. Тогда он объяснил еще раз то, что объяснял прежде. Он сказал, что для видящих люди представляются либо продолговатыми, либо сферическими светящимися сплетениями бесчисленных, статичных, но вибрирующих энергетических полей, и что только маги способны вызвать движение в этих сферах неподвижной светимости. За долю секунды они могут перемещать свои точки сборки в любое место в их светящемся сплетении. Это движение и скорость, с которой оно было произведено, влекут мгновенное переключение и восприятие другой, совершенно отличной вселенной. Или они могут перемещать свои точки сборки без остановок через все поле своей светящейся энергии. Сила, созданная этим движением, так велика, что мгновенно воспламеняет всю их светящуюся массу.

Он сказал, что если сейчас на нас обрушится горный обвал, он сможет уничтожить естественный эффект случайной смерти. Используя скорость, с которой может передвигаться его точка сборки, он заставит себя изменить мир, или сожжет себя за долю секунды огнем изнутри. Я же, с другой стороны, умру естественной смертью, придавленный камнями, так как моей точке сборки не хватает скорости, чтобы вытащить меня из такой ситуации.

Я сказал, что, по-видимому, маги просто находят альтернативный путь смерти, а это было совершенно непохоже на отмену смерти. Он повторил, что все, о чем он говорил, касалось того, что маги управляют своей смертью. Они умирают только тогда, когда этого захотят.

Хотя у меня не было сомнений в том, о чем он говорил, я продолжал задавать вопросы, почти играя с ним. И пока он говорил, мысли и незакрепленные воспоминания о другом осознаваемом мире возникали в моем уме, как на экране.

Я сказал дон Хуану, что меня одолевают странные мысли. Он засмеялся и посоветовал мне подумать о ягуаре, поскольку он был так реален, что только и мог претендовать на истинную манифестацию духа.

Идея о том, что реален зверь, заставила меня содрогнуться.

— Не было бы лучшим изменить направление вместо того, чтобы идти прямо к холмам? — спросил я.

Я думал, что мы вызовем замешательство ягуара неожиданной сменой направления.

— Слишком поздно менять направление, — сказал дон Хуан. — ягуар уже знает, что у нас нет другого пути, как только к холмам.

— Этого не может быть, дон Хуан! — воскликнул я.

— Почему же нет? — спросил он.

Я сказал, что хотя и могу засвидетельствовать способность животного быть на один прыжок впереди нас, я не могу полностью принять то, что ягуар обладает предвидением того, куда мы хотим пойти.

— Твое заблуждение в том, что ты размышляешь о силе ягуара в терминах его способности рассчитывать вещи, — сказал он. — он не может думать. Он только знает.

Дон Хуан сказал, что наш маневр с пылевым облаком смутил ягуара, дав ему сенсорную информацию о чем-то таком, чего мы еще не использовали. Мы не смогли развить реального чувства поднимания пыли, хотя наши жизни и зависели от этого.

— Я действительно не понимаю, о чем ты говоришь, — пожаловался я.

Напряженность начинала действовать на меня. Мне с трудом удавалось концентрироваться. Дон Хуан объяснил, что человеческие чувства подобны горячим или холодным потокам воздуха и могут легко обнаруживаться животными. Мы как бы отправители, а ягуар — получатель. Какими бы ни были чувства, переживаемые нами, они находят свою дорогу к ягуару. Или, скорее, ягуар читал любые чувства. В случае маневра с пылью чувство, которое мы имели об этом, было из ряда вон выходящее, поэтому оно создало только вакуум у получателя.

— Другим маневром, продиктованным безмолвным знанием, будет топание по грунту, — сказал дон Хуан.

Он взглянул на меня, как бы ожидая моей реакции.

— Сейчас мы пойдем тихим шагом, — сказал он. — и ты будешь топать по земле, как десятиметровый великан.

Наверное, у меня была глупая физиономия, тело дон хуана затряслось от смеха.

Подними облако пыли своими ногами, — приказал он мне. — чувствуй себя огромным и тяжелым.

Я попытался и тут же подхватил чувство массивности. Пугливым тоном я заявил, что его сила убеждения была невероятной. Я действительно чувствовал себя гигантским и свирепым. Он заверил меня, что мое чувство величины ни в коей мере не было продуктом его убеждения, но являлось результатом перемещения моей точки сборки.

Он сказал, что люди древних времен стали легендарными из-за того, что благодаря безмолвному знанию они знали о силе, получаемой с помощью передвижения точки сборки. В уменьшенном масштабе маги повторяют основные пункты древней силы. Благодаря движению своих точек сборки они могут манипулировать своими чувствами и изменять вещи. Я изменил ситуацию, почувствовав себя огромным и свирепым. Чувства, обработанные таким образом, называются «намерением».

— Твоя точка сборки уже переместилась еще чуть-чуть, — продолжал он. — теперь ты находишься в позиции, где ты либо потеряешь полученное, либо заставишь свою точку сборки выйти за то местоположение, где она находится сейчас.

Он сказал, что, вероятно, каждый человек в нормальных жизненных условиях в одно или другое время имеет возможность уйти от пут условностей. Он подчеркивал, что не имеет в виду социальные условности, которые связывают наше восприятие. Минуты восторга может хватить для сдвига наших точек сборки и ликвидации наших условностей. Точно так же и с моментами испуга, болезни, гнева или горя. Но обычно, в момент, когда у нас есть шанс сдвинуть наши точки сборки, мы становимся испуганными. В игру вступает наш религиозный, академический, социальный фон. Он убеждает нашу безопасность вернуться в стадо, возвращая наши точки сборки к предписанной позиции, позиции нормального жития.

Он сказал мне, что все мистики и духовные учителя, которых я знал, поступали следующим образом: их точки сборки сдвигались либо с помощью дисциплины, либо случайно до определенной точки, а затем они возвращались в нормальное состояние, имея при себе воспоминание, которое служило им всю жизнь.

— Ты мог стать очень набожным и добрым парнем, — продолжал он. — и забыть о первом движении твоей точки сборки. Или ты мог выскочить за свои разумные ограничения. Но ты по-прежнему находишься внутри них.

Я знал, о чем он говорит, но у меня была какая-то странная нерешительность, которая заставляла меня колебаться.

Дон Хуан выдвинул следующий аргумент. Он сказал, что обычный человек, неспособный найти энергию для осознания того, что существует за пределами его повседневного мира, называет сферу экстраординарного восприятия магии колдовством или деятельностью дьявола, бросаясь прочь от нее без хотя бы какой-нибудь ее проверки.

— Но ты не можешь поступать таким образом, — продолжал дон Хуан. — тебя не назовешь религиозным, и ты слишком любопытен, чтобы так легко все отбросить. Единственной вещью, которая тормозит тебя сейчас, является трусость.

— Преврати все в то, чем оно является — в абстрактное, дух, нагваль. Нет колдовства, нет зла, нет дьявола. Есть только восприятие.

Я понял его. Но не мог точно выразить, что же он хотел от меня.

Я взглянул на дон Хуана, пытаюсь найти более подходящие слова. Кажется, я вошел в крайние функциональные рамки ума и не хотел потратить зря ни одного слова.

— Будь гигантом, — приказал он мне, улыбаясь. — избавься от рассудка.

Тогда я понял, чего он хотел. Фактически, я знал, что Могу увеличить интенсивность моих чувств размера и свирепости до тех пор, пока на самом деле не стану гигантом, возвышающимся над кустами и наблюдающим все вокруг нас.

Я попытался выразить свои мысли, но тут же отказался от этого. Я понял, что дон Хуан знает все, о чем я думаю, и, по-видимому, даже еще больше.

А затем со мной произошло нечто невероятное. Моя способность рассуждать перестала функционировать. Я буквально чувствовал, что меня как бы накрыло темной пеленой, которая скрыла все мои мысли. И я позволил уйти моему рассудку с непринужденностью того, кто не заботится о мире. Я был убежден, что если захочу развеять эту непроглядную тьму, мне потребуется лишь почувствовать себя прорывающимся через нее.

В этом состоянии я ощутил, что двигаюсь вперед, набирая ход. Что-то вынуждало меня физически передвигаться из одного места в другое. Я не испытывал никакой усталости. Скорость и легкость, с которыми я передвигался, окрыляли меня.

Я не чувствовал, что иду — но я и не летел. Скорее, меня несла поразительная легкость. Мои движения становились резкими и неизящными только тогда, когда я пытался думать о них. Когда же я наслаждался ими бездумно, я входил в уникальное состояние физического восторга, для меня совершенно беспрецедентного. Если я когда-нибудь в жизни и имел подобные случаи физического счастья, то они, наверное, были настолько скоротечными, что я не сохранил о них воспоминания. И все же, когда я испытывал этот экстаз, появлялось смутное узнавание, словно я знал его, но забыл.

Оживление от движения через чапарель было таким сильным, что все остальное исчезло. Для меня существовало только одно — эти периоды оживления и моменты, когда я прекращал двигаться и находил себя в чапареле.

Но еще более необъяснимым было полное телесное ощущение парения над кустами, которое возникало в тот момент, когда я начинал двигаться.

В один момент я ясно увидел фигуру ягуара, бегущего впереди меня. Он удирал, как только мог. Я чувствовал, что он пытается уклониться от шипов кактусов, тщательно выбирая место, куда ему ступить.

Меня переполняло желание побежать за ягуаром и напугать его так, чтобы он потерял свою предосторожность. Я знал, что тогда он нарвется на колючки. Затем в мой безмолвный мир ворвалась мысль — я подумал, что ягуар может стать более опасным, если его поранят колючки. Эта мысль вызвала такой эффект, словно кто-то пробудил меня от сна.

Когда я осознал, что процесс моего мышления заработал вновь, я обнаружил, что нахожусь у основания низкой цепи скалистых холмов. Я осмотрелся. Дон Хуан находился в нескольких шагах от меня. Казалось, он выбился из сил. Его лицо было бледным, и он тяжело дышал.

— Что случилось, дон Хуан? — спросил я, прочистив свое горло.

— Это ты расскажи мне, что случилось, — задыхаясь, прохрипел он.

Я рассказал ему, что я чувствовал. И вдруг понял, что с трудом различаю вершину горы прямо перед собой. Почти стемнело, а это значило, что я бежал или шел более двух часов.

Я попросил дон Хуана объяснить мне это несоответствие времени. Он сказал, что моя точка сборки перешла с места отсутствия жалости в место безмолвного знания, но мне все еще не хватает энергии, чтобы манипулировать им самостоятельно. Чтобы манипулировать им самостоятельно, я должен иметь достаточно энергии, чтобы перемещаться по своей воле между рассудком и безмолвным знанием. Он добавил, что если у мага хватает энергии — или даже если он не обладает достаточной энергией, но перемещение необходимо ему как вопрос жизни и смерти — он может колебаться между рассудком и безмолвным знанием.

Его вывод обо мне был следующим — благодаря серьезности нашей ситуации, я позволил духу передвинуть мою точку сборки. Результатом было мое вхождение в безмолвное знание. Естественно, сфера моего восприятия возросла, и это дало мне чувство высоты, парения над кустами.

В этот миг, из-за моего академического воспитания, я страстно заинтересовался обоснованием согласованности. Я задал ему мой стандартный вопрос тех дней.

— Если кто-нибудь из департамента антропологии наблюдал бы за мной, он увидел бы меня гигантом, продирающимся через чапарель?

— Этого я действительно не знаю, — сказал дон Хуан. — попробуй выяснить это, сдвинув свою точку сборки, когда ты будешь в департаменте антропологии.

— Я пытался, — сказал я. — но ничего не случилось. Наверное, мне нужно быть рядом с тобой, чтобы что-нибудь происходило.

— Просто тогда это не было для тебя вопросом жизни и смерти, — ответил он. — иначе ты передвинул бы свою точку сборки самостоятельно.

— Но люди видели бы то же, что вижу я, когда моя точка сборки сдвигается? — настаивал я.

— Нет, поскольку их точки сборки не были бы в том месте, где находилась бы твоя, — ответил он.

— Тогда, дон Хуан, ягуар мне только пригрезился? — спросил я. — и все случилось только в моем уме?

— Да нет же, — ответил он. — большая кошка была реальной. Ты прошел несколько миль и даже не устал. Если ты остановишься, посмотри на свои ботинки. Они, как ежик, истыканы колючками кактусов. Поэтому ты двигался, паря над кустами. И в то же время ты не делал этого. Все зависит от того, где находится точка сборки — в месте рассудка или в месте безмолвного знания.

Я понимал все, что он говорит, пока он говорил, но не смог бы повторить по своей воле и часть из всего этого. Я не мог определить ни того, что я знал, ни того, почему он вызывает во мне такое чувство.

Рычание ягуара отбросило меня в реальность близкой опасности. Я разглядел темную массу ягуара, быстро влетающего на гору в тридцати метрах справа от нас.

— Что нам делать, дон Хуан? — спросил я, зная, что он тоже увидел животное, мелькнувшее впереди нас.

— Надо взобраться на самую вершину и найти там укрытие, — спокойно ответил он.

Затем он добавил так, словно его вообще ничего не заботило в этом мире, что я потерял драгоценное время, indulgiруя в удовольствии парения над кустами. Вместо того, чтобы обрести безопасность в холмах, на которые он мне указывал, я помчался к высоким восточным горам.

— Мы должны взобраться на этот откос раньше ягуара, или мы лишимся и этой возможности, — сказал он, указывая на почти вертикальный склон у самой вершины.

Я повернулся вправо и увидел, как ягуар перепрыгивает с одного камня на другой. Он определенно хотел перерезать нам путь.

— Так идем же, дон Хуан, — заорал я нервно.

Дон Хуан расхохотался. Казалось, он наслаждается моим страхом и нетерпением. Мы рванули на предельной скорости и начали карабкаться вверх. Я пытался не замечать темный силуэт ягуара, который появлялся раз за разом немного впереди нас и постоянно с правой стороны.

И ягуар, и мы достигли подножия откоса в одно и то же время. Ягуар был справа от нас в тридцати метрах. Он подпрыгнул и попытался вскочить на отвесную скалу, но сорвался. Она оказалась слишком крутой.

Дон Хуан крикнул, что у меня нет времени глазеть на ягуара, так как он начнет атаковать нас, как только откажется от попыток забраться на откос. Не успел дон Хуан сказать последнее слово, как зверь ринулся на нас.

Меня больше не надо было убеждать. Я карабкался на отвесную стену, следуя за дон Хуаном. Визгливый вопль разъяренного животного раздался прямо под каблук моей левой ноги. Реактивная сила страха понесла меня по скользкому откосу в каком-то невероятном полете.

Я достиг вершины раньше дон Хуана. Он даже приостановился от смеха.

Оказавшись в безопасности на вершине скалы, я начал размышлять о том, что случилось. Дон Хуан не желал ничего обсуждать. Он утверждал, что на данном этапе моего развития любое движение моей точки сборки по-прежнему останется тайной. Моим вызовом на начальной стадии моего ученичества, сказал он, было удержание приобретенного, а не его обоснование — и что в определенный момент все это приобретет для меня смысл.

Я сказал ему, что все это имеет смысл для меня и в этот момент. Но он непреклонно повторил, что я смогу объяснить себе знание только тогда, когда буду считать, что оно имеет для меня смысл. Он настаивал, что для того, чтобы движение моей точки сборки приобрело смысл, я должен иметь энергию, чтобы перемещаться из места рассудка в место безмолвного знания.

Он помолчал некоторое время, осмотрев взглядом все мое тело. Затем дон Хуан, кажется, на что-то решился, и, улыбнувшись, начал говорить.

— Сегодня ты достиг места безмолвного знания, — сказал он убежденно.

Дон Хуан объяснил, что после обеда моя точка сборки двинулась сама по себе без какого-либо его вмешательства. Я «намеренно» вызвал движение, манипулируя своим чувством бытия гигантом, и это заставило мою точку сборки занять позицию безмолвного знания.

Мне было очень интересно слушать, как дон Хуан пересказывает мое переживание. Он сказал, что способ говорить о восприятии, достигнутом в месте безмолвного знания, называется «здесь и здесь». Он объяснил, что когда я рассказывал ему о своем чувстве парения над пустынным чапарелем, я добавил, что видел и почву, и макушки кустов в одно и то же время. Или, что я был на том месте, где стоял, и одновременно там, где находился ягуар. Таким образом я сумел заметить, как тщательно он передвигается, избегая уколов

колючек кактусов. Другими словами, вместо осознания обычного «здесь и там», я постигал «здесь и здесь».

Его замечания напугали меня. Он был прав. Я не стал ему говорить об этом, но и не мог признать, что я был в двух местах одновременно. Я не осмеливался думать в тех терминах, которых не было в его объяснении.

Он повторил, что мне потребуется много времени и энергии, прежде чем это приобретет для меня смысл. Я был только новичок, мне еще требовалось, чтобы кто-то контролировал меня. Например, во время моего движения он был вынужден быстро перемещать свою точку сборки между позициями рассудка и безмолвного знания для того, чтобы оберегать меня. И это довело его до изнеможения.

— Скажи мне одну вещь, — сказал я, решив испытать его рассудительность. — как ты считаешь, этот ягуар пришлый? Ягуары не водятся в этой местности. Пумы — да, но не ягуары. Как ты это объяснишь?

Прежде чем ответить, он наморщил лоб. Внезапно дон хуан стал серьезным.

— Я думаю, что этот ягуар подтверждает твои антропологические теории, — сказал он торжественным тоном. — очевидно, ягуар следовал по известному ему торговому пути, который соединяет Чиуауа с Центральной Америкой.

Дон Хуан рассмеялся так громко, что звук его смеха эхом прокатился по горам. Это эхо обеспокоило меня так же, как немного раньше беспокоил ягуар. Вернее, не само эхо обеспокоило меня, а тот факт, что я никогда не слышал эхо ночью. В моем уме оно ассоциировалось только с дневным светом.

Мне потребовалось несколько часов, чтобы вспомнить все детали моего переживания с ягуаром. В течение этого времени дон Хуан ни разу не заговорил со мной. Он привалился спиной к скале и спал в сидячем положении. Немного погодя я уже не замечал, здесь ли он, и попросту заснул.

Я очнулся от боли в челюсти, так как спал, уперев свое лицо в скалу. Когда я открыл глаза и попытался соскользнуть вниз с камня, на котором я лежал, я потерял равновесие и шумно упал на задницу. Дон Хуан выскочил из-за каких-то кустов и тут же скорчился от смеха.

Становилось поздно, и я громко поинтересовался, сможем ли мы пересечь долину до ночи. Дон Хуан пожал плечами, его это, казалось, нисколько не заботило. Он сел рядом со мной.

Я спросил, хочет ли он услышать подробности моего воспоминания. Он кивнул в знак согласия, но не задал мне ни одного вопроса. Я подумал, что он предоставляет право начать разговор мне, и поэтому сказал ему, что в моем воспоминании есть три момента, которые очень важны для меня. Первым было то, что он говорил о безмолвном знании, вторым было то, что я передвинул свою точку сборки, используя «намерение», и последний заключался в том, что я вошел в повышенное сознание без обязательного удара между лопаток.

— «Намеренный» вызов движения твоей точки сборки — это твое величайшее достижение, — сказал дон Хуан. — но достижение — это что-то личное. Оно необходимо, но и не так уж важно. Это совсем не то, чего маги ждут с нетерпением.

Мне показалось, что я знаю, чего он хочет. Я сказал ему, что не забыл полностью это событие. У меня в моем обычном состоянии сознания осталось воспоминание о том, что горный лев — а я не мог принять мысль о ягуаре — гнался за нами по холмам, и что дон Хуан спрашивал меня, чувствую ли я себя обиженным на нападение большой кошки. Я ответил ему тогда, что было бы абсурдным чувствовать обиду в такой ситуации. Он еще сказал мне, что я должен так же расценивать и нападения милых мне людей. Я должен или защищаться, или уйти с их пути, но без чувства смертельной обиды.

— Неважно, что я тебе говорил, — сказал он, рассмеявшись. — идея абстрактного, идея духа — вот остаток, который действительно важен. Идея личного «я» не имеет никакой ценности. Ты выражаешь себя и в первую очередь свои собственные чувства. Каждый раз, когда была возможность, я заставлял тебя осознавать потребность в абстрактном. Тебе верилось, что под этим я подразумеваю абстрактное мышление. Нет. Быть абстрактным — значит заставить себя стать доступным духу, благодаря тому, что осознаешь это.

Он сказал, что одной из наиболее драматических вещей человеческого состояния была мрачная связь между глупостью и самоотражением.

Это глупость заставляла нас отбрасывать все, что не устраивало наши ожидания, построенные на самоотражении. Например, как обычные люди, мы слепы к самому главному фрагменту знания, доступного человеку — к существованию точки сборки и факту, что она может двигаться.

— Для рационального человека невысказано, что существует какая-то невидимая точка, где собирается восприятие, — продолжил он. — еще более невероятно, что такая точка находится не в мозгу, как бы он определенно ожидал, даже приняв мысль о ее существовании.

Он добавил, что рациональный человек, упорно придерживаясь образа самого себя, как бы страхует свое вопиющее невежество. К примеру, он игнорирует тот факт, что магия — это не магические заклинания и не фокус-покус, а свобода познавать не только мир, как само собой разумеющееся, но и все, что возможно для человека.

— И здесь глупость обычных людей наиболее опасна, — продолжал он. — они боятся магии. Они дрожат от возможности быть свободными. А свобода здесь, на кончике их пальцев. Она называется третьей точкой. И она может быть достигнута с такой же легкостью, с какой точку сборки можно заставить передвигаться.

— Но ты сам говорил мне, что передвигать точку сборки настолько трудно, что это является истинным достижением, — возразил я.

Все правильно, — заверил он меня. — это другое противоречие магов: это очень трудно, и тем не менее это самая наипростейшая вещь в мире. Я уже говорил тебе, что точка сборки может сдвинуться от сильной температуры. Голод, страх, любовь и ненависть могут вызвать ее движение, сюда входят и мистицизм, и «непреклонное намерение», которое является предпочтительным методом магов.

Я попросил его объяснить еще раз, чем было «непреклонное намерение». Он сказал, что оно было видом целенаправленности, проявляемой человеком, крайне четкой целью, которую не могут отменить никакие противоречивые интересы и желания, «непреклонное намерение» — это еще и сила, зарождающаяся в момент, когда точка сборки фиксируется в позиции, необычной для нее.

Потом дон Хуан провел многозначительное различие — которое ускользало от меня все эти годы — между движением и перемещением точки сборки. Движение, — сказал он. — это глубокое изменение позиции, настолько глубокое, что точка сборки даже достигает других диапазонов энергии внутри нашей полной светящейся массы энергетических полей. Каждый диапазон энергии представляет для познания совершенно другую вселенную. Перемещение же было незначительным движением внутри диапазона энергетических полей, которые мы воспринимаем как мир повседневной жизни.

Он продолжал говорить, что маги видят «непреклонное намерение» — как катализатор, убаюкивающий их неизменные решения, или наоборот, их неизменные решения были катализатором, который проталкивал их точки сборки в новые позиции, которые, в свою очередь, генерировали «непреклонное намерение».

Наверное, у меня был ошеломленный вид. Дон Хуан рассмеялся и сказал, что попытки осмыслить метафорические описания магов так же бесполезны, как и попытки осмысления безмолвного знания. Он добавил, что проблема со словами состояла в том, что любое усилие прояснить описание магов лишь делало его более запутанным.

Я попросил его прояснить это тем способом, который был для него возможен. Я убеждал его, что все, о чем он говорил, например, о третьей точке, проясняло ее, и хотя я знал о ней все, этот вопрос оставался по-прежнему таким же запутанным.

— Мир повседневной жизни состоит из двух точек соотношения, — сказал он. — например, мы имеем здесь и там, внутри и снаружи, вверх и вниз, хорошее и злое и так далее, и тому подобное. Поэтому, собственно говоря, наше восприятие жизнью двумерно. Ни одно из них не имеет глубины того, что мы сами воспринимаем как действие.

Я возразил, что он смешивает уровни. Я сказал ему, что могу принять его определение восприятия как возможность живых существ воспринимать своими чувствами поля энергии, отобранные их точками сборки — весьма притянутое за уши определение по моим академическим стандартам, но оно на данный момент казалось убедительным. Однако я не мог представить себе, что может быть глубина того, что мы делаем. Я попытался выяснить, что, может быть, он говорит об интерпретациях-разработках наших базовых восприятий.

— Маг воспринимает свои действия с глубиной, — сказал он. — его действия для него трехмерны. Они имеют третью точку соотношения.

— Как может существовать третья точка соотношения? — спросил я с оттенком раздражения.

— Наши точки соотношения первоначально получены из нашего чувства восприятия, — сказал он. — наши чувства воспринимают и разграничивают то, что близко к нам, от того, что далеко. Используя это основное различие, мы извлекаем остальное.

— Для того, чтобы достигнуть третьей точки соотношения, мы должны воспринимать два места одновременно.

Мое восприятие ввело меня в странное настроение — было так, словно я прожил пережитое только несколько минут назад. И вдруг я осознал то, чего совершенно не замечал раньше. Под контролем дон Хуана я дважды до этого испытывал такое разделенное восприятие, но в тот момент я в первый раз добился его самостоятельно.

Размышляя о своем воспоминании, я понял, что мое сенсорное переживание оказалось более сложным, чем мне казалось сначала. В то время, как я парил над кустами, я

осознавал, без слов и даже без мыслей — что был в двух местах или был «здесь и здесь», как называл это дон Хуан, превращая мое восприятие в непосредственное и завершенное из обоих мест сразу. Но я осознавал еще и то, что моему двойному восприятию не хватает полной ясности нормального восприятия.

Дон Хуан объяснил, что нормальное восприятие было осью, «здесь и там» являлись периметрами этой оси, и мы тяготеем к ясности «здесь». Он сказал, что в нормальном восприятии только «здесь» воспринимается полно, мгновенно и непосредственно. Его двойнику по соотношению, «там», не хватает непосредственности. О нем делают выводы, заключения, его ожидают, иногда допускают, но его никогда не понимают непосредственно чувствами. Когда мы воспринимаем два места одновременно, полная ясность теряется, но приобретает непосредственное восприятие «там».

— Но тогда, дон Хуан, я был прав, описывая мое восприятие как важную часть моего переживания, — сказал я.

— Нет, ты не прав, — ответил он. — то, что ты пережил, было существенно для тебя, так как оно открывало дорогу к безмолвному знанию, но важной вещью был ягуар. Этот ягуар был действительно манифестацией духа.

— Эта большая кошка пришла неизвестно откуда. И она наверняка хотела прикончить нас, это я говорю точно. Ягуар был выражением магического. Без него у тебя не было бы ни восторга, ни урока, ни понимания.

— Но он действительно был реальный ягуар? — спросил я.

— Можешь мне поверить, он был реальным!

Дон Хуан отметил, что для обычного человека эта большая кошка была бы пугающей странностью. Обычному человеку трудно было бы объяснить в разумных терминах, что делает в Чиуауа этот ягуар, так далеко от тропических джунглей. Но маг, благодаря своему звену, связующему его с «намерением», видел бы этого ягуара, как средство выражения воспринимаемого — не странность, а источник благоговения.

Мне хотелось задать множество вопросов, но ответы приходили ко мне еще до того, как я произносил вопросы. Некоторое время я следовал курсу моих собственных вопросов и ответов, пока наконец не понял, что мое безмолвное знание ответов не имеет значения — ответы надо было выразить в словах, только тогда бы они приобрели какую-то ценность.

Я высказал первый вопрос, который пришел мне не ум. Я попросил дон Хуана объяснить то, что, по-видимому, было противоречием. Он утверждал, что только дух может передвинуть точку сборки. А потом он говорил, что мои чувства, переработанные в «намерение», сдвинули мою точку сборки.

— Только маги могут превращать свои чувства в «намерение», — сказал он. — «намерение» — это дух, поэтому дух двигает их точки сборки.

— Вводящая в заблуждение часть всего этого, — продолжал он. — заключается в том, что я говорю только о магах, которые знают о духе и о том, что «намерение» — единственные владения магов. Это не во всем истина, поэтому считай ее ситуацией в сфере практичности. Реальным состоянием является то, что маги более сознательны в своей связи с духом, чем обычные люди, и то, что они стремятся манипулировать ею. Это все. Я уже говорил тебе, что звено, связующее с «намерением», является универсальной чертой, разделяемой всем, что здесь есть.

Два или три раза дон Хуан, кажется, хотел что-то добавить. Он колебался, по-видимому, пытаясь подобрать слова. В конце концов он сказал, что быть в двух местах одновременно

— Это веха магов, используемая для обозначения момента, когда точка сборки достигает места безмолвного знания. Разделенное восприятие, если оно достигалось своими собственными средствами, называлось свободным движением точки сборки.

Он уверял меня, что каждый нагваль постоянно и изо всех сил поощряет свободное движение точек сборки своих учеников. Это тотальное усилие было загадочно названо «дотягиванием до третьей точки».

— Наиболее трудный аспект знания нагваля, — продолжал дон Хуан. — и, конечно же, главная часть его задачи, заключается в этом дотягивании до третьей точки — нагваль «намеренно» вызывает это свободное движение, и дух предоставляет нагвалю средства его достижения. Я никогда ничего «намеренно» не вызывал таким образом, пока не появился ты. Поэтому я никогда полностью не понимал гигантских усилий моего бенефактора, который «намеренно» вызывал его для меня.

— Трудность намеренного вызова нагвалем этого свободного движения у своих учеников, — продолжал дон Хуан. — ничто по сравнению с затруднением его учеников понять то, что делает нагваль. Посмотри на то, как тысопротивлялся! То же самое происходило и со мной. Большую часть времени я твердо верил, что надувательство духа было просто надувательством нагваля Хулиана.

— Позже я понял, что обязан ему моею жизнью и благополучием, — продолжал дон Хуан. — теперь я знаю, что обязан ему бесконечно большим. Поскольку я не могу описать, чем я действительно обязан ему, я предпочитаю говорить, что он уговорил меня овладеть третьей точкой соотношений.

— Третья точка соотношений является свободой восприятия, это «намерение», это дух, кувыркание мышления в чудесное, акт выхода за наши границы и прикосновения к непостижимому.

ДВА ОДНОСТОРОННИХ МОСТА

Дон Хуан и я сидели за столом на его кухне. Было раннее утро. Мы только что вернулись с гор, где провели ночь после того, как я вспомнил мое переживание с ягуаром. Воспоминание моего разделенного восприятия втянуло меня в состояние эйфории, которое для дон Хуана было обычным. Оно вызвало во мне массу сенсорных переживаний, которые я теперь не могу вспомнить. Моя эйфория, тем не менее, не убывала.

— Открытие возможности быть в двух местах одновременно действует на ум очень возбуждающе, — сказал он. — поскольку наши умы — это наш рационализм, а наш рационализм является нашим самоотражением, все, что находится за пределами нашего самоотражения, либо ужасает нас, либо привлекает нас, в зависимости от того, каким видом личности мы обладаем.

Он пристально посмотрел на меня, а потом улыбнулся, словно только что обнаружил нечто новое.

— Или оно ужасает и притягивает нас в одинаковой мере, — сказал он. — кажется, это случай нас обоих.

Я рассказал ему, что для меня не имеет значения, отталкивает или притягивает меня мое переживание, вопрос состоял в том, что я был напуган необъятностью возможности разделенного восприятия.

— Я не могу сказать, что не верю, будто я был в двух местах одновременно, — сказал я. — я не могу отрицать свое переживание, и все же мне кажется, что мой ум, сильно напуганный этим, отказался принять как факт это переживание.

— И ты, и я относимся к тем людям, которые были одержимы вещами, подобными этой, а затем забыли все о них, — заметил он и рассмеялся. — ты и я похожи очень во многом.

Меня так и тянуло расхохотаться. Я знал, что он высмеивает меня. Однако он проецировал такую искренность, что мне захотелось поверить в его правдивость.

Я рассказал ему, что среди его учеников я один научился не принимать его заявления о равенстве между нами слишком серьезно. Я сказал, что видел его в действии, слушая, как он говорит каждому из своих учеников довольно искренним тоном: — «ты и я просто дураки. Мы так похожи!» И я ужасался раз за разом, понимая, что они верят ему.

— Ты не похож ни на одного из нас, дон Хуан, — сказал я. — ты — зеркало, которое не отражает наши представления. Ты уже за пределами нашей досягаемости.

— То, чему ты стал свидетелем, является результатом борьбы в течение всей жизни, — сказал он. — ты просто увидел мага, который, наконец, научился следовать замыслам духа, вот и все.

— Я уже описывал тебе во многих отношениях различные стадии воина, идущего по пути знания, — продолжал он. — в терминах его связи с «намерением», воин проходит через четыре этапа. Первый, когда он имеет ржавое, ненадежное звено с «намерением». Второй, когда ему удастся очистить его. Третий, когда он обучается манипулировать им. И четвертый, когда он обучается принимать замыслы абстрактного.

Дон Хуан утверждал, что его достижения не делают его другим по сущности. Они лишь делают его более изобретательным, таким образом, не очень-то он и шутит, говоря мне или другим своим ученикам, что он так похож на нас.

— Я точно знаю, через что ты проходишь, — продолжал он. — когда я смеюсь над тобой, на самом деле я смеюсь над воспоминанием о себе в твоей шкуре. О, как я держался за мир повседневной жизни! Я цеплялся за него всеми своими ногтями. Все вокруг меня говорило мне, что пора уходить от этого, но я не мог. Как и ты, я слепо доверял своему уму, и я не видел смысла в том, чтобы поступать иначе. Я ничем не отличался от обычных людей.

— Моей проблемой тогда была твоя сегодняшняя проблема. Инерция повседневного мира захватывала меня, и мне приходилось поступать так, как поступают обычные люди. Я отчаянно цеплялся за свои непрочные рациональные структуры. Не делай хоть ты этого.

— Я не цепляюсь ни за какие структуры, это они держат меня, — сказал я, и это вызвало его смех.

Я сказал ему, что понимаю его полностью, но независимо от того, как упорно бы я не пытался, мне не удастся поступать так, как должен поступать маг.

Он сказал, что мое шаткое положение в мире магов проистекает из-за недостаточного знакомства с ним. В этом мире я связывал себя со всем совершенно новым образом, который

бесконечно более труден, поскольку он имел очень мало общего с последовательностью моей повседневной жизни.

Он обрисовал характерную проблему магов, как двойную. Первая сторона представляла собой невозможность восстановления разбитой вдребезги последовательности, вторая — невозможность использования последовательности, продиктованной новой позицией их точек сборки. Эта новая последовательность всегда слишком слаба, слишком нестабильна и не дает магам уверенности, в которой они нуждаются для того, чтобы функционировать так, словно они находятся в мире повседневных дел.

— И как маги решают эту проблему? — спросил я.

— Никто из нас ничего не решает, — ответил он. — дух либо решает ее за нас, либо не решает. Если он все же делает это, мы находим себя действующими в мире магов, но не зная как. Вот почему я настаиваю на том, что с того дня, как я нашел тебя, имеет значение только безупречность. Маги живут безупречно, и, по-видимому, это приманивает решение. Почему? Никто не знает.

Дон Хуан некоторое время не говорил ни слова. А затем, словно я выразил ее, он прокомментировал мысль, которая у меня появилась. Я думал о том, что безупречность всегда заставляла меня размышлять о религиозной нравственности.

— Безупречность, как я говорил тебе уже много раз, не является нравственностью, — сказал он. — она только похожа на нравственность. Безупречность — это просто наилучшее использование нашего энергетического уровня. Естественно, она требует умеренности, содержательности, простоты, невинности, и превыше всего она требует отсутствия самоотражения. Все это звучит как учебник по монашеской жизни, но это не так.

— Маги говорят, что для того, чтобы располагать духом, и для того, что они подразумевают под управлением движением точки сборки, им необходима энергия. Единственной вещью, которая снабжает нас энергией, является наша безупречность.

Дон Хуан отметил, что, будучи учениками магии, мы не можем передвигать нашу точку сборки. Иногда, при обычных, хотя и драматических обстоятельствах, таких, как война, лишения, стресс, утомленность, скорбь, беспомощность, точки сборки людей испытывают глубокие передвижения. Если человек найдет себя способным при таких обстоятельствах принять идеологию мага, говорил дон Хуан, он может без забот увеличить до предела это естественное движение. И он должен искать и найти экстраординарные вещи вместо того, чтобы поступать при таких обстоятельствах так, как это обычно делает человек, страстно мечтая вернуться в обычное состояние.

— Когда движение точки сборки увеличивается до предела, — продолжал он. — и обычный человек, и ученик в магии становятся магами, поскольку при увеличении этого движения последовательность разрушается, и никакой ремонт ей не поможет.

— А как ты увеличил это движение? — спросил я.

— Ограничив самоотражение, — ответил он. — в передвижении точки сборки или в разрушении своей последовательности нет реальной трудности. Реальная трудность заключается в обладании энергией. Если есть энергия, точка сборки перемещается, выдавая невообразимые вещи.

Дон Хуан объяснил, что затруднение человека состоит в том, что он интуитивно чувствует свои скрытые ресурсы, но не осмеливается использовать их. Вот почему маги говорят, что состояние человека является контрапунктом между его глупостью и невежеством. Он сказал, что сейчас людям нужно, более чем когда-либо, научиться новым идеям, которые имели бы дело исключительно с их внутренним миром — идеям магов, не социальным идеям, а идеям, относящимся к встречам человека с неизвестным, к встрече с его личной смертью. Сейчас, больше чем когда-либо, человек должен научиться тайнам точки сборки.

Без предисловий и без пауз на обдумывание, дон Хуан начал рассказывать мне магическую историю. Он сказал, что целый год он был единственным молодым человеком в доме нагваля Хулиана. Он был настолько эгоцентричен, что даже не заметил того, что в начале следующего года его бенефактор привел трех юношей и четырех девушек, которые тоже остались жить в его доме. Дон Хуан считал этих семерых два или три месяца просто прислугой и не придавал им значения. Один из молодых людей даже стал его помощником.

Дон Хуан убеждал нагваля Хулиана завлечь и уговорить их работать на него без всякой платы. И он даже жалел этих людей за их слепое доверие к нагвалю Хулиану и жалкую привязанность к каждому и всему в этом доме.

Он чувствовал, что они рождены рабами, и что ему не о чем с ними разговаривать. Однако он был обязан дружить с ними и давать им советы, не потому, что он этого хотел, но потому, что нагваль определил это, как часть его работы. И поскольку они во всем советовались с ним, он просто в ужас приходил от мук и драмы их жизненных историй.

Дон Хуан тайно поздравлял себя с тем, что он лучше их. Он искренне чувствовал себя умнее, чем все они вместе взятые. Он хвастался им, что насквозь видит все маневры

нагваля, хотя и не утверждает, что понимает их. И он смеялся над их нелепыми попытками быть полезными. Он считал их подобоострастными и говорил им в лицо, что их безжалостно эксплуатирует профессиональный тиран.

Его приводило в ярость то, что четыре девушки буквально были влюблены в нагваля Хулиана и делали все, чтобы угодить ему. Дон Хуан искал утешения в своей работе и бросался в нее, чтобы забыть свой гнев. Он часами читал книги, которые были в доме нагваля Хулиана. Чтение стало его страстью. Когда он читал, каждый знал, что беспокоить его нельзя. Правда, это не касалось нагваля Хулиана, который находил удовольствие в том, чтобы никогда не оставлять его в покое. Он постоянно требовал, чтобы дон Хуан был дружен с юношами и девушками. Он часто повторял ему, что все они, в том числе и дон Хуан, были его учениками-магами. Дон Хуан был убежден, что нагваль Хулиан ничего не смыслит в магии, но ублажал его, слушая, но ни слову не веря.

Нагваля Хулиана ничуть не расстраивало отсутствие доверия дон Хуана. Он просто продолжал поступать так, словно дон Хуан верил ему, и собирал всех учеников вместе, чтобы дать им очередные инструкции. Периодически он брал их на ночные экскурсии в окрестные горы. В большинстве из этих экскурсий нагваль оставлял учеников самих по себе, бросая их в горах на попечение дон Хуана.

Рациональной основой этих путешествий было то, что в уединении и дикой местности они должны были обнаружить духа. Но они так никогда и не сделали этого. По крайней мере, не тем образом, как понимал это дон Хуан. Однако, нагваль Хулиан так сильно настаивал на важности знания духа, что дон Хуан стал одержим вопросом, чем является дух.

В течение одной из таких ночных экскурсий нагваль Хулиан посоветовал дон Хуану следовать за духом, даже если он не понимает его.

— Конечно, он подразумевал единственную вещь, которую может подразумевать нагваль — движение точки сборки, — сказал дон Хуан. — но он произнес это так, будучи уверен, что это вызовет во мне чувство следования за духом.

— Я подумал, что он несет очередную чушь. К тому времени я уже составил свои собственные мнения и убеждения, поэтому мне казалось, что дух является тем, что известно как характер, воля, мужество, сила. Я верил, что мне не надо следовать им. Я уже имел все это.

— Нагваль Хулиан настаивал, что дух неопределим, что его нельзя даже почувствовать или более менее говорить с ним. Он утверждал, что его можно только заманить знанием о его существовании. Мои возражения были во многом похожи на твои — как можно заманить то, чего вообще не существует.

Дон Хуан рассказал мне, что он так много спорил с нагвалем, что тот в конце концов сказал ему перед всеми людьми его дома, что он намеревается одним единственным махом не только показать ему, чем является дух, но и как определить его. Он также пообещал на виду у большого числа людей, даже пригласив соседей, отпраздновать урок дон хуана.

Дон Хуан заметил, что в те дни перед мексиканской революцией нагваль Хулиан и семь женщин его группы выдавали себя богатыми владельцами огромной гасиенды. Никто никогда не сомневался в этом образе, особенно нагваля Хулиана — богатого и красивого землевладельца, который вопреки своему искреннему желанию продолжать духовную карьеру был вынужден заботиться о своих семи незамужних сестрах.

Однажды во время сезона дождей нагваль Хулиан сообщил, что после того, как кончатся дожди, он собирается созвать большую группу людей, чтобы выполнить обещание, данное дон Хуану. В одно из воскресений после обеда он собрал весь дом на берегу реки, которая была в разливе из-за сильных паводков. Нагваль Хулиан поехал верхом на коне, в то время как дон Хуан почтительно бежал позади. Это было у них в обычае на случай, если они повстречают кого-нибудь из своих соседей, поскольку соседи знали, что дон Хуан является личным слугой землевладельца.

Нагваль выбрал для пикника участок на бугре у края реки. Женщины готовили еду и питье. Нагваль даже вызвал группу музыкантов из города. Было много народу, включая пеонов гасиенды, соседей и даже прохожих путников, которые не постеснялись примкнуть к веселью.

Каждый ел и пил в свое удовольствие. Нагваль танцевал со всеми женщинами, пел и декламировал стихи. Он рассказывал шутки и с помощью некоторых женщин инсценировал легкомысленные сценки ко всеобщему восхищению.

В следующий момент нагваль спросил, хочет ли кто-нибудь из присутствующих, особенно его учеников, разделить с дон Хуаном урок. Все отказались. Каждый из них остро осознавал жесткую тактику нагваля. Тогда он спросил дон Хуана, уверен ли он, что хочет понять, чем является дух.

Дон Хуан не мог сказать «нет». Ему просто поздно было отказываться. Он заявил, что готов для этого, как никогда. Нагваль подвел его к краю стремительной реки и поставил на

колени. Затем он произнес длинное заклинание, в котором призывал силы ветра и гор к себе, и просил силу реки дать совет и оказать помощь дон Хуану.

Его заклинание, очень выразительное по форме, было высказано так непочтительно, что все вокруг по земле катались от хохота. Закончив его, он попросил дон Хуана встать с закрытыми глазами. Затем он поднял ученика на руки, как ребенка, и бросил его в стремительные воды, прокричав: — «ради небес, не злись на реку!».

Описывая этот эпизод, дон Хуан пережил приступ смеха. Возможно, при других обстоятельствах я тоже нашел бы это забавным. Но на этот раз история подействовала на меня очень угнетающе.

— Ты бы видел лица тех людей, — продолжал дон Хуан. — мельком я заметил их тревогу, когда падал в воду. Никто не ожидал, что дьявольский нагваль сделает такое.

Дон Хуан сказал, что у него мелькнула мысль о конце его жизни. Он плохо плавал и, идя ко дну, проклял себя за то, что позволил всему этому случиться. Его переполнял гнев, но не было времени паниковать. Все, о чем он смог подумать, было решением, что он не умрет в этой чертовой реке от рук этого проклятого человека.

Его ноги коснулись дна, и он оттолкнулся вверх. Река не была глубокой, но паводковые воды сделали ее очень широкой. Быстрое течение тащило его, в то время как он шлепал по воде, пытаясь не перевернуться в бушующем потоке.

Течение унесло его на далекое расстояние. И пока дон Хуан барахтался, изо всех сил пытаясь выжить, у него появилось приподнятое настроение. Он знал свой недостаток. Он был очень сердитым человеком, и его сдерживаемый гнев заставлял его ненавидеть и сражаться с каждым в своем окружении. Но он не мог ненавидеть или сражаться с рекой или быть с ней нетерпеливым или беспокоиться о ней, то есть вести себя так, как он обычно вел себя со всем и каждым в его жизни. Все, что он мог делать в реке, это отдаваться ее потоку.

Дон Хуан заявил, что простое согласие с этим сместило чашу весов, если так можно выразиться, и он пережил свободное движение своей точки сборки. Внезапно, совершенно не сознавая, что происходит, вместо гонки среди бушующих волн, он почувствовал себя бегущим по берегу реки. Он бежал так быстро, что у него не было времени на размышление. Огромная сила несла его, заставляя мчаться над валунами и упавшими деревьями, словно их вообще тут не было.

Пробежав в такой отчаянной манере некоторое время, дон Хуан отважился быстро взглянуть на красноватые, бурлящие воды. И он увидел себя, бросаемого из стороны в сторону мощным течением. Ничего в этом переживании не подготавливало к этому моменту. И тогда он понял, без вовлечения своего мыслительного процесса, что он находится в двух местах одновременно. И в одном из них, в бушующей реке, он был беспомощен.

Вся его энергия была направлена на попытку спасти себя.

Совершенно не думая об этом, он начал уклоняться от речного берега. Потребовалась вся его сила и решительность, чтобы сдвинуться на дюйм. Он почувствовал себя так, словно тащил дерево. Дон Хуан двигался настолько медленно, что казалось, вечность потребуется для того, чтобы передвинуться на несколько метров.

Напряжение оказалось слишком большим для него. И вдруг он почувствовал, что уже не бежит, он падал в глубокую скважину. Когда дон Хуан ударился об воду, жуткий холод заставил его закричать. И тогда он вновь оказался в реке, влекомый течением. Его испуг от того, что он вновь нашел себя в бурлящих водах, был настолько сильным, что у него возникло желание опять оказаться целым и невредимым на берегу реки. И он тут же оказался там, бегущим с головокружительной скоростью параллельно, но на достаточном расстоянии от реки.

Пока он бежал, он взглянул на поток и увидел себя, пытающимся остаться на плаву. Он хотел крикнуть, хотел приказывать себе плыть под углом, но голоса не было. Его переполняла боль за ту часть себя, которая находилась в воде. Эта боль послужила мостом между двумя Хуанами Матусами. Он вдруг снова оказался в воде, плывущим под углом к берегу.

Невероятного ощущения выбора между двумя местами было достаточно, чтобы уничтожить его страх. Он больше не беспокоился о своей судьбе. Он свободно мог выбрать или плыть по реке или мчаться по берегу. Но что бы дон Хуан ни делал, он постоянно двигался к своей цели, либо убегая от реки, либо подплывая к берегу.

Он вылез на левый берег реки в пяти милях вниз по течению. Дон Хуан оставался здесь, укрываясь в кустах, около недели. Он ждал, пока не спадет вода, надеясь перейти реку вброд, и еще он ждал, пока не пройдет его испуг, и он не станет снова одним целым.

Дон Хуан объяснял случившееся тем, что сильная, выдержанная эмоция испуга за свою жизнь вызвала движение его точки сборки прямо к месту безмолвного знания. Поскольку он никогда не обращал внимания на то, что нагваль Хулиан говорил ему о точке сборки, он не имел представления о том, что с ним произошло. Его пугала мысль, что он может никогда вновь не стать нормальным. Но когда он изучил свое разделенное восприятие, он обнаружил

его практическую сторону и нашел, что оно нравится ему. Дон Хуан был двойным несколько дней. Он мог быть либо одним, либо другим. Или он мог быть обоими в одно и то же время. Когда он был двумя, вещи становились смутными, и ни тот ни другой не были эффективными в своей деятельности. Поэтому он отказался от этого выбора. Но быть одним или другим открывало для него невообразимые возможности.

Пока дон Хуан поправлялся в кустах, он установил, что одна из его сущностей была более гибкой, чем другая, и могла покрывать расстояния в мгновение ока, отыскивая пищу или лучшее место для укрытия. Эта сущность однажды прокралась в дом нагваля, чтобы посмотреть, беспокоятся ли там о нем.

Он услышал, как молодые люди оплакивают его, и это было, безусловно, неожиданно. Он мог бы без конца смотреть на них, так как ему ужасно нравилась идея побольше узнать, что они думают о нем, но нагваль Хулиан поймал его и положил всему конец.

Это был единственный случай, когда он действительно испугался нагваля. Дон Хуан услышал, что нагваль просит его прекратить свои глупости. Он возник внезапно, черным как смоль, шарообразным объектом огромного веса и силы. Он схватил дон Хуана. Дон Хуан не знал, как нагваль схватил его, но это было очень тревожно и болезненно. Он почувствовал резкую нервную боль в животе и паху.

— Я тут же оказался снова на берегу реки, — сказал дон Хуан, рассмеявшись. — я встал, перешел вброд недавно обмелевшую реку и отправился домой.

Он остановился, чтобы спросить меня, что я думаю о его истории. И я рассказал, что она ужаснула меня.

— Ты мог утонуть в той реке, — сказал я, почти срываясь на крик. — какую жестокость ты перенес. Нагваль Хулиан, наверное, был сумасшедшим!

— Подожди немного, — возразил дон Хуан. — нагваль Хулиан был дьявольским, но не сумасшедшим. Он сделал то, что должен был сделать в своей роли нагваля и учителя. Да, верно, я мог умереть. Но это риск, на который обречены мы все. Ты же тоже мог быть пожранным ягуаром или умереть от любой вещи, которую я заставлял тебя выполнять. Нагваль Хулиан был смелым и внушительным, он брался за все смело и прямо. С ним нельзя было играть в прятки и толочь попусту слова.

Я признал, что ценность урока несомненна, и все же мне казалось, что методы нагваля были странными и чрезмерными. Я признался дон Хуану, что все услышанное мной о нагвале Хулиане беспокоило меня так сильно, что я составил довольно негативную картину о нем.

— А я думаю, что ты боишься, что однажды я брошу тебя в реку и заставлю носить женскую одежду, — сказал он и начал смеяться. — вот почему ты не одобряешь нагваля Хулиана.

Я признал, что он прав, а он заверил меня, что у него нет стремления имитировать методы его бенефактора, поскольку они у него не срабатывают. Дон Хуан сказал, что он такой же безжалостный, но не такой же практичный, как нагваль Хулиан.

— В тот раз, — продолжал дон Хуан. — я не оценил его искусства, и мне, конечно, не понравилось то, что он сделал со мной, но теперь, когда я думаю об этом, я все больше восхищаюсь им за его превосходный и прямой способ, которым он поместил меня в позицию безмолвного знания.

Дон Хуан сказал, что из-за чудовищности своего переживания он совершенно забыл о человеке-чудовище. Он незаметно дошел почти до дверей нагваля Хулиана, а затем изменил свое настроение и оказался вместо этого у нагваля Элиаса, который искал уединения. Нагваль Элиас объяснил ему глубокую последовательность действий нагваля Хулиана.

Нагваль Хулиан с трудом сдерживал свое возбуждение, выслушивая историю дон Хуана. Он с жаром объяснил дон Хуану, что его бенефактор был изумительным «сталкером», это была его ярчайшая черта после практичности. Его бесконечный поиск касался прагматических взглядов и решений. Его поведение в тот день на реке было шедевром «выслеживания». Он манипулировал и влиял на каждого. Даже река, казалось, была в его власти.

Нагваль Элиас утверждал, что пока дон Хуан, влекомый течением, сражался за свою жизнь, река помогла ему понять то, чем был дух. И благодаря этому пониманию дон Хуан получил возможность войти непосредственно в безмолвное знание.

Дон Хуан сказал, что, благодаря тому, что он был зеленым юнцом, он слушал нагваля Элиаса, не вникая в слова, но движимый искренним восхищением интенсивностью нагваля.

Сначала нагваль Элиас объяснил дон Хуану, что звучание и смысл слов крайне важен для «сталкеров». Слова используются ими, как ключи, чтобы открывать все, что было закрыто. Следовательно, сталкеры определяют свою цель прежде, чем пытаются достичь ее. Но сначала они не могут обнаружить свою истинную цель, поэтому они тщательно описывают вещи, скрывая этим свой основной удар.

Нагваль Элиас назвал это действие пробуждением «намерения». Он объяснил дон Хуану, что нагваль Хулиан пробудил «намерение», настойчиво заявив жителями дома, что он хочет пред» явить дон Хуану одним махом и то, чем является дух, и то, как его определять. Это полнейшая ерунда, поскольку нагваль Хулиан знал, что духа определить невозможно. То, что он действительно задумал сделать, было, конечно же, перемещением дон Хуана в позицию безмолвного знания.

Сделав заявление, которое скрывало его истинную цель, нагваль Хулиан собрал максимально возможное число людей, превратив их в своих сознательных и бессознательных соучастников. Каждый из них знал о его объявленной цели, но никто не знал, что действительно было у него на уме.

Нагваль Элиас верил, что его объяснение вытряхнет дон Хуана из его невыносимого состояния тотального бунтарства и равнодушия, которое было совершенно ошибочным. Поэтому нагваль терпеливо продолжал объяснять ему, что пока он боролся с течением реки, ему удалось достичь третьей точки.

Старый нагваль объяснил, что позиция безмолвного знания была названа третьей точкой, потому что, прежде чем достичь ее, надо было пройти вторую точку — место отсутствия жалости.

Он сказал, что точка сборки дон Хуана приобрела достаточную подвижность для того, чтобы он стал двойным. Это позволило ему быть и в месте рассудка, и в месте безмолвного знания, либо по очереди, либо одновременно.

Нагваль рассказал дон Хуану, что его достижение великолепно. Он даже обнял дон Хуана, словно тот был ребенок. Он не мог остановиться, и все говорил о том, как дон Хуан, несмотря на то, что он не знал совершенно ничего — или, может быть, благодаря тому, что он не знал ничего — перевел свою полную энергию с одного места на другое. Этим нагваль хотел сказать, что точка сборки дон Хуана получила более благоприятную, естественную подвижность.

Он сказал дон Хуану, что каждый человек способен на такую подвижность. Но для большинства из нас это только потенциальная возможность, мы никогда не используем ее, кроме редких случаев, которые были вызваны или магами, как, например, переживание, которое имел дон Хуан, или драматическими естественными обстоятельствами, такими, как борьба не на жизнь, а на смерть.

Дон Хуан слушал, загипнотизированный звучанием голоса старого нагваля. Когда он был внимательным, он понимал все, что ему говорили, но это было чем-то таким, на что он был неспособен, имея дело с нагвалем Хулианом. Старый нагваль продолжал объяснять, что человечество сосредоточено на первой точке, рассудке, но не у каждого человека точка сборки находится прямо в позиции рассудка. Те, кто был именно в этой точке, являлись истинными лидерами человечества. Большей частью они остались неизвестными людьми, чей гений заключался в использовании их разума.

Нагваль сказал, что были и другие времена, когда человечество концентрировалось на третьей точке, которая тогда считалась, конечно же, первой. Но потом люди перешли в место рассудка.

Когда безмолвное знание было первой точкой, торжествовало то же условие. Не у каждого человека точка сборки находилась прямо в этой позиции. Это означает то, что истинными лидерами человечества всегда были несколько человек, чьим точкам сборки посчастливилось быть либо непосредственно в точке рассудка, либо прямо в месте безмолвного знания. Остальное человечество, говорил старый нагваль, просто публика. В наши дни они любители рассудка. В прошлом же были любителями безмолвного знания. Это те, кто восхищается и воспеваает оды героям обеих позиций.

Нагваль утверждал, что человечество провело большую часть своей истории в позиции безмолвного знания, этим и объясняется наша великая тоска по нему.

Дон Хуан спросил старого нагваля, что же именно делал с ним нагваль Хулиан. Его вопрос прозвучал более зрело и разумно, чем он сам предполагал. Нагваль Элиас ответил на него терминами, совершенно непонятными в то время для дон Хуана. Он сказал, что нагваль Хулиан подготовил дон Хуана, заманив его точку сборки в позицию рассудка, поэтому он и сумел стать мыслителем в отличие от простой, но эмоционально заряженной публики, которая обожает организованную работу рассудка. В то же время нагваль Хулиан натренировал дон Хуана быть настоящим абстрактным магом в отличие от патологической и невежественной публики любителей неизвестного.

Нагваль Элиас заверил дон Хуана, что только будучи образцом рассудка, человек может с легкостью передвигать свою точку сборки и быть образцом безмолвного знания. Он сказал, что только находясь непосредственно в одной из двух позиций, можно ясно увидеть другую позицию, и именно это послужило причиной прихода века рассудка. Позиция рассудка ясно видна из позиции безмолвного знания.

Старый нагваль рассказал дон Хуану о том, что односторонний мост от безмолвного знания к рассудку был назван «озабоченностью». Этому послужила та озабоченность, которую настоящие люди безмолвного знания имели об источнике того, что они знали. Другой односторонний мост, от рассудка к безмолвному знанию, был назван «чистым пониманием». Это признание людей рассудка о том, что рассудок — это только один остров в бесконечном море островов.

Нагваль добавил, что человек, работающий с двумя односторонними мостами, является магом на прямом контакте с духом — жизненной энергией, которая делает возможными обе позиции. Он указал дон Хуану, что все сделанное нагвалем Хулианом в тот день на реке было продемонстрировано не человеческой публике, а духу — силе, которая следила за ним. Он прыгал и резвился с непринужденностью, принимая во внимание каждого, а особенно силу, к которой он обращался.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас заверил его в том, что дух слушает только тогда, когда говорящий говорит жестами. И жесты не означают знаки или телесные движения, это акты настоящей непринужденности, акты щедрости, юмора. В жестах для духа маги пробуждают в себе все самое лучшее и безмолвно предлагают это абстрактному.

ПРОЯВЛЕНИЯ «НАМЕРЕНИЯ»

Дон Хуан хотел, чтобы мы совершили один продолжительный поход в горы, прежде чем я уеду домой, но мы так и не осуществили это. Вместо этого он попросил меня подвезти его в город. Ему там нужно было повидаться с какими-то людьми.

По пути он говорил обо всем кроме «намерения». Это была желанная передышка.

После обеда, уладив свои дела, дон Хуан предложил мне посидеть на его любимой скамье на площади. Она оказалась свободной. Я был очень утомленным и сонным. Но потом совершенно неожиданно приободрился. Мой ум стал кристально чистым.

Дон Хуан тут же заметил перемену и засмеялся над моим жестом удивления. Он улавливал мысли в моем уме, или, возможно, это я вбирал в себя мысли от него.

— Если бы ты думал о жизни, как о периоде часов, а не лет, твоя жизнь была бы намного длиннее, — сказал он. — даже если ты будешь думать о ней, как о нескольких днях, жизнь все равно покажется тебе бесконечной.

Это было точно тем, о чем я думал.

Он сказал мне, что маги считают свои жизни на часы. И что один час жизни мага может быть равен по интенсивности целой обычной жизни. Эта интенсивность является преимуществом, когда она подходит к информации, заложенной в движении точки сборки.

Я попросил его объяснить мне это более подробно. Много раз прежде в затруднительных ситуациях в течение бесед он советовал мне хранить всю информацию, полученную мной о мире магов, записывая ее не на бумагу и не в уме, а в движении моей точки сборки.

— Точка сборки даже при самом незначительном перемещении создает полностью изолированные острова восприятия, — сказал дон Хуан. — здесь можно хранить информацию в форме переживаний, отложенных в усложненности сознания.

— Но как можно хранить информацию о том, что так неясно? — спросил я.

— Ум в равной степени неясен, и все же ты доверяешь ему, благодаря своему знакомству с ним, — возразил он. — у тебя пока нет такого знакомства с движением точки сборки, а так это то же самое.

— Я хотел узнать, как сохраняется информация? — спросил я.

— Информация хранится непосредственно в переживании, — объяснил он. — позднее, когда маг сдвигает свою точку сборки именно туда, где она была в прошлом, он проживает вновь свое полное переживание. Такое воспоминание магов является способом возвращения информации, содержащейся в движении точки сборки.

— Интенсивность — это автоматический результат движения точки сборки, — продолжал он. — например, ты проживаешь эти моменты более интенсивно, чем делал это обычно, поэтому можно сказать, что сейчас ты откладываешь в запас свою интенсивность. Однажды ты проживешь вновь этот миг, сдвинув свою точку сборки в точное место, где она находится сейчас. Это и есть способ, которым маги сохраняют информацию.

Я рассказал дон Хуану, что сильное воспоминание, пришедшее ко мне несколько дней назад, просто случилось со мной, без какого-то особого ментального процесса, который я бы осознавал.

— Как можно преднамеренно управлять воспоминанием? — спросил я.

— Интенсивность, будучи аспектом «намерения», естественно связана с блеском глаз магов, — объяснил он. — для того, чтобы вспомнить эти изолированные островки восприятия, магам надо только «намеренно» вызвать особый блеск своих глаз, который ассоциируется с тем местом, в которое они хотят вернуться. Но я тебе уже это объяснял.

Наверное, я выглядел озадаченным. Дон Хуан смотрел на меня с серьезным выражением лица. Я раскрывал рот несколько раз, пытаюсь задать ему несколько вопросов, но не мог оформить свои мысли.

— Поскольку его размер интенсивности больше обычного, — сказал дон Хуан. — за несколько часов маг может прожить эквивалент обычной жизни. Его точка сборки, перемещаясь в незнакомую позицию, требует энергии больше, чем обычно. Этот дополнительный поток энергии называется интенсивностью.

Я понял то, о чем он говорит, с удивительной ясностью, и моя рациональность рухнула при столкновении с потрясающим контекстом.

Дон Хуан некоторое время фиксировал на мне свой взгляд, а затем предупредил, чтобы я остерегался реакции, которая обычно причиняет страдания магам — неудовлетворенного желания объяснить магическое переживание убедительными, благоразумными терминами.

— Переживание мага так необычно, — продолжал дон Хуан. — что маги считают его интеллектуальным упражнением и используют его для «выслеживания» самих себя. Тем не менее, их козырной картой, как «сталкеров», является то, что они продолжают остро осознавать, что мывоспринимающая сторона, и что восприятие обладает большими возможностями, чем может представить себе ум.

Как общее замечание, я высказал свое понимание необычных возможностей человеческого сознания.

— Чтобы защитить себя от этой безмерности, — сказал дон Хуан. — маги научились придерживаться идеальной смеси безжалостности, хитрости, терпения и ласки. Эти четыре основания немислимо перепутаны друг с другом. Маги культивируют их, намеренно вызывая эти основания. Они, конечно же, являются позициями точки сборки.

Он продолжал говорить, что каждое действие, выполняемое магом, было определением владения этими четырьмя принципами. Поэтому, собственно говоря, любое действие мага продумано и в мыслях, и в реализации, и представляет собой своеобразную смесь четырех оснований «выслеживания».

— Маги используют четыре настроения «выслеживания» как путеводители, — продолжал он. — это четыре различных состояния ума, четыре различных марки интенсивности, которые маги могут использовать, заставляя свои точки сборки передвигаться в особые позиции.

Он вдруг показался мне раздосадованным. Я спросил, не беспокоят ли его мои настойчивые просьбы и расспросы.

— Я просто удивляюсь, как наша рациональность бросает нас под молот на наковальню, — сказал он. — это наша тенденция размышлять, спрашивать, разоблачать. Но ей нет места внутри дисциплины магии. Магия — это акт достижения места безмолвного знания, а безмолвное знание невозможно осмыслить. Его можно только переживать.

Он улыбнулся, его глаза блеснули, как пятна света. Он сказал, что маги, пытаясь защитить себя от подавляющего эффекта безмолвного знания, развили искусство «выслеживания». Выслеживание передвигает точку сборки ежеминутно и неуклонно, тем самым давая магам время и возможность поддержать себя.

— В искусстве «выслеживания» есть техника, которую маги используют наиболее часто — это контролируемая глупость. Маги утверждают, что контролируемая глупость является единственным способом, посредством которого они имеют дело сами с собой — в их состоянии расширяющегося сознания и восприятия — а также и каждым в мире повседневных дел.

Дон Хуан объяснял контролируемую глупость как искусство контролируемого обмана, или искусство притворства быть полностью погруженным в действие, которое в данный момент под рукой — притворства до такой степени, когда никто не сможет отличить его от реального поведения. Контролируемая глупость — это не открытый обман, говорил мне дон Хуан, но утонченный, артистичный способ быть отделенным от всего, в то же время оставаясь неотъемлемой частью всего.

— Контролируемая глупость — это искусство, — продолжал дон Хуан. — Очень надоедливое искусство и трудное для обучения. Большинство магов просто воротит от него, не потому, что ему присуще какое-то зло, а потому, что при использовании его требуется много энергии.

Дон Хуан признался, что он сознательно практикует его, хотя это и не особенно нравится ему, возможно, из-за того, что его бенефактор был так искусен в этом. Или, может быть, из-за того, что его индивидуальность — которая, как он говорил, была неискренней и мелочной — просто не обладала проворством, необходимым для того, чтобы практиковать контролируемую глупость.

Я взглянул на него с удивлением. Он замолчал и уставился на меня озорными глазами.

— Когда мы приходим к магии, наши личности уже сформированы, — сказал он и пожал плечами, выражая смирение, — поэтому все, что нам остается делать, это практиковать контролируруемую глупость и смеяться над собой.

Наплыв сочувствия заставил меня сказать, что он, по моему мнению, ни в коей мере не мелочный.

— Но такова моя основная индивидуальность, — настаивал он.

Я с этим не согласился.

— «Сталкеры», практикуя контролируемую глупость, верят, что в вопросах личности вся человеческая раса делится на три категории, — сказал он и улыбнулся так, как делал это всегда, когда выдавал себя за меня.

— Это абсурд, — возразил я. — человеческое поведение слишком запутано, чтобы его можно было характеризовать так просто.

— «Сталкеры» говорят, что мы не так сложны, как нам кажется, — сказал он. — и что мы все принадлежим к одной из трех категорий.

Я нервно рассмеялся. Обычно я принимал такие заявления как шутку, но в этот раз, благодаря тому, что мой ум был совершенно чист, я почувствовал, что он говорит совершенно серьезно.

— Ты не шутишь? — спросил я вежливо, как только мог.

— Я совершенно серьезен, — ответил он и начал смеяться.

Его смех немного расслабил меня. И он продолжил объяснение системы классификации, созданной «сталкерами». Он сказал, что люди первой категории являются идеальными секретарями, помощниками и компаньонами. Они обладают очень подвижной индивидуальностью, но их подвижность не является вдохновляющей. Тем не менее они полезны, заботливы, полностью приручаемы, изобретательны до определенных границ, забавны, воспитаны, милы и деликатны. Другими словами, это люди, приятнее которых не найти, но у них есть огромный недостаток — они не могут действовать самостоятельно. Они всегда нуждаются в тех, кто бы направлял их. Получив направление, каким бы напряженным и противоречивым оно ни было, они потрясающе в его реализации. Но предоставленные самим себе, они погибают.

Людей второй категории милыми вообще не назовешь. Это мелочные, мстительные, завистливые, недоверчивые и эгоистичные люди. Они говорят только о себе и обычно требуют, чтобы люди подчинялись их стандартам. Они всегда перехватывают инициативу, даже если с ней им неуютно. Им не по себе в любой ситуации, и они никогда не расслабляются. Такие люди ненадежны и всегда всем недовольны, при большей незащищенности они становятся еще более отвратительными, чем есть на самом деле. Их смертельным недостатком является то, что они должны убивать, чтобы быть лидерами.

К третьей категории относятся люди, которые ни милы, ни отвратительны. Они никому не служат и никому не навязывают себя. Скорее всего они равнодушны. У них есть возвышенное понятие о самих себе, составленное из грез и желаемых мечтаний. В чем они экстраординарны, так это в ожидании, что вот-вот что-то произойдет. Они ожидают, что будут открывателями и победителями. Они обладают чудесной способностью создавать иллюзию того, что их ждут великие дела, которые они всегда обещают себе выполнить, но не делают этого никогда, поскольку для этого у них нет, фактически, никаких ресурсов.

Дон Хуан сказал, что он сам определенно принадлежит ко второй категории. Потом он попросил меня классифицировать самого себя, и я начал трещать без умолку. Дон Хуан, согнувшись от хохота, свалился на землю.

Он предложил мне еще раз классифицировать себя, и я неохотно предположил, что представляю собой комбинацию всех трех категорий.

— Мне не нужна эта комбинация чепухи, — сказал он, по-прежнему извиваясь от хохота. — мы просто люди, и каждый из нас представляет только один из трех типов. И как я убежден, ты принадлежишь ко второй категории. «Сталкеры» называют таких людей пердунами.

Я начал протестовать, что его схема классификации унижительна. Но остановился на середине фразы. Вместо этого я понял, что это правда, что существует только три типа личностей и каждый из нас пойман в одну из трех категорий, в жизни нет места надежде на изменение и освобождение.

Он согласился, что это как раз тот самый случай. Но все же остается один путь к освобождению. Маги давно научились тому, что только наше личное самоотражение бросает нас в одну из категорий.

— Наша беда в том, что мы принимаем себя слишком серьезно. — сказал он. — в какую бы категорию не попадал наш образ самих себя, вопрос заключается только в нашей собственной важности. Если у нас нет собственной важности, значит, нет и вопроса, к какой категории мы относимся.

— Я всегда был пердуном, — продолжал он, и его тело затряслось от смеха. — так же, как и ты. Но теперь я тот пердун, который не принимает себя серьезно, в то время как ты по-прежнему делаешь это.

Я был возмущен. Я хотел поспорить с ним, но не мог собрать для этого энергии.

На пустой площади реверберация его смеха была неестественно жуткой.

Потом он сменил тему, и скороговоркой произнес основные ядра, которые мы с ним обсуждали: манифестация духа, стук духа, надувательство духа, нашествие духа, требование «намерения» и управление «намерением».

Он повторил их, словно давал моей памяти шанс полностью сохранить их. А затем он кратко изложил все, что прежде говорил мне о них. Было так, словно он нарочно вынуждал меня сохранить всю эту информацию в интенсивности этого момента.

Я отметил, что основные ядра по-прежнему оставались тайной для меня. У меня появилась все та же озабоченность о моей способности понимать их. У меня было впечатление, что стоит ему прекратить обсуждение темы, и я тут же потеряю ее смысл.

Я настаивал на том, что должен задать ему массу вопросов об абстрактных ядрах.

Он, казалось, мысленно оценил сказанное мной и тихо кивнул головой.

— Эта тема была очень трудна и для меня, — сказал он. — и я тоже задавал много вопросов. Возможно, я был более эгоцентричным, чем ты. И таким же противным. Придирки были единственным способом задавания вопросов, который я знал. Ты же скорее воинственный инквизитор. В конце концов, конечно, и ты, и я в равной степени надоедливы, но по различным причинам.

Прежде чем сменить тему, дон Хуан добавил к нашей беседе об основных ядрах еще одну вещь: то, что они открывали себя очень медленно, то появляясь, то капризно уходя.

— Я не могу повторять слишком часто, что каждый человек, чья точка сборки сдвинулась, может передвинуть ее дальше, — начал он. — и единственная причина, по которой мы нуждаемся в учителе, заключается в том, что кто-то должен постоянно подстегивать нас. В противном случае нашей естественной реакцией будет остановка для того, чтобы поздравить себя с окончанием такой большой темы.

Он сказал, что мы оба являемся хорошими примерами нашей отвратительной тенденции поменьше касаться самих себя. Его бенефактор, к счастью, будучи потрясающим «сталкером», вообще не щадил его.

Дон Хуан сказал, что в течение их ночных путешествий по диким местам нагваль Хулиан пространно обучал его природе собственной важности и движения точки сборки. Для нагваля Хулиана собственная важность была монстром с тремя тысячами голов. И тот, кто вступал с ней в бой, мог победить ее одним из трех способов. Первый способ состоял в отсечении каждой из голов по очереди, вторым было достижение таинственного состояния бытия, называемого местом отсутствия жалости, которое разрушало собственную важность, медленно убивая ее голодом, третьим была оплата немедленного уничтожения тысячеголового монстра своей символической смертью.

Нагваль Хулиан рекомендовал третий выбор. Но он говорил дон Хуану, что считал бы себя счастливым, если бы мог выбирать. Для этого был дух, который обычно решал, каким путем идти магу, и маг был обязан следовать ему.

Дон Хуан сказал, что так же, как и он вел меня, его бенефактор заставил его отсечь три тысячи голов собственной важности, одну за другой, но результат был совершенно разным. В то время, как я реагировал очень хорошо, он не реагировал на это вообще.

— Со мной была особая ситуация, — продолжал он. — с того самого момента, как мой бенефактор «увидел» меня, лежащим на дороге с пулевой раной в груди, он знал, что я новый нагваль. Он действовал в соответствии с этим. Он сдвинул мою точку сборки вскоре после того, как это позволило мое здоровье. И я с легкостью увидел поле энергии в образе человека-чудовища. Но это достижение, вместо того, чтобы помочь, как предполагалось нагвалем, помешало дальнейшему движению моей точки сборки. И в то время, как точки сборки других учеников двигались без остановки, моя оставалась фиксированной на моей способности «видеть» монстра.

— Но разве твой бенефактор не говорил тебе, что делать с этим? — спросил я, озадаченный ненужным затруднением.

— Мой бенефактор не верил в передачу знания по наследству, — сказал дон Хуан. — он считал, что знание, переданное таким образом, теряет свою эффективность. Не было такого, чтобы кто-то нуждался в нем. С другой стороны, если о знании лишь намекали, заинтересованный человек должен был придумать способ, чтобы потребовать это знание.

Дон Хуан сказал, что разница между его методом обучения и методом его бенефактора заключается в том, что он сам верит в свободу выбора. Его бенефактор ее отрицал.

— А учитель твоего бенефактора, нагваль Элиас, рассказал тебе о том, что происходит? — настаивал я.

— Он пытался, — сказал дон Хуан и вздохнул. — но я действительно был невыносим. Я видел все. Я просто позволял двум людям говорить мне все, что угодно, но никогда не слушал того, что они мне говорили.

Чтобы выйти из этого тупика, нагваль Хулиан решил заставить дон Хуана выполнить еще раз, но уже другим путем, свободное движение его точки сборки.

Я перебил его вопросом, произошло ли это до или после его переживания в реке. История дон Хуана не имела хронологического порядка, который мне так нравился.

— Это случилось несколькими месяцами позже, — ответил он. — и ни на миг не думай, что я действительно изменился благодаря своему переживанию разделенного восприятия, я не стал ни мудрее, ни трезвее. Ничего подобного.

— Подумай о том, что случилось с тобой, — продолжал он. — я не только раз за разом разрушал твою последовательность, я разносил ее в клочья, а посмотри на себя — ты по-прежнему действуешь так, словно ты целый. Это ярчайшее достижение магии, «намеренного» действия.

— Я был таким же. На время я пошатнулся под ударом того, что пережил, но потом я все забыл и связал разорванные концы, словно ничего и не произошло. Бот почему мой бенефактор верил, что мы можем действительно измениться только тогда, когда умрем.

Вернувшись к своей истории, дон Хуан сказал, что нагваль использовал Тулио, необщительного члена его семейства, чтобы нанести новый сокрушительный удар по его психологической последовательности.

Дон Хуан сказал, что все ученики, включая и его самого, никогда не были в полном согласии друг с другом кроме того, что Тулио — презрительно надменный человечешко. Они ненавидели Тулио из-за того, что он либо избегал их, либо постоянно их осаживал. Он всегда обращался с ними с таким пренебрежением, что они чувствовали себя подобно грязи. Они все были убеждены, что Тулио никогда не разговаривает с ними, потому что ему нечего им сказать, и что его наиболее рельефной чертой, его высокомерным равнодушием была скрываемая им робость.

Но несмотря на его неприятную личность, к огорчению всех учеников, Тулио имел несообразное влияние на всех обитателей дома — особенно на нагваля Хулиана, который, казалось, души в нем не чаял.

Однажды утром нагваль Хулиан отправил всех учеников в однодневную поездку в город. Единственным человеком, который остался в доме, не считая старых хозяев дома, был дон Хуан.

Около полудня нагваль Хулиан отправился в свой кабинет, чтобы заняться ежедневными деловыми расчетами. Проходя мимо, он небрежно попросил дон Хуана помочь ему с бухгалтерией.

Дон Хуан начал разбираться с квитанциями и вскоре понял, что для продолжения работы ему нужна некоторая информация от Тулио, который, будучи ответственным за имущество, забыл сделать необходимые записи.

Нагваля Хулиана ужасно разозлило упущение Тулио, что доставило немало удовольствия дон Хуану. Нагваль нетерпеливо приказал дон Хуану отыскать Тулио, который в это время присматривал на полях за рабочими, и попросить его зайти к нему в кабинет.

Дон Хуан, радуясь идее досадить Тулио, пробежал полмили по полям в сопровождении слуги, который защищал его от человека-чудовища. Он нашел Тулио, который, как всегда, следил за работой на расстоянии. Дон Хуан заметил, что Тулио не любит вступать в прямой контакт с людьми и всегда наблюдает за ними издалека.

Резким тоном и в преувеличенно властной манере дон Хуан приказал Тулио следовать в дом, поскольку нагвалю требуется его помощь. Тулио едва слышным голосом ответил, что он слишком занят в данный момент, но в течение часа, возможно, освободится и придет.

Дон Хуан настаивал, зная, что Тулио не снизойдет для спора с ним и просто спровадит его кивком головы. Он был шокирован, когда Тулио начал кричать ему непристойности. Сцена так не вязалась с характером Тулио, что даже рабочие перестали трудиться и вопросительно посмотрели друг на друга. Дон Хуан был уверен, что они никогда не слышали, чтобы Тулио повышал свой голос и при этом выкрикивал неприличную брань. Его удивление было таким сильным, что он нервно рассмеялся, и этот смех ужасно рассердил Тулио. Он даже швырнул в напуганного дон Хуана камень, вызвав его бегство.

Дон Хуан и его телохранитель немедленно прибежали в дом. Около дверей они встретили Тулио. Он что-то тихо рассказывал и пересмеивался с несколькими женщинами. По своему обыкновению, он отвел голову в сторону, игнорируя дон Хуана. Дон Хуан начал сердито отчитывать его за то, что он болтает здесь в то время, когда его требует в кабинет сам нагваль. Тулио и женщины посмотрели на дон Хуана так, словно он спятил.

Но Тулио в этот день был каким-то необычным. Он вдруг закричал на дон Хуана, приказывая ему закрыть свой гнусный рот и подумать о своих собственных гнусных делах.

Он нагло обвинил дон Хуана в попытке представить его в плохом свете перед нагвалем Хулианом.

Женщины выказывали свою встревоженность, громко вздыхая и неодобрительно поглядывая на дон Хуана. Они пытались успокоить Тулио. Дон Хуан еще раз приказал Тулио идти в кабинет нагваля и пояснить счета. Тулио послал его подальше.

Дон Хуан затрясся от гнева. Простое задание проверить счета превращалось в кошмар. Но он сдержался. Женщины внимательно следили за ним, и это злило его пуще прежнего. В безмолвном бешенстве он побежал к нагвалю. Тулио и женщины вернулись к разговору и тихо смеялись, как бы радуясь удачной шутке.

Удивление дон Хуана нельзя описать словами, когда, вбежав в кабинет, он увидел Тулио, сидящим за письменным столом нагваля, погруженным в изучение квитанций. Дон Хуан сделал огромное усилие и поборол свой гнев. Он улыбнулся Тулио. У него больше не было надобности сводить с Тулио свои счета. Он вдруг понял, что нагваль Хулиан использовал Тулио, чтобы проверить его, посмотреть, можно ли его вывести из себя. Но он не даст ему этого удовольствия.

Не отводя глаз от квитанций, Тулио сказал, что если дон Хуан разыскивает нагваля, он, возможно, найдет его в другом конце дома.

Дон Хуан помчался в другую часть дома и застал нагваля Хулиана медленно шагающим вокруг патио с Тулио под ручку. Нагваль, казалось, был поглощен беседой. Тулио мягко потянул за его рукав и сказал тихим голосом, что сюда пришел его помощник.

Нагваль по деловому объяснил дон Хуану все, что надо было сделать со счетами. Это было длинное, подробное и доскональное объяснение. Потом он попросил дон Хуана принести расчетную книгу из кабинета сюда, чтобы они могли сделать записи, а потом Тулио подпишет свои.

Дон Хуан не мог понять, что происходит. Подробное объяснение и деловой тон нагваля переносил все в сферу мирских дел. Тулио нетерпеливо приказал дон Хуану поторапливаться и принести книгу, поскольку он был очень занят. Ему куда-то надо было спешить.

Но теперь дон Хуан смирился со своей ролью клоуна. Он знал, что нагваль задумал что-то еще, он понял это по странному выражению его глаз, которое у дон Хуана всегда ассоциировалось с его кошмарными шутками. К тому же Тулио в этот день сказал больше слов, чем за все два года, которые дон Хуан был в этом доме.

Не сказав ни слова, дон Хуан вернулся в кабинет. Как он и ожидал, Тулио оказался здесь первым. Он сидел на углу стола, ожидая дон Хуана и нетерпеливо постукивал каблук об пол. Он протянул гроссбух дон Хуану и сказал, что тот может убраться прочь.

Даже будучи подготовленным, дон Хуан был поражен. Он смотрел на человека, который в это время сердился и ругал его. Дон Хуан изо всех сил пытался не раздражаться. Он продолжал говорить себе, что все это просто проверка его выдержки. Ему казалось, что его выгонят из дома, если он не выдержит испытания.

В центре своего смятения он все же удивлялся той скорости, с какой Тулио всегда удавалось быть на прыжок впереди него.

Дон Хуан, конечно же, предвидел, что Тулио уже поджидает его с нагвалем. И все-таки, когда он увидел его там, это хотя и не удивило его, но заставило заподозрить неладное. Он же мчался через дом по кратчайшему пути. Тулио никак не мог обогнать его. Кроме того, если бы Тулио и бежал, ему бы следовало бежать рядом с дон Хуаном.

Нагваль Хулиан с равнодушным видом принял от дон Хуана расчетную книгу, потом сделал запись, и Тулио зарегистрировал ее. Затем они вновь заговорили о счетах, не обращая внимания на дон Хуана, который буквально пожирал глазами Тулио. Дон Хуану хотелось разгадать, какой вид испытания они подготовили для него. Ему казалось, что это было испытание его отношения к другим. В конце концов в этом доме его отношение к другим всегда было проблемой.

Нагваль отпустил дон Хуана, сказав, что хочет наедине с Тулио обсудить некоторые дела. Дон Хуан пошел искать женщин, чтобы разузнать, что же они скажут об этой странной ситуации. Не прошел он и десяти метров, как встретил двух женщин и Тулио. Между ними шел оживленный разговор. Он увидел их раньше, чем они заметили его, поэтому дон Хуан бросился назад к нагвалю. Тулио был там, беседуя с нагвалем.

Невероятное подозрение закралось в ум дон Хуана. Он побежал в кабинет, Тулио так углубился в бухгалтерию, что даже не обратил внимания на дон Хуана. Дон Хуан спросил его, что происходит? Тулио на этот раз поступил по своему обыкновению, он и не ответил и даже не взглянул на дон Хуана.

В этот миг у дон Хуана появилась другая невообразимая мысль. Он побежал на конюшню, оседлал двух лошадей и попросил своего утреннего телохранителя сопровождать его снова. Они галопом поскакали туда, где видели Тулио прежде. Он был точно там, где они оставили

его. Он ни слова не сказал дон Хуану и только пожал плечами и отвернулся, когда дон Хуан начал расспрашивать его.

Дон Хуан и его компаньон галопом вернулись домой. Он попросил человека позаботиться о лошадях и вбежал в дом. Тулио обедал с женщинами. Тулио разговаривал с нагвалем. Тулио работал со счетами.

Дон Хуан сел, от страха его бросило в холодный пот. Он знал, что нагваль Хулиан испытывает на нем одну из своих ужасных шуток. Он рассудил, что у него есть три варианта действий. Он может вести себя, словно ничего не случилось, он может вычислить, какой тест придуман для него, или, поскольку нагваль подчеркнул, что он будет рядом, чтобы объяснить все, что пожелает дон Хуан, он может пойти к нагвалю и попросить его пояснений.

Он решил попросить пояснений. Он подошел к нагвалю и попросил объяснить то, что было сделано с ним. Нагваль в это время был один, рассматривая свои деловые бумаги. Он отложил гроссбух и улыбнулся дон Хуану. Он сказал, что двадцать одно неделание, которым он обучал дон Хуана, были орудиями, которые могли бы отсечь три тысячи голов собственной важности, но эти орудия были с дон Хуаном совершенно неэффективны. Поэтому он испытал второй метод разрушения собственной важности, который требовал введение дон Хуана в состояние бытия, названное местом отсутствия жалости.

То есть дон Хуан еще раз убедился, что нагваль Хулиан просто сумасшедший. Слушая, как он рассказывает о неделаниях, о монстре с тремя тысячами голов или о месте отсутствия жалости, дон Хуану стало даже жалко его.

Нагваль Хулиан спокойно попросил дон Хуана пойти в кладовую, вернувшись снова в дом, и пригласить сюда придти Тулио.

Дон Хуан вздохнул и еле удержался от смеха. Методы нагваля были слишком очевидны. Дон Хуан знал, что нагваль хочет продолжить испытание, используя для этого Тулио.

Дон Хуан остановил свой рассказ и спросил меня, что я думаю о поведении Тулио. Я сказал, что руководствуясь тем, что я знал о мире магов, я могу сказать, что Тулио был магом и тем, кто мог сдвигать свою точку сборки в очень изощренной манере, и это давало дон Хуану впечатление, что он находится в четырех местах одновременно.

— Ну и кого, ты думаешь, я встретил в кладовой? — спросил дон Хуан с хитрой ухмылкой.

— Наверняка, ты либо встретил Тулио, либо вообще не нашел никого, — ответил я.

— Нет, если бы все так и было, моя последовательность не была бы сокрушена, — сказал дон Хуан.

Я старался представить различные чудные вещи и предположил, что, возможно, он встретил «сновиденное тело» Тулио. Я напомнил дон Хуану, что он сам делал нечто подобное с одним из членов его партии по отношению ко мне.

— Нет, — возразил дон Хуан, — я встретился там с шуткой, которая не имеет эквивалента в реальности. Это не было чудом, просто она была не из этого мира. Что бы, ты думал, это было?

Я сказал дон Хуану, что ненавижу загадки. Я сказал, что среди всех странностей, которые он заставлял меня переживать, любая следующая вещь, как я считал, была еще более странной, чем предыдущая, поэтому я сдаюсь и жду разгадки.

— Когда я вошел в кладовую, я готовился найти там Тулио, — сказал дон Хуан. — я был уверен, что следующей частью испытания будет приводящая в ярость игра в прятки. Тулио должен был вывести меня из себя, прячась в этой кладовой.

— Но ничего, к чему я готовил себя, не произошло. Я вошел в кладовую и встретил четырех Тулио.

— Как четырех Тулио? — переспросил я.

— В кладовой было четыре человека, — ответил дон Хуан. — и каждый из них был Тулио. Воображаешь, каково было мое удивление? Каждый из них сидел в одной и той же позе, их ноги были тесно переплетены. Они поджидали меня. Я посмотрел на них и с криком убежал.

— Мой бенефактор догнал меня и повалил на землю у самых дверей. И потом, к моему великому ужасу, я увидел, как четыре Тулио вышли из сарая и направились ко мне. Я кричал, кричал до тех пор, пока Тулиос не начали щипать меня своими стальными пальцами, словно меня атаковали огромные птицы. Я кричал до тех пор, пока что-то во мне не сдалось. Я вошел в состояние величайшего безразличия. Никогда прежде в своей жизни я не чувствовал себя так удивительно. Я стряхнул с себя всех Тулио и поднялся. Они просто щекотали меня. Я подошел прямо к нагвалю и попросил его объяснить мне существование этих четырех человек.

Нагваль Хулиан объяснил дон Хуану, что эти четыре человека были образцами «выслеживания». Их имена были придуманы их учителем, нагвалем Элиасом, который в качестве упражнения по контролируемой глупости взял испанскую нумерацию уно, дос,

трес, куатро, и добавив к ней имя Тулио, получил имена Тулиуно, Тулиодо, Тулитро и Туликуатро.

Нагваль Хулиан познакомил каждого по очереди с дон хуаном. Четыре человека встали в ряд. Дон Хуан подходил к каждому из них и кивал головой, и каждый из них тоже отвечал кивком. Нагваль сказал, что эти четыре человека были «сталкерами» такого высочайшего таланта — в котором дон Хуан мог теперь убедиться — что похвала здесь бессмысленна. Тулиос были триумфом нагваля Элиаса, они были сутью ненавязчивости. Они были такими первоклассными «сталкерами», что по существу существовал только один из них. Хотя люди видели и имели дело с ними ежедневно, никто, кроме членов группы не знал, что существует четыре Тулио.

Дон Хуан с исключительной ясностью понял все, что нагваль Хулиан рассказал ему об этих людях. Благодаря необычной для него ясности, он знал, что достиг места отсутствия жалости. И тогда он самостоятельно понял, что место отсутствия жалости достигнуто. И тогда он самостоятельно понял, что место отсутствия жалости было позицией точки сборки, позицией, которая делала самосожаление недействительным. И еще дон Хуан знал, что его понимание и мудрость были крайне кратковременными. Его точка сборки неизбежно должна была вернуться в свою точку отправления.

Когда нагваль спросил дон Хуана, есть ли у него еще вопросы, он понял, что лучше обратить внимание на объяснения нагваля, чем спекулировать на своих догадках.

Дон Хуан хотел узнать, как Тулиос создавали впечатление, что существует только один человек. Ему это было очень интересно, потому что, наблюдая за ними, когда они стояли вместе, он понял, что эти люди вовсе не одинаковы. Они носили одну и ту же одежду. У них была одинаковая комплекция, возраст и рост. На этом, пожалуй, сходство и кончалось. И все же, даже когда он смотрел на них, дон Хуан мог бы присягнуть, что здесь есть только один Тулио.

Нагваль Хулиан объяснил, что человеческий глаз приучен фокусироваться только на наиболее выдающихся чертах кого-либо и что эти рельефные черты узнаются прежде всего. Таким образом, искусство «сталкеров» создает впечатление, представленное чертами, которые были выбраны ими, чертами, которые будут обязательно замечены глазом наблюдателя. Благодаря ловко подкрепляемым определенным впечатлениям, «сталкеры» способны создавать у наблюдателя неоспоримое убеждение в том, что было воспринято глазами.

Нагваль Хулиан сказал, что когда дон Хуан впервые появился переодетым в женскую одежду, женщины его партии были восхищены и откровенно радовались. Но мужчина, который был тогда с ними, а им был Тулитре, тут же снабдил дон Хуана первым впечатлением о Тулио. Он отвернул от него свое лицо, презрительно пожал плечами, словно все это было скучным для него, и ушел прочь — борясь внутри с приступами смеха — в то время как женщины помогли укрепить это первое впечатление, неодоблив поведение, и даже почти сердясь на этого необщительного человека.

С этого момента каждый Тулио, встречаясь с дон Хуаном, укреплял это впечатление, все больше совершенствуя его, пока глаз дон Хуана уже не мог схватывать ничего большего, кроме того, что предлагалось ему.

Затем заговорил Тулиуно и сказал, что после трех месяцев внимательных и последовательных действий, дон Хуан видел только то, что он был приучен ожидать. После трех месяцев его слепота стала такой сильной, что Тулиос уже не требовалось быть внимательными. Они опять вернулись к обычной деятельности в этом доме. Они даже перестали одевать одинаковую одежду, но дон Хуан так и не заметил разницы.

Когда в доме появились другие ученики, Тулиос проделали все это заново. На этот раз вызов оказался трудным, так как учеников было много, к тому же все были очень резвы.

Дон Хуан спросил Тулиуно о внешности Тулио. Тулиуно ответил, что нагваль Элиас утверждал, будто внешность является сущностью контролируемой глупости, и «сталкеры» создают внешность своим «намеренным» вызовом, а не с помощью бутафории. Реквизит создает искусственную внешность, которая выглядит фальшиво. В этом отношении «намеренно» вызванная внешность является упражнением исключительно для «сталкеров».

Тулитре рассказал следующее. Он сказал, что внешность выпрашивается у духа. Внешности выпрашиваются, настойчиво призываются, их никогда рационально не придумашь. Внешность Тулио была вызвана из абстрактного. И чтобы сделать это, нагваль Элиас вызвал их всех четырех в очень маленькую, отдаленную комнатку, и там с ними заговорил дух. Дух сказал им, что сначала они должны «намеренно» вызвать свою однородность. И за четыре недели полной изоляции однородность пришла к ним.

Нагваль Элиас говорил, что «намерение» сплავило их вместе, и что они приобрели уверенность, что их индивидуальности никогда не будут раскрыты. Теперь они должны были выпросить внешность, которую будет воспринимать наблюдатель. И они с головой окунулись

в «намеренный» вызов внешности Тулио, которую видел дон Хуан. Не потребовалось много усилий, чтобы сделать ее совершенной. Они под действием их учителя фокусировались на мельчайших деталях, добиваясь их совершенства.

Четверо Тулиос продемонстрировали дон Хуану наиболее рельефные черты Тулио. Ими являлись: очень убеждающие жесты пренебрежения и надменности, резкие повороты лица в правую сторону, как бы в порыве гнева, повороты нижней части тела, когда левое плечо как бы прикрывало часть лица; сердитые взмахи рук выше уровня глаз, которые как бы убирали волосы со лба, и походка проворного, но неторопливого человека, который слишком осторожничают, решая, каким путем идти.

Дон Хуан сказал, что эти детали поведения и слепота других людей делали Тулио незабываемым характером. Фактически, он был настолько незабываем, что для того, чтобы спроецировать Тулио на дон Хуана или других учеников, как на экран, любому из четырех мужчин надо было сделать только намек на черту характера, и дон Хуан, как и другие ученики, автоматически доделывали остальное.

Дон Хуан сказал, что благодаря невероятной последовательности подачи информации, Тулио был для него и для других учеников сущностью отрицательного, отвратительного человека. Но в то же время, если бы они покопались в себе поглубже, они бы узнали, что Тулио был подобен навязчивой идее. Он был подвижен, таинственен и создавал, сознательно или бессознательно, впечатление человека, находящегося в тени.

Дон Хуан спросил Тулио, как они вызывали «намерение». Тулио объяснил, что «сталкеры» вызывают «намерение» громко вслух. Обычно «намерение» вызывается в небольшой, темной, изолированной комнате. На черный стол ставится свеча, чье пламя должно быть в нескольких дюймах перед глазами, затем медленно произносится слово «намерение», которое повторяется ясно и четко, без спешки, сколько чувствуешь нужно для этого раз. Высота голоса поднимается или спадает без всяких мыслей об этом.

Тулио подчеркивал, что незаменимой частью действия вызова «намерения» была полнейшая концентрация на том, что «намеренно» вызывалось. В их случае концентрация была на их однородности и на внешности Тулио. Позже, когда «намерение» спланило их, им потребовалась пара лет для создания уверенности, что их однородность и внешность Тулио стали реальностью для наблюдателя.

Я спросил дон Хуана, что он думает о способе их вызова «намерения». Он сказал, что его бенефактор, как и нагваль Элиас, были более ритуальны, чем он сам, поэтому они предпочитали такие вещи, как свечи, темные клозеты и черные столы.

Я случайно заметил, что меня очень привлекает ритуальное поведение. Ритуал мне казался необходимым для фиксирования внимания. Дон Хуан отнесся к моему замечанию довольно серьезно. Он сказал, что «видит» мое тело, как энергетическое поле, и оно обладает той же чертой, которую, как он знает, имели все маги древних времен и жадно искали в других — яркое пятно внизу на правой стороне светящегося кокона. Эта яркость ассоциировалась с изобретательностью и со склонностью к патологии. Черные маги тех времен находили удовольствие в использовании этой скрытой черты и связывали ее с темной стороной человека.

— Значит, есть дьявольская сторона человека, — сказал я с ликованием. — ты всегда отрицал ее. Ты всегда говорил, что дьявола не существует, что существует только сила.

Я был удивлен своей вспышке. В этот момент все мое католическое воспитание обрушилось на меня и князь тьмы казался мне реальнее, чем жизнь.

Дон Хуан хохотал до тех пор, пока не поперхнулся.

— Конечно же, у нас есть темная сторона, — сказал он. — мы способны на бессмысленное убийство, не правда ли? Мы сжигали людей с именем бога. Мы уничтожаем себя, мы уничтожаем жизнь на этой планете, мы разрушаем землю. Потом мы облачаемся в мантии и ризы, и бог говорит с нами впрямую. Что же он говорит нам? Он говорит, что мы должны быть паиньками, или он накажет нас. Бог столетиями угрожает нам, но ничего не изменилось. Не потому, что мы с дьяволом внутри, а потому, что мы тупы, как пробки. Да, человек имеет темную сторону, и она называется глупостью.

Я ничего не сказал, но мысленно аплодировал ему и с удовольствием думал о том, что дон Хуан величайший и искусный знаток дискуссий. Ему вновь удалось повернуть мои слова на меня же.

После небольшой паузы дон Хуан разъяснил, что в той же мере, с какой ритуал вынуждает обычных людей строить высокие церкви — эти монументы собственной важности — ритуал вынуждал магов строить сооружения патологии и навязчивых идей. Поэтому долг каждого нагваля — вести сознание так, чтобы оно несло прямо к абстрактному, свободное от права наложения ареста и всяких закладных.

— Что ты понимаешь, дон Хуан, под правом наложения ареста и закладных? — спросил я.

— Я могу подтвердить, что ритуал может поймать наше внимание лучше, чем что-либо еще, — сказал он. — но он требует за это огромную цену. Этой огромной ценой является патология. Патология может стать для нашего сознания правом на арест, закладной на нашу свободу.

Дон Хуан сказал, что человеческое сознание похоже на огромный дом с привидениями. Сознанию повседневной жизни нравится быть запертым в одной комнате этого огромного дома жизни. Мы вошли в комнату через магическое отверстие — рождение. И мы уйдем через другое подобное отверстие — смерть.

Но маги смогли отыскать еще одно отверстие и вышли из этой закупоренной комнаты, продолжая жить. Величайшее достижение! Но их еще более изумительным завоеванием было то, что, избавившись от закупоренной комнаты, они избрали свободу. Они избрали быть во всем этом огромном доме с привидениями, а не прятаться в какой-то части его.

Патологичность — это полная противоположность той волне энергии сознания, которая необходима для приобретения свободы. Патологичность заставляет магов терять свой путь и лезть в запутанные, темные проселки неизвестного.

Я спросил дон Хуана, была ли когда-нибудь патологичность у Тулиос.

— Странность — не патология, — ответил он. — Тулиос были исполнителями, подготовленными самим духом.

— Зачем нагваль Элиас обучил их этому? В чем заключался смысл? Спросил я.

Дон Хуан уставился на меня и громко захохотал. В этот же миг включили освещение площади. Он поднялся со своей любимой скамьи и погладил ее ладонью, словно она была живой.

— В свободе, — сказал он. — он желал им свободы от перцептуальных условностей. Он учил их быть искусными. «Выслеживание» — это искусство. Для мага, поскольку он не покровитель и не торговец искусством, единственно важным вопросом об этом искусстве является то, что его можно достичь.

Мы стояли у скамьи, наблюдая за любителями вечерних прогулок, которые толпились вокруг нас. История о четырех Тулиос оставила меня с чувством предзнаменования. Дон Хуан посоветовал мне вернуться домой. Долгая поездка в Лос-анджелес, сказал он, даст моей точке сборки передышку от всех ее передвижений за эти несколько дней.

— Компания нагваля очень утомительна, — продолжал он. — она создает странную усталость, которая может быть даже вредной.

Я заверил его, что совершенно не устал, и что его компания была всем, чем угодно, но не вредной для меня. Фактически, его общество возбуждало меня, как наркотик — я просто не мог без него. Это звучит так, словно я льщу ему, но в действительности я хотел сказать то, что сказал.

Мы прошлись вокруг площади три или четыре раза в полном молчании.

— Езжай домой и подумай об основных ядрах магических историй, — сказал он с оттенком прощания. — Или лучше не думай о них, а заставь свою точку сборки сдвинуться в место безмолвного знания. Движение точки сборки — это все, но оно ничего не значит, если нет трезвого, контролируемого движения. Поэтому, закрой дверь самоотражению. Будь безупречным, и у тебя будет энергия, чтобы достичь места безмолвного знания.